

И.К. МОРОЗОВ

ОТ
СТАЛИНГРАДА
ДО ПРАГИ

Издание второе,
сокращенное
и переработанное

Морозов И. К.

М80 От Сталинграда до Праги. Записки командира дивизии. Волгоград. Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1976.

208 с. с ил.

Автор книги рассказывает о боевых действиях бывшей 422-й (81-й гвардейской) Красноградской стрелковой дивизии, которой командовал в годы Великой Отечественной войны.

Центральное место отводится воспоминаниям о Сталинградской битве.

М $\frac{11202-14}{M151(03)-76}$ 3-76

9(с)27

© НИЖНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1976.

ОТ АВТОРА

Эта книга — мои мемуары о боевом пути 422-й Дальневосточной, ставшей под Сталинградом гвардейской стрелковой дивизией, которой мне выпала честь командовать в годы Великой Отечественной войны, это летопись подвигов мужественных солдат и офицеров, покрывших себя неувядаемой славой в боях за Сталинград и на Курской дуге, на Украине и в Молдавии, в Румынии и Венгрии, Австрии и Чехословакии.

Еще в тяжелые дни Сталинградской битвы я начал вести блокнотные записи, в которые заносил отдельные мысли, впечатления, боевые эпизоды, подвиги солдат и офицеров. Дивизионный фотограф П. Чернышов делал снимки.

На Курской дуге я начал кратко записывать боевые действия дивизии, ее частей и подразделений и завел списки офицеров, совершивших подвиги в боях.

Для чего делались эти записи? Думалось: закончится нашей великой победой война, надо будет рассказать о том, как защищали свою Родину советские воины-герои.

И вот написана книга. Посвящаю ее воинам дивизии, павшим смертью героев в боях с фашистами. Славному сыну Коммунистической партии, выдающемуся советскому полководцу Маршалу Советского Союза Федору Ивановичу Толбухину, всем здравствующим ныне бывшим бойцам дивизии и их наследникам, умножающим ее славу.

**Гвардии генерал-майор в отставке
И. К. МОРОЗОВ**

Гвардии генерал-майор И. К. Морозов

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Кончался холодный дальневосточный февраль грозного 1942 года, когда мне вручили приказ о назначении командиром 422-й стрелковой дивизии.

— Уж не на фронт ли, Иван Константинович? — спросил мой бывший помполит Василий Иванович Потемин. Мы с ним стали хорошими друзьями еще в то время, когда вместе служили в мотоциклетном полку.

— Обстановка серьезная, все может быть, — сказал я.

Война внезапно вторглась в нашу жизнь, службу, быт. Произошли большие изменения в нашем гарнизоне. Мне, потомственному кавалеристу, и многим моим товарищам пришлось распрощаться с конницей и овладеть новыми профессиями. Так требовало время.

Совсем недолго пришлось командовать мотоциклетным полком, и вот новое назначение.

28 февраля мы прибыли к командующему армией генералу Зайцеву.

— Спешите, вас ждут, — сказал мне помощник начальника оперативного отдела штаба подполковник Фунтиков.

Открыв дверь и войдя в комнату, я представился:

— Командир 422-й стрелковой дивизии подполковник Морозов по вашему приказанию прибыл.

Командарм и член Военного совета поздравили меня с новым назначением.

— Теперь дело за тобой, Морозов, — сказал командарм. — Партия дает тебе ответственное поручение. Мы

рекомендуем в твою дивизию начальником штаба подполковника Фунтикова, заместителем по артиллерии подполковника Цепелева, комиссаром дивизии старшего батальонного комиссара Шестакова.

— Кого бы ты хотел начальником политотдела дивизии? — спросил меня начальник политотдела армии.

И тут все засмеялись. Это потому, что командование армии хорошо знало, кого надо в дивизию начальником политотдела.

— Так и быть. Дадим тебе Потемина, — согласились все.

Мы получили приказ сформировать дивизию в самые короткие сроки и приступить к обучению личного состава по ускоренной программе.

...До места формирования дивизии ехали на «козле», которым ловко управлял бывший коновод Саша Ворошилов. Неширокое шоссе тянулось прямой серой лентой, и только в отдельных местах оно петляло между сопок, взлетало вверх, затем вновь опускалось. Посторонним его шумели дальневосточные березы, стройные сосны, могучие кедры.

— А вот и гарнизон, — сказал Потемин, приподнимаясь в машине. — Мы у цели.

Потемин дорогой высказал свои мысли о формировании дивизии, о расстановке партийных и комсомольских сил, о том, что предстоит сделать.

— Чертовски интересно получается! — говорил он. — Дивизии еще нет, а она уже, я слышал, получает задание на оборонительные работы, да еще где — от реки и до реки. Это — 120 километров!

— Такого приказа мы еще не получили, — возражал я. — И, может, не получим.

— А вот послушай, Иван Константинович, как командарм это решает, — не унимался Потемин. — Все речные протоки, займища и заболоченные долины будут оборонять пограничные части. Нам прикажут строить рубеж и оборонять ротные районы и батальонные узлы по сопкам, примыкающим к реке.

— Если так, то это выгодно дивизии, — говорил я. — Учиться будем в обстановке, приближенной к боевой. Все задачи будем решать на местности, практически.

— Так и будем делать, — сказал Потемин.

Мы бегло осмотрели отведенные нам казармы, скла-

ды и другие помещения, нашли их пригодными и удобными для расквартирования одного из будущих стрелковых полков. Затем поехали дальше, во второй гарнизон.

Влево от шоссе за ним возвышались двухэтажные здания Дома Красной Армии и будущего штаба дивизии. Наш путь был окончен.

У входа в здание штаба дивизии нам встретился старший лейтенант административной службы Ситников. Это был начальник строевой части штаба будущей дивизии. Мы познакомились, и Николай Ситников сообщил нам, что начинают прибывать люди — рядовой и сержантский состав. Прибывают большими группами на станцию. Чувствовалось, что за формирование дивизии отвечают Хабаровский и Приморский крайкомы ВКП(б) и командование фронтом.

Вскоре начальник штаба дивизии подполковник Фунтиков, приехавший на несколько часов раньше нас, представил нам командиров полков.

Майор Черезов, худощавый блондин, говорил красивым баском; по его выправке, манере держаться видно было, что это волевой, требовательный командир.

Прост, как солдат, был коренастый, полный майор Волик.

Рачительным хозяином и требовательным командиром был уже знакомый мне майор Сорокин, родом из Ульяновска.

Приятное впечатление производил и командир будущего артполка майор Евсеев, грамотный и энергичный.

Отличная выправка командиров, их подготовленность к решению важных задач, осведомленность в делах формирования частей — все это вызывало к ним чувство уважения и доверия.

Позднее прибыл командир отдельного истребительного артиллерийского дивизиона капитан Обухов. Он не мог дожидаться того дня, когда, наконец, выведет своих людей на артполигон и займется настоящим делом. Вслед за Обуховым появился лихой кавалерист, старший лейтенант Акимов.

Вскоре прибыл долгожданный комиссар дивизии Иван Андреевич Шестаков. Он показался нам суровым, строгим. Ему много пришлось пережить в первые дни войны, которая застала его на границе. Уж так пове-

лось у нас, что каждый новичок, прибывший в дивизию, после короткого знакомства переходил к делу. Рассказав о своем участии в боях, он предложил, не медля, создать партийные и комсомольские организации, проводить конференции. Его поддержали, а Василий Иванович Потемин взялся развернуть работу редакции дивизионной газеты «Красный стрелок».

Так рождалась дивизия.

НИ ОДНОЙ ПОТЕРЯННОЙ МИНУТЫ

Весной 1942 года обстановка на фронте была очень напряженной. Немецко-фашистские захватчики оккупировали Украину, Белоруссию, Молдавию, Прибалтийские республики. Ленинград был блокирован гитлеровскими войсками.

Советский Союз один героически вел борьбу против фашистской Германии, покорившей почти всю Европу. Союзники медлили с открытием «второго фронта». Турция и Япония стягивали войска к советским границам, ждали удобного момента для нападения.

Зимние операции Советской Армии 1941—1942 года развеяли миф о непобедимости гитлеровской армии, сорвали планы сумасшедшего «фюрера». Однако немцы продолжали рваться в глубь нашей Родины, готовили наступление на Кавказском и Сталинградском направлениях. Целью этого наступления было окружение и уничтожение советских войск в большой излучине Дона, выход к Волге, захват Ставрополя, Кубани и Кавказа.

Учитывая сложившуюся обстановку на фронте, особенно на южном и юго-восточном направлениях, партия и правительство, Верховное командование срочно приступили к созданию новых резервов и переброске их на ответственные направления. В это тяжелое для нашей Родины время и создавалась наша 422-я Дальневосточная стрелковая дивизия.

Со всех концов Дальневосточного края прибывали тихоокеанские и уссурийские рыбаки, в огромных сапогах, голенища которых подвязывались к поясному ремню. Тихо перешагивали пороги штабов таежные следопыты и охотники, будто подкрадываясь к белке или соболю.

С достоинством представлялись шахтеры, не расстававшиеся и здесь со своими горняцкими шляпами. Степенно входили колхозники, труженики земли. С шумом осаждали писаря молодые задорные рабочие.

Через несколько часов, сменив пеструю гражданскую одежду на военную форму, все они становились солдатами.

Боевая учеба продолжалась и днем и ночью. Не умолкая, гремели артиллерийские и минометные залпы. Трещали пулеметы и автоматы. В небо непрерывно взлетали разноцветные ракеты, то и дело раздавалось громкое русское «ура».

...В городе дислоцируется часть майора Сорокина. До нее — 45—50 километров. Мы с комиссаром Шестаковым принимаем решение: ночью поднять часть по тревоге, с задачей совершить десятикилометровый марш, выйти на левый берег реки, занять оборону на гряде сопок и не допускать форсирования реки «противником».

На сутки позже поднять части, расположенные в другом гарнизоне, и поставить перед ними задачу: после сорокапятикилометрового марша с ходу форсировать реку, уничтожить «противника», захватить и удерживать плацдарм.

Старший батальонный комиссар Шестаков обращается к Потемину:

— Учение серьезное. И политработникам есть где развернуться. Подумайте, что может сделать газета.

Впервые в жизни я начинаю чувствовать, как трудно командовать дивизией. Особенно мне, офицеру без академического образования, прослужившему в пехоте до назначения комдивом всего 12 суток.

Вкрадывается сомнение: а справлюсь ли я? Оправдаю ли доверие партии?

В это время в кабинет входит командарм Зайцев. Здравуемся. Он внимательно смотрит на меня.

— Что, тяжело, Морозов? Вот потому и приехал к тебе. На целую неделю. Где нужно помогу, а где и поругаю.

Генерал одобряет план будущих учений, советует:

— Делайте все, как наметили. Меня нет. Появлюсь тогда, когда в этом будет необходимость, но учтите — я вам не нянька, смелее расправляйте свои крылья.

С группой офицеров дивизии мы с комиссаром подняли полк Сорокина по тревоге. Полк поднялся без суеты, быстро, организованно. Батальон капитана Боровика выступал на марш в головном отряде, за ним в первом эшелоне главных сил полка двигался батальон капитана Захарченко. Впереди него шел штаб полка во главе с его начальником, майором Малышевым. Во втором эшелоне находился стрелковый батальон капитана Свечникова.

Тылы полка и батальонов, объединенные в одну колонну, составляли третий эшелон. Его возглавлял заместитель командира полка по тылу майор Лозовский.

...Командир полка, майор Александр Степанович Сорокин со своим адъютантом, лейтенантом Алексеем Кабановым, стоял на перекрестке шоссе и замечательно волновался. Солдаты в ночной темноте проходили перекресток, сворачивали налево и шли, прижимаясь к правой обочине дороги. Полк замыкала тыльная походная застава. Майор Сорокин доложил мне, что стрелковый полк поднялся по тревоге и последовал на учение.

Командарм подошел к Сорокину и поблагодарил его и в его лице весь полк за быстрое и организованное выступление по тревоге.

Послышалась команда: «Шире шаг!», а через две три минуты — «Бегом марш!». Начался марш-бросок. Он продолжался 65 минут. За это время полк прошел 10 километров.

— Это хорошо,— сказал я капитану Пирогову.

— Да, товарищ комдив, очень хорошо. Ведь не спортсмены в трусиках, а солдаты с полной выкладкой,— поддержал меня начхим.

— Нет, не хорошо, а только удовлетворительно,— вдруг послышались слова командарма.— Посмотри, комдив, и подумай: на таком небольшом участке полк растерял больше роты. Этак на сорока километрах Сорокин растеряет весь полк и в бой будет вступать со своим штабом. Между прочим, я видел,— особо подчеркнул командарм,— что офицеры выходили из строя и перематывали портянки. Вот так, комдив. Пусть командир полка организует короткий отдых и сразу переходит к обороне на указанном участке.

Мы объявили Сорокину, что его полк играет нашего «противника». За двое суток полк должен окопаться и

Полковник И. К. Морозов,
командир 422-й стрелковой дивизии

замаскироваться так, чтобы его нельзя было обнаружить и выбить из занимаемого рубежа.

Затем «козел» Саши Ворошилова понес нас с командармом по будущему маршруту дивизии.

— Хороший же ты избрал маршрут,— с лукавой улыбкой заметил командарм.— На западном театре во-

онных действий такой не сыскать, разве только в Прибалтике да Белоруссии. Но раз избрал, то советую срочно, по тревоге поднять саперов. Пусть в порядке практической учебы на заболоченных участках маршрута построят хотя бы фашинные настилы. В противном случае ты с дивизией застрянешь или будешь совершать марш не одну ночь, а целые сутки и даже больше.

— Есть, товарищ генерал! Маршрут будет разведан и на всем протяжении отремонтирован саперами.

Командарм посоветовал, что и как делать, потом приказал:

— Ну-ка, сворачивай на шоссе и скорее поезжай в штаб, иначе ты сорвешь намеченные учения.

При выезде на шоссе командарм пересел в свой «виллис» и умчался.

* * *

В кабинете начальника штаба дивизии Фунтикова сидели вспотевшие посредники. На картах уже были проиграны две темы: марш в условиях нападения воздушного и наземного противника и форсирование водной преграды с ходу и захват плацдармов.

— Посредникам разрешите часика три отдохнуть и для проигрыша на местности собраться в штабе дивизии к десяти часам,— приказал я Фунтикову.— Сейчас поднять по тревоге саперов. Их задача— на всех заболоченных местах маршрута проложить фашинные настилы, соответствующие тоннажу всех наших грузов. С выходом к реке быть в готовности для наведения паромов и переброски пехоты на табельных средствах и лодках рыбаков. Гарнизон поднимаем после отбоя через час.

* * *

...Мы ехали по маршруту будущих учений. Командарм отмечал и благодарил саперов за усердную работу, которая нужна не только для войск в период учений, но и полезна для колхозов этого района.

— Правильно вы маршрут выбрали для обучения саперов,— улыбаясь, говорил мне генерал.

Я же, как бы невзначай, задал ему вопрос:

— Товарищ командарм, соседи нам «помогают»?

Подполковник Н. Ф. Смолянинов,
заместитель командира дивизии по тылу

Командарм вместо ответа спросил шофера Сашу Ворошилова:

— А разве вы, товарищ шофер, видели по дороге соседей-пограничников?

— Нет, товарищ командарм, соседей не видел, а фуражки и портянки на кустах, недалеко от дома лесника,

писки. И еще, товарищ генерал, летчики тоже по вашему приказу загнали полк Сорокина в траншеи и заставили его париться, как в бане.

— Откуда это вам все известно, кто вам рассказал?

— Никто мне не рассказывал, я сам, да и комдив наш догадались, куда и зачем вы вчера от нас уехали.

— Вы, оказывается, присматриваетесь и догадываетесь, а хранить тайну как воин умеете?

— Да, товарищ генерал, умею. И никто, кроме нас троих, не будет знать, что на учениях соседи будут играть против нас.

Командарм пересел на свой «виллис» и уехал.

Не успели мы с Сашей выехать на дорогу, как два звена тупорылых И-16 начали со свистом и ревом кружить над нами, пока не загнали в лес.

— Вот проклятые «ишаки», чуть за голову не зацепили,— сокрушался Саша, а потом залпом выпалил: — Тут, товарищ подполковник, без хитрости командарма не обошлось.

— Жми, и ни одной минуты на лишние разговоры. Скорее в штаб.

КАК ТРЕБУЕТСЯ НА ВОЙНЕ

В крепко срубленных саперами блиндажах размещался штаб дивизии. Пахло хвоей и папоротником, которыми услан был пол,—они заменяли ковровые дорожки, придавали уют.

У шлагбаума и вокруг командного пункта была организована наземная и противовоздушная оборона. У входа в штабные отделы стояли часовые.

Недалеко от командного пункта дивизии возвышались две шапкообразные, поросшие березой и сосной сопки. Между ними, как в ворота, должны пройти части гарнизона. А метров пятьсот дальше, после моста через реку, они свернут вправо по дороге, отремонтированной саперами.

На двух столах КП лежали карты с нанесенной на них обстановкой. У нашей с комиссаром карты сидели и стояли командиры и комиссары частей. У карты подполковника Алексея Фунтикова — начальники штабов. Сто-

лы освещались маленькими, но очень яркими электрическими лампочками.

У правого угла моего стола сидел командарм. По тому, как он посмотрел на меня и подвинулся влево, я понял, что мне надо располагаться справа от него.

— Вот вам и ваш комдив, а вы беспокоились. Он, наверное, уже и в полках побывал,— сказал генерал.

— Да, товарищ командарм, мало, но побывал, и кое-что обнаружил, хотя луна на этот раз подводит.

— Хорошо, комдив, медлить нельзя. Давай занимай свое место у стола и отдавай приказ на марш.

Когда я проходил мимо стола начальника штаба, он, незаметно для командарма, подал мне донесение разведки. В нем говорилось: «В 20 часов от проселочной дороги лесника до шоссе по фронту и до реки в глубину замечено движение и оборонительные работы «противника».

«Так,—подумал я,—командарм все поднял, чтобы научить нас воевать по-настоящему. Даже авиацию...»

Вот она, моя первая академия имени командарма генерала Зайцева!

Отдав устный боевой приказ, я тут же предупредил командиров и комиссаров о необходимости организации разведки и походного охранения на широком фронте, о важности создания эшелонов, способных вести бой в любой обстановке, даже в полном окружении. Все делать так, как требуется на войне. Движение должно быть безостановочное и только вперед.

В 20.00 адъютант, старший лейтенант Акимов, доложил о начале марша.

Прошли по шоссе, озираясь по сторонам, дозорные, за ними в колонне по два двигался дозор — стрелковое отделение, усиленное 45-миллиметровым оружием и пулеметом «максим». Командир дозора на ходу коротко доложил:

— Головной дозор — сержант Коротков.

Дозор сопровождала ночная тишина. Лошади, везущие пушку, были «обуты» в своеобразные бахилы. Как только дозор сошел на грунтовую дорогу, ездовой «разул» лошадей.

Прошло походное охранение, которое двигалось по правой стороне дороги, за ним — два орудия и три пулемета, в том числе два зенитных.

Передовой отряд вел капитан Тарасов. Его солдаты порой шутили:

— Наш комбат с головы и до хвоста свой батальон видит, от него ничего не скроешь.

Отряду были приданы истребительная батарея и рота огнеметов.

В темноте обозначалась колонна авангардного стрелкового полка, усиленного дивизионом 76-миллиметровых и двумя батареями 45-миллиметровых пушек. Впереди полка шли командир майор Черезов и батальонный комиссар Шахов.

Полк представлял внушительную силу. Ночь поглощала его эшелоны. Только луна, выглядывая из облаков, освещала нам колонну за колонной: то пехоту, то артиллерию на конной тяге.

Командир полка майор Черезов вполголоса доложил о следовании авангарда дивизии и его задаче.

Минут через пятнадцать появились главные силы дивизии — стрелковый полк с дивизионом капитана Зинкевича и дивизионом капитана Медведева.

В тишине теплой таежной ночи было слышно, как шли солдаты: твердым шагом, с полной боевой выкладкой.

Где-то далеко впереди взвились в небо ракеты, раздался залпы выстрелов.

Командарм схватил меня за локоть и забасил на ухо:

— Морозов, полки твои мы еще увидим при подходе к реке и при ее форсировании и во время захвата и расширения плацдармов. А сейчас нам надо ехать вперед.

Обгоняя колонны, мы заметили, как постепенно они растягиваются и как в хвостах колонн отстают малорослые солдаты.

Командарм посоветовал мне, еще неискушенному пехотинцу, ротные и взводные колонны вести хвостами вперед. Это уменьшило скорость движения, но зато теперь все шло спокойно и отстающих не было.

Догнав передовой отряд капитана Тарасова, мы узнали, что головная походная застава с саперным взводом, работавшим на дороге, уже обнаружила засаду, окружила и «уничтожила» ее. Разведка полка обнаружила на перекрестке дорог, у дома лесника, роту окопавшейся пехоты и на марше — батальон пехоты «про-

тивника», который в 24.00 был у стыка шоссе и дороги лесника. Тарасов отдал приказ командирам рот и батарей обойти «противника» с севера, юга, а затем с востока, «уничтожить» его и, не задерживаясь, двигаться вперед с тем, чтобы на рассвете выйти на правый берег реки.

— Хорошо,— сказал командарм Тарасову,— продолжайте выполнять задачу.

Дождавшись стрелкового полка, мы увидели майора Черезова и командира артиллерийского полка майора Евсеева.

Командарм спросил майора Семена Черезова:

— Какие данные у вас имеются о «противнике» и какие меры вы принимаете или уже приняли?

Черезов доложил командарму:

— «Противник», силами до батальона пехоты, совершает марш по шоссе на север. Имею данные, что батальон пехоты переправился через реку и что с ним вел бой наш батальон. Я решил продолжать движение вперед, разгромить подразделения на предместном укреплении и выйти к реке. Надеюсь утром форсировать ее с ходу.

Командарм внимательно посмотрел на меня и Черезова, затем спросил:

— Как, комдив, решение командира полка?

— Разрешите, товарищ генерал, утвердить без добавлений?

— Да, пусть так и будет,— согласился командарм.

В час двадцать минут ночи, когда авангард дивизии вышел к безымянному ручью, левее его, у шоссе, поднялся пучок разноцветных ракет, за ним загремели залпы 122-миллиметровых гаубиц, открыла огонь пехота. Это комбат Иван Гужва и командир дивизиона Иосиф Зинкевич пропустили «противника» в ловушку между безымянным ручьем и глубоким Гадючим яром и приступили к его уничтожению.

«Противник» от неожиданного и внезапного для него удара с головы, фланга и хвоста колонны под огнем залег прямо на шоссе, упряжки лошадей с орудиями бросились вправо, в лес, и там застряли. Встречный бой был короткий, закончился он через 20 минут.

За разгром и пленение «противника» командарм объявил благодарность майорам Черезову и Евсееву и все-

му личному составу батальона Ивана Гужвы и дивизиона капитана Зинкевича.

«Противник» ослабил атаки на фланге, но все больше усиливал их с фронта, от реки.

Один километр остался до ее лесистых берегов, но «противник» яростно сопротивлялся, каждый метр воины батальонов капитана Тарасова и Ивана Гужвы брали с боем.

Мы ждали обходного маневра воинов полка майора Волика, который должен был к утру обойти «противника» с запада, с ходу форсировать реку, ударом во фланг смотать оборону полка Сорокина на восток, выйти ему в тыл и отрезать отход на юго-запад.

В то же время полк майора Черезова, прикрываясь слева батальоном Ивана Гужвы, имел задачу двумя батальонами прорвать предмостные укрепления, захватить переправы, форсировать реку и атаковать «противника» с фронта и востока.

В пять часов утра ударила артиллерия и минометы полка майора Евсеева.

Полк майора Волика неожиданно для «противника» форсировал реку и атаковал его во фланг. Майор Черезов, после короткого артиллерийского налета, атаковал предмостные укрепления, разгромил их и на плечах отходящего «противника» захватил его переправы и переправочные средства. Командир батальона Иван Гужва на колхозных рыболовецких лодках за пять рейсов перебросил весь состав батальона, захватил плацдарм.

Батальоны капитанов Ивана Гужвы и Тихона Крючихина успешно продвигались на юго-восток и уже выходили в тыл «противника».

«Противник» напруг все усилия, чтобы удержать позиции, но воины Ивана Гужвы уже обходили его с востока. Нависла угроза полного окружения. Черезов ударил двумя батальонами с фронта, прорвал оборону Сорокина, разрубил ее на две части.

Потеряв надежду удержать свои позиции и видя угрозу окружения с юго-востока и юго-запада, «противник» начал отход. Но было уже поздно. Батальоны Ивана Гужвы и Крючихина захлопнули «ворота» для выхода «противнику».

Так держала экзамен на аттестат зрелости 422-я

стрелковая дивизия, так она готовилась к грядущим боям с немецко-фашистскими захватчиками.

Возвращаясь с учений, мы получили предупредительную весть, что необходимо быть готовыми к погрузке в эшелоны и следованию на фронт.

ПО ПРИКАЗУ РОДИНЫ

Ранним утром в штаб дивизии приехали командарм и член Военного совета. Они вошли в мой кабинет в тот момент, когда мы с комиссаром и начальником штаба расшифровывали приказ о погрузке и следовании дивизии на фронт.

Не ожидая окончания моего доклада о получении приказа, командарм схватил нас за руки и пробасил:

— Итак, дорогие товарищи, и на вашу долю выпала великая честь — быть на фронте, на передовых рубежах борьбы с фашизмом. Завидую вам и радуюсь, что дивизия ваша будет, а я в этом уверен, обязательно будет, гвардейской.

— Только не подкачайте, и оправдайте доверие партии и народа, не посрамите чести нашей армии и наших седых голов,— добавил член Военного совета.

Наш комиссар заверил командование, что пока бьются наши сердца, мы, коммунисты, никогда и нигде не посрадим чести воинов армии, созданной Лениным.

* * *

...Погрузка войск и боевой техники шла полным ходом. Мы не успевали контролировать все эшелоны. Генерал нервничал:

— Найдите мне комдива, где он? Пусть идет! Отставить! Пусть бежит, что есть духу, ко мне! Я его научу, как надо руководить погрузкой боевой техники и транспорта!

Побежал я к командарму. Перешел на шаг, чтобы перевести дух. Тут он обрушился на меня:

— Я тебя учил уму-разуму, напоминал десятки раз прописные истины о быстроте и организованности, а ты подводишь и себя, и меня. Ну, скажи, чем ты будешь

укреплять повозки и автомашины, пушки и трактора, где ваши гвозди, подкладки, проволока? Воевать собираетесь, а грузиться не умеете.

Пока шла «накачка», к эшелону подкатил паровоз. Он доставил на платформах все, что необходимо для погрузки. Командарм, увидев на огромных кучах подкладок и проволоки моего заместителя по тылу майора Смолянинова, рассмеялся.

Через два часа командующий артиллерией дивизии подполковник Цепелев доложил, что орудия погружены на платформы и подвижно прицеплены к вагонам с личным составом стрелковых полков.

Вслед за Цепелевым доложил об окончании погрузки продовольствия и обмундирования майор Смолянинов. А через час эшелоны дивизии один за другим отходили на запад.

Не забыть нашего расставания с любимым командармом. Он всегда помогал нам и поддерживал советами. Прощались мы с ним в товарном вагоне. Сюда собрались комиссар дивизии Иван Шестаков, начальник штаба Алексей Фунтиков, начальник политотдела Василий Потемин, заместитель по артиллерии Степан Цепелев, заместитель по тылу Николай Смолянинов, начальник оперативного отдела штаба дивизии Иван Сухов и многие другие.

Я подошел доложить об окончании погрузки дивизии, но командарм остановил меня:

— Без доклада все знаю. Остальных сам отправлю. Давайте прощаться.

Командарм каждого по-отцовски обнял, прижал к своему сердцу, а потом сказал:

— Дорогие товарищи! Желаю вам и вашим воинам крепкого здоровья, успехов в боях и сражениях на полях Великой Отечественной войны. Желаю с вами встретиться после победы.

Покидая вагон, командарм приказал:

— Только один комдив ко мне!

И отведя меня в сторону, волнуясь, заговорил:

— Вот что я хочу посоветовать лично тебе, Морозов. В боях не горячись, будь расчетлив. Действуй обдуманно. Всегда прислушивайся к советам, опирайся на коллектив своих заместителей, командиров частей и партийно-комсомольские организации. Надо, чтобы у тебя

Майор С. Ф. Черезов, командир 1236-го стрелкового полка

в дивизии было так: один за всех, и все за одного. Вот тогда ты сумеешь одолеть любого врага. Помни, комдив, и еще одно. Буква «я» последняя в алфавите, коллектив — победа. До свидания!

И командарм, блестя влажными глазами, отвернулся.

...До Волги мы не ехали, а летели по «зеленой улице».

В дороге партийные и политические работники не теряли дорогого времени, проводили политзанятия, бесе-

довали с солдатами. За открытыми дверями вагонов расстилались бескрайние просторы нашей Родины, ее богатства,— лучшей «наглядной агитации» и желать было нечего.

...Возникали задушевные беседы.

— Понимаешь, Самар, какова наша Родина? — командир 45-миллиметрового орудия комсомолец Александр Алканцев, присаживаясь с кisetом к снайперу нанайцу Самару, вынимал из кармана гимнастерки небольшую карту Советского Союза...— Вот. Смотри какая... Дух захватывает! От Владивостока и до Львова, от Мурманска и до Кушки. Вот за это, друг мой Самар, мы и будем сражаться с фашистами.

Беседы о Родине, о партии, о великой войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков оставляли глубокий след в душе солдата, воспитывали чувство беспредельной любви к родному Отечеству и страшной ненависти к гитлеровским палачам.

ЗА НАМИ — СТАЛИНГРАД

Сталинград! Героический город на Волге, овеянный славой тех, кто отстоял Красный Царицын в грозных сражениях гражданской войны. Снова к его священным стенам рвется жестокий враг.

На станциях Гумрак и Котлубань части дивизии с ходу разгружались и, развернувшись в предбоевые порядки, шли в направлении малой излучины Дона, на рубеж хуторов Вертячий и Песковатка, где по приказу командующего фронтом маршала С. Тимошенко занимали оборону по левому берегу Дона.

Еще не успели воины 422-й стрелковой дивизии построить оборону, как поступил тревожный приказ командующего фронтом — перебросить дивизию на южный участок фронта, где она должна войти в состав 57-й армии генерала Толбухина.

Южнее и юго-западнее Сталинграда создалось угрожающее положение. Здесь сосредоточивалась повернутая с Кавказского направления новая немецко-фашистская группировка войск.

Комбинированным маршем от Дона до истоков реки Червленной, пешком и на машинах, двигались полки нашей дивизии на новый рубеж.

Мы шли через Сталинград, мимо обелиска на площади Павших борцов с надписью: «Здесь погребены защитники Красного Царицына, зверски замученные врагелевскими палачами в 1919 году». Командиры заносили эту надпись в свои блокноты. Посуровевший город готовился к новым испытаниям.

В большой излучине Дона гремела артиллерийская канонада. Летний горячий ветер нес черный прогорклый

дым горевших на корню хлебов и колхозных построек. Огонь войны еще не опалил солдат нашей дивизии. Но все мы были полны решимости выстоять в любом огне, громить и побеждать врага.

В АРМИИ ГЕНЕРАЛА ТОЛБУХИНА

Рано утром на кургане, восточнее станции Тундутово, нас уже ждали командующий армией генерал Федор Иванович Толбухин и член Военного совета армии бригадный комиссар Никита Егорович Субботин.

Лицо командарма выражало усталость, но глаза приветливо улыбались.

Командарм бросил недокуренную папиросу на землю, затоптал ее и воскликнул:

— Вот они, дальневосточники! А мы уже разыскиваем вас. Я даже, грешным делом, побоялся, что вас перехватила другая армия.

— Здравствуйте, дальневосточники! — пошел нам навстречу член Военного совета Субботин.— Уже по бурке комдива видно, что вы прошли суровую кавалерийскую закалку.

Я коротко доложил командарму, откуда и в каком составе прибыла дивизия. Командарм выслушал доклад, сказал «добре», повернулся лицом на юг и тут же, не мешкая, ввел нас в обстановку и отдал устный боевой приказ:

— Вы слышите артиллерийскую канонаду, разрывы снарядов и бомб? Это идет сражение в районе станции Абганерово. Вот в этом направлении,— командарм показал рукой в сторону железнодорожной ветки Сталинград—Сальск,—противник, сохраняя численное превосходство в живой силе и боевой технике, особенно в танках и авиации, 1 и 2 августа, после мощной артиллерийско-минометной и авиационной подготовки, прорвал оборону наших войск генералов Шумилова и Труфанова и форсировал Дон. Немецкая 4-я танковая армия генерала фон Гота перерезала участок железной дороги Котельниково—Жутово. 6-й армейский королевско-румынский корпус в составе пяти дивизий форсировал Дон на участке Верхне-Курмоярская и ниже по Дону и своим

правым флангом примкнул к 4-й танковой армии Гота у села Громославка. Вместе они составили группу войск, предназначенную для вторжения в Сталинград с юга. 6 августа 48-й танковый немецкий корпус ценой огромных потерь отеснил часть войск генерала Шумилова на северный берег реки Мышкова и овладел селом Громославка, совхозом имени Юркина и разъездом «74-й километр». 57-я армия ведет бои на фронте от села Плодовитое до западной опушки Тингутинского лесничества. Гвардейская дивизия генерала Василенко отражает атаки противника на фронте Тингутинское лесничество—центральная усадьба совхоза «Приволжский». Курсантский полк полковника Морголиса ведет бои южнее леса.

422-й дивизии приказываю: подготовить и оборонять полосу: справа—Ивановское озеро—Кашары, что западнее разъезда «55-й километр», слева—исключительно разъезд Чапурники—лес Дубовый, что юго-западнее села Дубовый овраг.

Первую позицию подготовить южнее Хара-Усун, между озерами, далее через железную дорогу южнее будки, балку Морозова и лес Дубовый. Третью позицию подготовить по юго-восточной окраине Ивановки, железнодорожным будкам и высотам, что в 500 метрах северо-восточнее Солянки.

Задача: не допустить прорыва противника с юга на Сталинград, вдоль железной дороги через станцию Тундутово, и на Красноармейск—через высоту 118,3—Солянку.

— Стоять насмерть! Так приказывают вам партия и народ,—сказал член Военного совета армии Субботин.—Стоять так, как стояли на этой земле в годы гражданской войны красные воины кавалерийских частей героев гражданской войны Городовикова и Морозова.

Можно ли было мечтать о более высокой чести, чем эта: защищать то, что завоевано нашими отцами и братьями в гражданскую войну и упрочено за годы Советской власти?!

* * *

Вели мы полки по безводной и сожженной солнцем степи и сразу же приступали к оборонительным работам. Через наши боевые порядки отходили измотанные

в боях, изнуренные жарой и жаждой войны дивизий полковников Сорокина, Скворцова.

Утром 15 августа на бахче Солянского колхоза у шалаша сторожа я докладывал заместителю командующего фронтом генерал-лейтенанту Голикову данные о противнике и готовности дивизии к отражению ожидаемых атак.

Голиков внимательно выслушал доклад, переспросил:

— Говорите, подполковник, впереди у разъезда «55-й километр» и Стана Культурного все в порядке?

— Да, все в порядке,— ответил я.

— И все же я хочу этот район проверить,— сказал Голиков.— Предварительно зайдём к сторожу.

Сторож, ладно скроенный старик, с огромной, по пояс бородой, был похож на Ивана Сусанина.

— Здравствуйте, папаша!— обратился Голиков к нему.

— Здравия желаю. Как теперича вас величать, я и не знаю. Кто вы такие? Может, диверсанты,— осматривал нас с ног до головы старик.

— Нет, отец, мы красные командиры, а не диверсанты, и пришли купить у вас арбузы или дыню,— ответил Голиков.

— Ого!— протянул сторож.— Говорите, командиры? Холера вам в ребро. Когда же так было, чтобы немцы, эти проклятые басурманы, так далеко заходили на нашу русскую землю? Вам не стыдно за то? Позор-то какой! Вам не стоило бы давать и зеленых арбузов. Я, сторож колхозной бахчи, умру на своем посту, но не уйду, дробовиком и клюшкой буду ее оборонять!

Не было слов оправдания. И хотя старик дал нам арбуз и дыню, они не лезли нам в горло. До смерти было стыдно... И гнев переполнял сердце. Гитлеровцы уже разбомбили колхозный пионерский лагерь, станцию Тундутово, рынок в Красноармейском районе. А наша авиация почти не появлялась.

И старик спросил:

— А где наши самолеты?

Генерал Голиков посмотрел на обозленного сторожа, на меня и, чуть заикнувшись, спросил:

— Слышишь, Морозов?

— Да... слышу,— ответил я генералу.

Голиков сказал:

— Нет, отец, немцы здесь не пройдут. Порукой этому — вот они. Здесь стоят коммунисты, солдаты нашей Родины, дальневосточники, и кто бы против них ни пошел, будет разбит и уничтожен.

«УМИРАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!»

Дни и ночи продолжалась тяжелая работа. Дни и ночи солдаты рыли траншеи, сооружали землянки, блиндажи, оборудовали огневые позиции. На берегах в истоке реки Червленной, в балках Морозова и Сухая на песчаных курганах ошетинились в сторону гитлеровцев подслеповатые, но страшные для них дзоты. Сталинградская степь руками воинов превращалась в грозную крепость.

— Сюда бы наш таежный лес, кедр в три-четыре охвата, амурскую березу, крепкую, как сталь, ель и столетнюю сосну, — вздыхая, говорили дальневосточники. — Еще крепче была бы наша оборона.

В душный безветренный августовский день наблюдатели за воздухом доложили, что с юго-запада в нашем направлении летят большие группы вражеских самолетов.

Вот оно, началось!

Эскадрильи немецких бомбардировщиков, разворачиваясь, шли на боевые порядки стрелкового полка майора Сорокина, окопавшегося в балках Морозова и Сухая с целью ввести противника в заблуждение и нанести ему потери еще до подхода к главной оборонительной полосе дивизии.

Прошло пять минут, и первая партия фугасных бомб разорвала воздух; земля закачалась под ногами. К грохоту авиабомб присоединились разрывы снарядов, тяжелых орудий и бризантных мин шестиствольных минометов. Над позициями боевого охранения и полка Сорокина встала черно-бурая завеса земли и дыма.

Сорок минут длился авиационно-артиллерийский удар. Воины задыхались в дыму и пыли под развалинами блиндажей, землянок и траншей. Это была артподготовка противника к атаке.

«Как встретят врага наши пехотинцы и саперы, связисты и огнеметчики, артиллеристы и бронбойщики и как они будут взаимодействовать?» — вот о чем взволнованно думали мы тогда с комиссаром дивизии Иваном Шестаковым.

...Сквозь грохот взрывов едва слышно зуммерил телефон — звонил командир полка майор Сорокин. Он докладывал, что пехота и танки противника атаковали боевое охранение юго-западнее Кашар, юго-восточнее разъезда «55-й километр», на высоте 122,0 и на пяти курганах, южнее балки Морозова.

— Немцы силами до батальона пехоты с шестью танками атаковали боевое охранение лейтенанта Алексея Кабанова. Подробности доложу через несколько минут. Разрешите...

И в эту же минуту в телефонной трубке раздался треск. Связь с полком оборвалась.

Полк Сорокина! Выдержит ли он первый, огромной силы удар?

Сейчас же все наши бинокли и стереотрубы были направлены в сторону боевого охранения лейтенанта Кабанова, орудийного расчета старшего сержанта Александра Алеканцева и полка майора Сорокина. Связь с ними отсутствовала.

Офицер батальона связи и его телефонисты бросились на поиски повреждения линии.

Я старался уяснить, что происходит на рубеже боевого охранения. Ведь это было первое боевое крещение воинов 422-й стрелковой дивизии.

Немецко-румынские дивизии наносили удар по нашей дивизии в направлениях: первое — Зеты—Кашары—Червлёный; второе — вдоль железной дороги на разъезд «55-й километр» — станция Тундутово; третье — высота 122,0 — Стан Культурный — высота 108,2 и четвертое — из леса Дубовый на высоту 118,3. А позже на сутки, сбив боевое охранение на пяти курганах у балки Морозова, противник перешел в атаку в направлении высоты 112,7 и затем еще раз через высоту 122,0 на Стан Культурный — высоту 108,2.

Связь не работала, и управление полком Сорокина нарушилось. Я понимал, что сидя на наблюдательном пункте и не видя противника управлять боем трудно. Немедленно собрался в полк Сорокина.

Офицер штаба дивизии майор Иван Сухов, разгадав мои мысли, выскочил из блиндажа, на ходу поправляя пистолет, крикнул: «Товарищ подполковник, я мигом, одна нога здесь, другая у Сорокина!».

Человек богатырского роста и телосложения, большой физической закалки и выносливости, Сухов не раз преодолевал тайгу и сопки и теперь одним броском хотел преодолеть двухкилометровое расстояние, под смертоносным огнем наладить связь, организовать взаимодействие и вернуться на НП дивизии.

Майор Сухов вернулся, но только через четверо суток. Все эти дни он вынужден был находиться в полку Сорокина, воины которого дрались на рубеже: высота 122,0 — балка Морозова — высота 118,3.

Передовые отряды, а затем и главные силы авангардов 29-й моторизованной, 371-й пехотной и 24-й танковой дивизий немцев обрушились на боевое охранение и на полк майора Сорокина. Шла неравная и ожесточенная борьба. Гитлеровцы хотели с ходу прорвать нашу оборону и ворваться в южные районы Сталинграда.

Первым встретил фашистские танки и моторизованную пехоту взвод комсомольца лейтенанта Алексея Кабанова. Взвод занимал оборону на кургане, юго-восточнее переезда. Сосед справа — взвод лейтенанта Бурдейного — оборонял курган юго-западнее разъезда «55-й километр».

На боевое охранение Кабанова и на его соседа справа навалился сразу целый батальон моторизованной пехоты и около тридцати танков. Это был передовой отряд 29-й моторизованной дивизии немцев. Отряд хотел с ходу смять боевое охранение и овладеть разъездом «55-й километр». Воины-дальневосточники встретили немцев ураганным огнем.

Девять раз немцы атаковали взвод Кабанова и к вечеру отошли на железную дорогу. Здесь в первый день они потеряли роту пехоты и 13 танков, на второй день — до ста человек и 12 танков.

Двое суток шел неравный бой за разъезд «55-й километр» и курган с отметкой 122,0. Взвод Кабанова к вечеру второго дня был окружен врагом. Самолеты фашистов несколько раз бомбили железнодорожные постройки и курган. Рвались снаряды, гитлеровцы забрасывали окопы гранатами.

К исходу вторых суток от взвода Кабанова осталось восемь человек, почти все они были ранены. С наступлением темноты вместе со снайперами Самаром и Катковым лейтенант Кабанов зарядил оставшиеся противотанковые гранаты, набил последние патроны в пулеметную ленту. Когда все было готово, Кабанов приказал солдатам отходить, а сам остался прикрывать их отход.

Немцы атаковали Кабанова. Он метнул в них гранаты, затем прилег к пулемету. Так он работал один за пулеметный расчет и за гранатометчиков, отражая атаки гитлеровцев. А когда кончились патроны и окружившие Кабанова немцы во все горло стали орать: «Рус! Сдавайся!», герой-комсомолец рванул кольцо, на связке противотанковых гранат...

Позднее, когда разъезд и курган были отбиты, солдаты обнаружили в нише для бутылок с горючей жидкостью записку, в которой значилось:

«Немцы предложили сдаться в плен. Умираю, но в плен не сдаюсь. Комсомолец лейтенант Алексей Кабанов».

ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА АЛЕКАНЦЕВА

В тех же боях, в которых смертью героя пал лейтенант Алексей Кабанов, беспримерный воинский подвиг совершил и командир орудия старший сержант Александр Алканцев.

Он прибыл на НП командира полка майора Сорокина, широкоплечий, рослый, внимательно выслушал боевой приказ: «Противник ожидается с юга вдоль железной дороги Сальск—Сталинград. Бои идут в районе станции Тингута и Тингутинского лесничества. Ваш оружейный расчет назначается в распоряжение боевого охранения лейтенанта Кабанова. Он должен занять позицию в районе юго-западный отрог балки Сухая, не допустить прорыва танков противника и в случае отхода боевого охранения поддержать его своим огнем».

...Шагая с товарищами по опаленной земле, Алканцев встретил вышедших из балки солдат. Он снял карабин с плеча, но тут же обратно взял его на ремень, разглядев звезды на пилотках солдат. Это отходили от

Тингуты к Сталинграду наши части. Лица воинов были черны от пыли и порохового дыма, одежда порвана, обувь разбита. Многие шли, опираясь на плечи товарищей и санитаров.

Подойдя вплотную к балке, подступавшей к железной дороге, артиллеристы остановились. Сразу за балкой вновь простиралась степь, лишь кое-где поросшая темными кустами курая и полыни.

С юга по степи тянулась грунтовая дорога. Упершись в балку, дорога круто сворачивала влево и, обогнув ее, уходила на село Большие Чапурники и Красноармейск.

— Здесь и встанем,— сказал Чебунину Алеканцев.— Отрог балки используем как противотанковый ров, сусликовые кучки—как минное поле, замаскируем и пробуем обмануть немчуру.

«Вот он, настоящий передний край, который не раз представлялся мне, когда я выводил на занятия расчет своего орудия»,— думал Алеканцев.

Вечером притянули орудия, оборудовали огневую позицию, разместили ящики со снарядами. Расположились на отдых. Тревожная ночь обступила балку.

— Чебунин, ты спишь?— спросил Алеканцев.

— Какое там,— отозвался Чебунин,— разве уснешь?

Из расчета никто не спал, только Александр Скороход вздремнул. Григорий Шанкин слышал глубокое дыхание Скорохода, тоже старался уснуть, но так и не смог. Рослые, как на подбор, они были еще очень молоды: старшему из артиллеристов шел двадцать второй год.

— Вот где мы будем принимать боевое крещение,— сказал Григорий Шанкин.

— Выходит так,— ответил Шанкину Момот, копаясь в своем ранце.

Видя, что бойцы не спят, а солнце уже выползло из-за Волги и греет степь, Алеканцев поднялся, потянулся и, проверяя свое предположение, спросил:

— Чебунин, ты всегда точно определяешь. Скажи, где, по-твоему, танки немцев пойдут?

— Вдоль железной дороги и левее,— ответил Чебунин.

— Справа или слева дороги?— переспросил Алеканцев.

— Прямо на нас, на боевое охранение лейтенанта Кабанова.

Немецкие танки не заставили себя ждать. Кабанов несколько раз предупреждал расчет Алеканцева о готовности и приказывал разворачивать орудие то в одну, то в другую сторону.

Напряжение росло. Вот загремела артиллерия, налетели, как пираты, «мессершмитты» и штурмовики немцев. За ними наблюдал Григорий Шанкин и ругал их на чем свет стоит.

Прибежал комбат капитан Сергей Боровик и приказал:

— Танки противника подпускать на 500 метров, не бояться и бить наверняка.

— Мы,— сказал он,— рядом, в балках Морозова и Сухой тоже встретим гитлеровцев как следует.

На горизонте, левее железной дороги, появились длинные облака пыли, послышался гул моторов.

— Идут! — громко доложил наблюдавший подносчик снарядов Момот.

Танки немцев шли по ровной степи, переваливаясь в бороздах вспаханной колхозной земли. На орудие Алеканцева двигалось до тридцати машин. Их подпустили близко. Степь охала, дрожала. С треском разрывали воздух залпы орудийных выстрелов. Наводчик Алексей Чебунин спокойно и быстро наводил орудие в цель, подносчик Момот подносил снаряды, Григорий Шанкин заряжал, а правильный Александр Скороход поворачивал орудие настолько, насколько необходимо было для глубокой наводки в цель.

— Готов! — махнул правой рукой Чебунин.

— Огонь! — скомандовал Алеканцев.

Одна 45-миллиметровая пушка вступила в бой против тридцати танков, тридцати пушек и пулеметов, против 120 отборных гитлеровских солдат и офицеров.

На место подбитых танков лезли другие. Некогда было взглянуть, что делается у соседей. Поэтому Алеканцев и его боевые друзья не могли сразу понять, что случилось, когда гитлеровские танки перестали стрелять и поспешно, как с перепуга, начали отходить.

Орудийный расчет Алеканцева прекратил стрельбу, стали слышны частые залпы соседних орудий. Дымились подожженные немецкие танки,— их было тринадцать,

остальные отходили, ползали по степи, не зная, где укрыться от губительного огня наших артиллеристов.

Алеканцев и Шанкин бросились к Скороходу, который силился что-то сказать, но так и не смог. Осколок снаряда попал ему в грудь.

Александр Алеканцев накрыл своим платком лицо Скорохода. Теперь они стали к орудию вчетвером. Два соседних орудия вышли из строя. Было видно, что гитлеровцы сосредоточивают танки и снова пойдут в атаку на комсомольскую пушку.

— Если немецкие танки не преодолеют балку — наш противотанковый ров, — сказал своим товарищам Алеканцев, — мы еще им покажем...

Рано утром на позиции полка майора Сорокина пошли в атаку около 100 танков и два пехотных полка немцев.

В семистах метрах от орудия Алеканцева, в кустах бурьяна, показались двадцать танков противника.

Орудийный расчет Алеканцева не дрогнул и принял бой. Все было готово к стрельбе, и все-таки командир приказывал:

— Орудие к бою! Зарядить броневой! Справа железная дорога, слева балка, впереди противник. Чебунин, по среднему танку огонь! По правому огонь! По левому огонь! Огонь! Еще огонь! Хватит, дымит, гад!

Первыми выстрелами орудия комсомольцев было остановлено четыре танка. Три горели, а четвертый вертелся, и его добивали... Через одну-две минуты и он замер, густо задымив.

Снаряды и мины немцев пахали землю и рвались вокруг орудия, осколки стучали в орудийный щит.

Немецкий снаряд разорвался сзади, кто-то вскрикнул и застонал. Упали одновременно подносчик снарядов Момот и заряжавший Шанкин.

Действуя теперь вдвоем, Александр Алеканцев и Чебунин подожгли еще три и подбили два немецких танка. Танки горели в двадцати метрах от орудия.

Наводчик Чебунин, заменявший теперь и подносчика и заряжающего, вдруг споткнулся и упал. Он был ранен в голову.

Дым и пыль от горящих танков, от разрывов мин и снарядов, раздуваемые ветром, закрыли всю степь, и в

этом крошечном аду Алканцев остался у орудия один.

Уже девять танков, как огромные обгорелые голо-
вешки, застыли на скатах кургана. А одиннадцать про-
должали наседать.

Алканцев решил во что бы то ни стало выполнить задачу, не пропустить танки и обеспечить успех боя взвода лейтенанта Алексея Кабанова.

Первый снаряд, выпущенный Алканцевым, попал в танк, но не поразил его и отлетел. От второго снаряда танк загорелся. Радость охватила Алканцева. Он снова зарядил орудие, навел его на танк.

— Выстрел! — скомандовал сам себе Алканцев, и второй танк задымил и остановился. Но остальные, как разъяренные чудовища, ползли на Алканцева.

Фашистская пуля больно впиалась в тело. Но Алканцев снова зарядил орудие и подал себе команду: «По фашистским танкам огонь!» Невиданный поединок продолжался. Загорелся еще один гитлеровский танк. Остальные били по орудью уже прямой наводкой.

Снаряды опрокинули пушку вверх колесами, осколок перебил Алканцеву левую руку. Казалось, все кончено. Но он собрал последние силы, взвалил на себя тяжело раненного наводчика Алексея Чебунина и стал отходить.

— Терпи, Алеша, — шептал сквозь зубы Алканцев, — скоро дойдем до наблюдательного пункта полка.

Несколько раз падал, терял сознание Алканцев и снова полз, но все-таки дотащил на себе Чебунина.

Когда командир полка майор Сорокин приехал в расположение медицинского батальона и склонился над носилками героя, старшего сержанта комсомольца Алканцева, тот доложил чуть слышным голосом:

— Товарищ майор, за 24 часа боя сожжено 18 и подбито 7 фашистских танков. Они не прошли... Пехоту не считали. Лейтенант Кабанов погиб.

После выздоровления Алканцев остался в строю. Прошло с тех пор много лет. Сейчас мне известно, что он по-прежнему служит в Советской Армии. Его орудие № 2203, как реликвия боевого подвига под Сталинградом, хранится в артиллерийском музее в городе Ленинграде.

...Так дрались с врагом воины нашей молодой 422-й стрелковой дивизии. Героями становились многие.

РАЗВЕДЧИКИ

Бои нарастали и развивались с огромной быстротой. Уже с утра 23 августа, после 45-минутной артиллерийской подготовки сотнями орудий и шестиствольных минометов и бомбежки наших боевых порядков воздушными эшелонами по 108 и больше бомбардировочных и штурмовых самолетов, немцы атаковали нас превосходящими силами. Много атак отбили воины нашей дивизии за этот день. К вечеру со станции Тингута и Абганерово новые войска противника начали передвигаться в направлении Зеты и Кашары. Угроза окружения нарастала. Правый фланг дивизии, оборонявшийся южнее села Ивановка и станции Тундутово, был в опасности. Нужно было сорвать удар противника на этом направлении. Но прежде чем это сделать, необходимо было установить группировку сил немцев южнее Кашар и севернее Зеты.

В ночь с 23 на 24 августа решили провести разведку на Зеты и Кашары.

В Зеты снарядили опытных разведчиков, знающих немецкий и румынский языки. Разведывательная группа состояла из Владимира Кузнецова, Василия Соловьева, Петра Чернышева и Ивана Маковеева. Командиром группы был назначен Кузнецов, знавший немецкий язык.

В задачу их входило: установить место расположения, силы и состав противника в Зеты и северо-восточнее его. Нужно также было захватить пленного, желательно офицера. Василий Кузнецов оделся в форму немецкого офицера, остальные — в форму румынских солдат.

В вечерней темноте разведчики добрались до Кашар, а потом перевалили через плоские высоты до Зеты.

Разведчики увидели, что на северо-восточных скалах плоских высот сосредоточивалась и строилась в каре немецкая моторизованная дивизия. В Зеты располагались тылы и штабы румынской и немецкой дивизий. Обо всем этом разведчики нам сообщили по радио. Не дожидаясь возвращения разведчиков, мы накрыли моторизованную дивизию залпом гвардейского полка «катуш». Понесся большие потери, утром эта дивизия атаковать нас не смогла.

Ночью разведка не вернулась. Целый день 24 августа, ведя ожесточенные бои, мы наблюдали движение

танковых войск противника от Тингуты на Зеты и ждали разведчиков. В конце дня, когда немцы, выдохшись, прекратили бешеные атаки, мы увидели, как через поредевшие цепи немцев прорвалась машина и на огромной скорости помчалась на ст. Тундутово. Это были наши разведчики.

На трофейной машине они привезли ее хозяина — гитлеровского офицера, который подтвердил, что сосредоточенная 29-я моторизованная дивизия генерала Лейзера вчера понесла большие потери от точного залпа «катюш» и атаковать в направлении ст. Тундутово—Сталинград не могла, но 25 августа она это сделать может.

С 25 августа по 8 сентября нашу оборону немцы решили сначала перепахать артиллерией и авиацией, а потом смять танками и пехотой и, прорвав ее, ворваться в Сталинград, выйти к Волге. Но им сделать это не удалось. Дальневосточники измотали, а потом заставили перейти гитлеровцев к обороне и сменить направление своего удара.

Армия генерала Толбухина дралась на прежних позициях — 2 километра юго-западнее Ивановки, юго-восточнее станции Тундутово, села Дубовый Овраг и хутора Семкина. Наша дивизия дралась на правом фланге армии.

ПОЛКИ СТОЯТ НАСМЕРТЬ

После гибели боевого охранения лейтенанта Кабанова немцы крупными силами обрушились на стрелковый полк майора Сорокина с трех направлений: с высоты 122,0, с пяти курганов и из леса Дубовый, что западнее села Дубовый Овраг. Гитлеровцы с яростным упорством рвались к Волге, к Сталинграду. Любой ценой они хотели прорвать нашу оборону.

В течение 30 минут авиаэскадрильи Рихтгофена наносили удары по полку, 15 минут извергала огонь артиллерия, а затем около ста танков, гремя гусеницами, с десантами ринулись на полк. За трое суток полк Сорокина отбил 22 танковые и пехотные атаки противника.

О том, как дралась воины этого полка, мне напоминает одна из записей тех дней:

«В 10.00 24 августа заместитель командира полка

по политической части майор Смирнов доложил: «За день отбито 10 атак противника, воины держатся мужественно и стойко, многие достойны наград. Люди изнемогают больше от жары, чем от физической переутомленности. Жара, и нет воды. Но если артиллеристы и «катюши» поддержат интенсивным огнем, до вечера продержимся».

Воды, воды! Где достать воды, думая я, хотя бы по полфляги на солдата? На десятки километров все высушено и сожжено палящим солнцем и суховеем. Ни родничка, ни колодца...

Полк майора Сорокина продержался не до вечера, как предполагал Смирнов, а еще сутки. Только на четвертый день боя, потеряв 4 тысячи солдат и офицеров; более 40 танков, немцы прорвали оборону полка в центре, обошли его фланги и вышли к первой позиции обороны дивизии. Полк Сорокина, таким образом, был разорван на две изолированные группы и охвачен на флангах. Гитлеровцы стремились уничтожить его по частям и с ходу прорвать первую позицию, на которой оборонялись полки майора Ивана Сухова и майора Семена Черезова, которых поддерживали артиллеристы майора Михаила Евсева, истребители дивизиона капитана Обухова и гвардейцы дивизиона «катюш» капитана Терещенко.

Сумерки захватили немцев, а как известно, они привыкли к шаблонной тактике — вели боевые действия преимущественно днем, ночью воевать не любили. Полк Сорокина, воспользовавшись темнотой, успешно вышел из клещей, отошел на третью позицию и, как ранее было намечено, стал во второй эшелон.

На другой день немцы ввели в бой 29-ю моторизованную дивизию генерала Лейзера в направлениях: Хара-Усун и вдоль железной дороги на станцию Тундутово.

Одновременным ударом трех дивизий, поддержанных авиацией и артиллерией, немцы хотели прорвать нашу оборону и овладеть южным районом Сталинграда, выйти к Волге. Но и на этот раз, несмотря на очевидное превосходство в танках и авиации, атака врага разбилась о героизм и стойкость полка майора Ивана Сухова и полка майора Семена Черезова.

К исходу боя полк Сухова отбил 6 атак пехоты и танков противника, истребил до 250 солдат и офицеров,

9 мотоциклов, 2 броневика, 4 танка, 10 орудий и минометов, 8 станковых пулеметов.

Полк Черезова за сутки боя отбил 7 атак пехоты и танков, уничтожил до 300 гитлеровцев, 8 танков и 13 орудий и минометов.

Командир 29-й немецкой моторизованной дивизии генерал Лейзер любой ценой хотел взять станцию Тундутово, но не прорвал даже первой нашей позиции, а станция была еще в шести километрах от нее.

Командир 24-й немецкой танковой дивизии генерал фон Ленски вместе с командиром 20-й пехотной румынской дивизии бригадным генералом Димитриу никак не могли овладеть высотой 118,3 и курганами южнее Стана Культурного. Здесь же топталась и 371-я пехотная дивизия немцев.

На 26 августа генерал фон Гот наметил «решительное наступление». К этому времени из резерва прибыл отборный эсэсовский полк, который должен был возглавить атаку. Эсэсовцев одели в матросские тельняшки, изрядно напоили.

В гражданскую войну мне приходилось видеть «психические» атаки корниловцев-белогвардейцев. Юнкера, кадеты и офицеры шли в атаки с винтовками наперевес, защищая грудь отточенными, блестящими на солнце солдатскими лопатками.

Но то, с чем мы столкнулись утром 26 августа 1942 года, совсем не походило на бравадный марш выложенных корниловских юнкеров, кадетов и офицеров. Фашисты шли в атаку изломанной цепью, размахивая винтовками, как дубинами, и дико горланили.

По нашим траншеям полетел приказ: «Подпустить пьяную ватагу на 100—120 метров и уничтожить».

Южнее станции Тундутово взмыла вверх короткая стрелка семафора. Это командир батальона капитан Крючихин сигнализировал, что гитлеровцы уже подошли до «проектной отметки»: к первой траншее первой позиции.

Тысячи винтовок и автоматов, десятки орудий и минометов, сотни пулеметов и противотанковых ружей обрушили шквал огня на обнаглевшего врага. Артиллеристы создали в тылу наступающих огневую завесу и отрезали им дорогу назад. Дали залп «катюши».

Хвостатые мины с шипом и гулом пронеслись над

нашими головами, и в степи, южнее Хара-Усун, Стана Культурный и у курганов с отметкой 118,3 возникли огненные круговороты. Все смешалось в стане врага...

В этом бою только убитыми гитлеровцы потеряли до 3 тысяч человек, 20 танков и бронемашин. Наголову был разбит полк эсэсовцев в полосатых тельняшках. Особенно отличился минометный расчет сержанта Лончакова, отразившего шесть атак и уничтожившего до роты немецкой пехоты.

И все же на десятые сутки боя, в силу огромного превосходства, трем гитлеровским и одной румынской дивизиям удалось прорвать первую траншею 422-й стрелковой дивизии и овладеть хутором Хара-Усун, Станом Культурным и высотой 118,3.

Не сумев сломить стойкости воинов-дальневосточников в открытом бою, гитлеровцы решили взять нас измором, огневой блокадой с воздуха и земли. Их артиллерия, минометы и пулеметы обстреливали наши боевые порядки днем и ночью трассирующими снарядами и пулями, не давая поднять головы и передвигаться, особенно транспорту, а ракетчики густой сетью ракет создавали видимость глубокого охвата нашего боевого порядка клещами от юго-восточных скатов курганов с отметкой 118,3 до стыка дороги с тропой, что юго-западнее Эрдешкино. Авиация генерала фон Рихтгофена в то время господствовала в воздухе, наносила удары по боевым порядкам нашей и соседней гвардейской дивизии генерала Василенко. Она бомбила все переправы через Волгу и все пути подвоза и эвакуации.

Лишь по ночам, да и то с большим трудом, удавалось эвакуировать раненых и больных, подвозить боеприпасы, продовольствие и воду.

Вода! Из-за отсутствия ее мы пережили в боях за Сталинград много неприятных дней. Жара в ту пору доходила до 30—40 градусов. А возле раскаленного оружия, в окопах и траншеях, затянутых пороховым дымом и пылью, было и того жарче.

Колодцы, родники и единственная речка Червленая на правом фланге нашей обороны пересохли, заросли мелким камышом, кугой и чаканом. Воду доставляли за много километров и только ночью. День, когда на воина приходилось по полфляги воды, считался праздником и победой наших тыловых подразделений.

НАГРАДЫ КОМАНДАРМА

Земляной двухкилометровый вал тянулся с востока на запад. Он задерживал полые воды и отгораживал от них хутор Хара-Усун.

Противник превратил этот вал в позицию боевого охранения, устроил в нем землянки для жилья. С вала он просматривал нашу оборону по переднему краю. Командующий 57-й армией генерал Ф. И. Толбухин предупредил нас о наличии перед нашим правым флангом немцев из 29-й моторизованной дивизии генерала фон Лейзера.

Мы убеждали командарма, что это не так, что против нас перешла к обороне избитая нами 20-я пехотная дивизия королевских румын.

И вот однажды, к стыду нашему, мы узнали, что командарм прав, а мы допустили ошибку. Произошло это так. Сержанты Самойлов и Глазков смелыми, но очень рискованными действиями открыли нам глаза, сообщив, кто перед нами стоит и что делает.

Сержант Самойлов длительное время наблюдал, как утром и вечером к озеру подходила кухня, а сержант Глазков подметил, что в камыш в определенное время ходил офицер.

— Убить этого офицера,— говорил Глазков,— первое дело. Хочется живого его привести и кое-что узнать.

— А мне повара бы захватить,— отвечал Самойлов.— Уж повар-то знает, кого, где он кормит. До вот боюсь, дружище, вдруг неудача, да еще с потерями. Тогда за такую инициативу трибунал...

— И все-таки давай рискнем,— сказал Самойлов.

— Пока я врид комвзвода. Мне думается, гитлеровцы зазнались, потеряли бдительность. Победа наверняка будет за нами.

Севернее озера проходила проселочная дорога, от нее ответвлялась вторая, которая шла на юго-запад. По дорогам ходили парные дозоры. Днем захват пленных отпадал. Решено было операцию провести вечером и захватить офицера, повара и шофера.

Разведочные группы поддерживали 45-миллиметровая пушка и пулемет «максим».

Расстояние до объектов нападения было почти одинаковое: до офицера — 400 метров, до повара с шофе-

ром — 500 метров. Однако объекты располагались на противоположных берегах озера. Офицер бывал на северо-западном, а кухня приходила и останавливалась на юго-западном берегу. Берег на всем протяжении густо порос камышом, чаканом и редким тальником.

Сержанту Самойлову, как организатору, хотелось, чтобы нападение и захват пленных произошел одновременно. Рассчитывалось, что противник, обнаружив нападение, не сообразит сразу, что произошло, кому оказать помощь в первую очередь.

К вылазке готовились тщательно; сапоги мазали дегтем, накомарники пропитывали в лигроине и керосине, лица и руки намазали солидолом, разведенным в керосине. В общем, предусмотрели все, даже чтоб не мешали комары, которых, как говорил Самойлов, была «тьма-тьмущая».

Преодолев расстояние, группа Глазкова ожидала офицера, а группа Самойлова подстерегала повара и шофера. Разведчики хорошо видели, как повар нагнулся над котлом и гремел черпаком. Шофер фонарем «летучая мышь» освещал котел.

Ярко горел костер, вокруг которого ужинали до взвода солдат. «Как их уничтожить, чтобы не убить повара», — вот о чем думал Самойлов. Он приказал рядовым Карпову и Клименко: после того как остальные откроют автоматный огонь по взводу, оглушить шофера и свалить на землю повара, а потом пустить в ход гранаты.

Дальше события разворачивались по согласованному плану. Глазков дал короткую очередь из автомата по часовому, скрутил и потащил офицера. В это же время на другом конце озера Самойлов и Клименко «обработывали» повара, а Карпов связывал оглушенного шофера.

После взрыва гранат и залпов автоматов все стихло. Только связанный повар с кляпом во рту что-то мычал. Шофера схватили тоже.

Группа сержанта Глазкова с пленным офицером была уже в траншее, когда сержант Самойлов столкнул в нее повара.

Немецкий командир роты бросился на помощь «пострадавшим» только тогда, когда до смерти перепуган-

ные телефонисты доложили ему, что боевое охранение уничтожено.

Теперь Самойлов думал, как доложить командиру роты и батальона об операции, проведенной без их приказа. Дело не сложное, успокоил Самойлова Глазков:

— Факт, товарищ комвзвода, совершен, «языки» в нашей траншее. Потерь с нашей стороны нет, кроме пальца, который чуть у Клименко не откусил повар. За самовольную инициативу поругают, это ясно. Но и за таких пленных «тузов» похвалить нас тоже могут.

— Я верю в счастливый исход дела,— заключил Глазков,— тем более что немецких пленных в дивизии никто не приводил, даже дивизионные разведчики. Веди, Самойлов, пленных, пока начальство не спит.

Осторожно подходил Самойлов к землянке командира роты, в берегу речки Червленая. Автоматчик, охранявший землянку, щелкнул предохранителем, вполголоса спросил:

— Кто идет?

— Свои! — так же вполголоса ответил Самойлов.

— Лейтенант не спит?

— Нет.

Через круглые отверстия плащ-палатки, которой была занавешена дверь в землянку, Самойлов увидел, что у дощатого столика сидели, отмахиваясь от комаров, командир батальона капитан Крючихин, командир роты лейтенант Займатулин и кто-то третий, лица которого не было видно. По разговору Самойлов догадался, что это командир полка майор Сухов, потом понял, что разговор идет о разведке и захвате «языка».

У Самойлова сразу стало легче на сердце, он громко попросил разрешения войти в землянку.

— Что случилось, Самойлов? — спросил Сухов. — Как сюда попал? Бросил взвод?

После небольшой паузы Самойлов докладывал:

— Сержант Глазков с ефрейтором Семеновым и тремя солдатами уничтожили охрану, а командира — немецкого лейтенанта захватили в плен. Я с ефрейторами Клименко, Карповым и тремя солдатами уничтожил до взвода моторизованной пехоты и захватил в плен шофера и повара батальонной кухни.

Какое-то мгновение стояла тишина. Потом командир

Гвардии майор Александр Обухов, командир 452-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона

роты крепко пожал руку Самойлову. То же сделал комбат капитан Крючихин.

— Наказывать или награждать вас, сержант Самойлов, мы потом решим, а сейчас показывай пленных,— приказал комполка майор Сухов.

Самойлов пулей вылетел из землянки, с автоматом

на груди вошел сержант Глазков. За Глазковым — гитлеровский офицер. Он щелкнул каблуками и представился: «Лейтенант германского вермахта». За ним вошли повар и шофер.

Сержант Самойлов представил командиру полка сержанта Глазкова и 9 воинов — участников разгрома и пленения немцев.

Комиссар майор Малюков и командир полка майор Сухов крепко обняли и тепло поздравили своих мужественных воинов.

Решили доложить о происшедшем командарму. Генерал Ф. И. Толбухин сказал:

— Вовремя выручили нас твои смелые следопыты. Долго, комдив, пленных не держи, пусть Самойлов со своими товарищами везет их ко мне в Татьянку.

На допросе повар и шофер показали, что они кормят 450 человек пехоты и 45 танкистов, роту капитана Гейца на разъезде 55-й километр, роту капитана Шульцера в Кашарах, взвод пехоты за озером, пехотную и танковую роты в хуторе Блинные. Пленный лейтенант показал, что его взвод с одним врытым танком находится в боевом охранении.

Командующий 57-й армией генерал Ф. И. Толбухин приветливо встретил 11 отважных воинов во главе с сержантом Самойловым.

Самойлов доложил командарму, что заставило его идти на риск, как и сколько времени шло наблюдение и подготовка к нападению на противника и захвату пленных.

Самойлов хотел доложить генералу, что виноват за самовольную инициативу, но командарм остановил его, взял за плечи и сказал:

— Победителей не судят, товарищ Самойлов. За смелую и дерзкую инициативу, проявленные мужество и отвагу вам, сержант Самойлов, присваиваю воинское звание младшего лейтенанта. Сержанту Глазкову — звание старшина, ефрейторам Семенову, Клименко и Карпову — сержант, и каждого награждаю орденом Красной Звезды. Вам, бесстрашные советские солдаты, присваиваю звание младший сержант и награждаю каждого медалью «За отвагу». Поздравляю вас с новыми воинскими званиями и правительственными наградами.

Ободренные отцовской заботой и наградами, воины ответили:

— Служим Советскому Союзу.

ХИТРОСТЬ И ОТВАГА КРАСЮКОВЦЕВ

Враг остервенело рвался к городу. Советские воины отбивали по 10—13 атак в сутки и едва успевали откапывать друг друга в траншеях и землянках после атак самолетов и танков противника.

Воздушные пираты сбрасывали на наши позиции не только бомбы, но и железные бочки и бороны. Надо было отвести удары врага с воздуха. И выход был найден саперами. В их числе был девятнадцатилетний воин Николай Красюков, токарь одного из сталинградских заводов. Он прибыл в нашу дивизию летом 1942 года. Отец его пал смертью храбрых в боях за Ленинград. Под руководством Николая Красюкова были сооружены ложные «танки», сложенные из дерна и наполненные навозом из коровников Солянского колхоза, залитые мазутом и начиненные противотанковыми минами для имитации взрыва и горения.

В течение ночи таких «танков» изготовлялось по 19—20 штук. Утром появлялись разведчики — «мессершмитты» и «фоккевульфы». Они шныряли над балками и северными скатами высоток в районах Щетинино и подсобного хозяйства. Обнаружив замаскированные снопами поляны «танки» на «исходном положении», фашистские пилоты по радио сообщали места их нахождения. Сначала они просили, потом, ругаясь, требовали немедленного удара по скоплению «танков». Через 20—30 минут появлялись бомбардировщики. Они хищно набрасывались на дерновые коробки, наполненные навозом, которые взрывались, дымили и горели, как настоящие танки.

На следующее утро «танки» появлялись в другом месте. И снова фашистские штурмовики и бомбардировщики набрасывались на них, после чего в фашистские штабы летели донесения об уничтожении советских танков, не успевших перейти в контратаку. Так Красюков и его товарищи отводили удары авиации противника от

своей пехоты и артиллерии. Фашистские летчики сбрасывали впустую десятки тонн бомб.

А на танкоопасных направлениях саперы создавали полосы ранее не применявшихся минновзрывных фугасов, состоящих из противотанковых мин и бутылок КС. На этих полосах рвались и горели фашистские танки, атакующие нашу пехоту.

Хитрость и изобретательность саперов доходила до дерзости. Однажды через дивизионного инженера они заказали подвезти тонкие доски, столбы и фанеру.

— Зачем нужен саперам этот хлам? — спросил я у дивизионного инженера.

— Извините, товарищ комдив, чуть не забыл. Саперы еще просили побольше рогожи и старых мешков или хотя бы списанного гнилого брезента, — сказал инженер, хитро улыбаясь.

Что за тайна? Через двое суток, вернее через две ночи, по замыслу Красюкова был сооружен аэродром с фанерными самолетами. Около них стояли рогожевые чучела — «летчики», три «зенитные батареи» по шесть «орудий», прикрывающие «аэродром» с «самолетами».

Немецко-фашистская авиация несколько дней подряд бомбила ложный аэродром, сбросив на него не менее 20 тонн бомб.

Первый самолет, «фоккевульф», прилетевший проверить результаты бомбардировок, был сбит зенитчиками, второй обнаружил обман. Гитлеровцы в ответ на это сбросили с самолета пять крепких дубовых чурбаков с надписью: «Какие самолеты и пушки, такие и бомбы».

— Дурак фриц! — говорил повар. — Не видит, что на том месте, где был «аэродром», уже стоит настоящий, тщательно замаскированный дивизион.

Вечером повар рубил чурбаки на дрова и потешал солдат: «Дураки фашистские летчики — маловато сбросили чурбаков. Уж если на то пошло, сбросили бы они Гитлера, а за ним Геббельса».

ДОЛИНА СМЕРТИ

В конце августа, после неудавшейся блокады немецко-фашистские войска снова начали яростные атаки на всем фронте дивизии. Они из кожи вон лезли, чтобы

прорваться силами 29-й моторизованной дивизии на Эрдешкино и вдоль железной дороги на станцию Тундутово; силами 371-й пехотной дивизии — через Стан Культурный на курганы с отметкой 118,3 и 20-й пехотной румынской дивизией, усиленной немецкими танками — в направлении кургана с отметкой 112,7 — хутор Щетинино.

Генералам Лейзеру и Димитриу хотелось кратчайшим путем выйти к Волге в южные районы Сталинграда, а потом с тылу нанести решительный удар по советским войскам.

Шли кровопролитные бои... К исходу первого дня полк майора Ивана Сухова и полк майора Семена Черезова уничтожили тысячи фашистов. И все же к исходу второго дня немецким танкам с батальоном автоматчиков удалось прорваться на левом фланге полка майора Семена Черезова и выйти к хутору Щетинино.

К вечеру того же дня в районе прорыва немецких танков сосредоточились истребители капитана Обухова, пушечная батарея старшего лейтенанта Сушицкого, батальоны капитана Тарасова, старшего лейтенанта Ивана Гужвы и курсанты Винницкого училища.

Контратака началась массированным огнем артиллерии. Сразу же загорелось 6 немецких танков. Фашистская пехота в панике заметалась под огнем артиллерийских дивизионов капитанов Митькина, Зинкевича и Обухова. Вырвавшись из-под огня, фашисты снова бросились вперед, но было уже поздно: брешь, пробитая ими в нашей обороне, была закрыта подразделениями противотанковых ружей, батальоном капитана Тарасова и курсантами Винницкого училища.

Только 7 танкам из 30 и десяткам двум немецких автоматчиков удалось вырваться из мешка, в который они залезли два часа назад.

Когда немецко-фашистским дивизиям не удалось прорвать нашу оборону с юга и выйти к Волге, тогда они оставили против нас 2-ю и 20-ю румынские дивизии, которым приказали любой ценой прорваться через оборону дивизий 57-й армии генерала Толбухина, овладеть Красноармейским районом.

Румынские генералы Гиоргеску и Димитриу усердно готовились к операции. К 6—8 сентября румыны, сосредоточив войска и боевую технику, решили смять и про-

рвать оборону на нашем левом фланге и на правом фланге соседа слева — гвардейской дивизии генерала Василенко.

Рано утром румынские конные эскадроны сосредоточились в северо-восточных отрогах балки Морозова и в лесу, что юго-восточнее балки.

Конная артиллерия на карьере развернулась кругом, сняла орудия с передков и стала на огневые позиции перед левым флангом полка майора Черезова и стоящих в резерве батальонов старшего лейтенанта Гужвы и капитана Фирсова.

После короткого, но очень сильного и плотного артиллерийского налета румыны стремительным ударом прорвали оборону на левом фланге нашей дивизии и правом фланге гвардейской дивизии генерала Василенко. Обгоняя конницу, помчались танки, неся на броне десанты автоматчиков.

Конница, пройдя в образовавшийся прорыв по балкам Морозова и Терновой, под прикрытием огня и брони танков ринулась в атаку по Чапурниковской равнине фронтом на запад. Это напоминало сначала конностроевые и танковые учения, а потом «психическую атаку» эсэсовцев.

Как и прежде, подпустив противника поближе, мы уничтожали его залповым огнем пехоты, пушками дивизионов капитанов Митькина и Обухова. И довершали разгром румын фугасные огнеметы, прославленные «катуши» дивизиона капитана Терещенко, гаубицы капитана Зинкевича и штыковые атаки пехоты батальонов капитана Фирсова и старшего лейтенанта Гужвы.

Все смешалось. Горели вражеские танки. Из них выскакивали танкисты и гибли, либо от нашего огня, либо от копыт обезумевших лошадей румынской конницы, которая была заперта в огненном кольце. Все выходы из этого кольца, образованного воинами двух дивизий — 422-й Дальневосточной и гвардейской генерала Василенко — были закрыты. Через 2—3 часа после затеянного румынами прорыва на Красноармейск перед нашими боевыми порядками только дымились танки, валялись исковерканные пушки конных батарей, вповалку с лошадьми лежали убитые кавалеристы, пехотинцы и закопченные танкисты.

Пять раз бросали в атаку румынские генералы своих солдат на вырубку попавшим в огневой мешок, но безрезультатно. Больше полутора тысяч убитых и пленных солдат и офицеров потерял в этот день противник. Недаром Чапурниковскую долину румыны назвали «Долиной смерти».

РЕЙД ОТРЯДА КАПИТАНА ФИРСОВА

Ни психическими атаками, ни артиллерийско-пулеметной блокадой, ни ударами с воздуха немецко-фашистским и румынско-королевским войскам не удалось сломить стойкости советских воинов и прорваться в южные районы Сталинграда. На фронте 57-й армии наступило относительное затишье.

Противник прекратил атаки дивизиями и полками, но продолжал их усиленными батальонами. Днем и ночью били по нашим боевым порядкам батареи шестиствольных минометов. Методическим огнем из тяжелых артиллерийских систем обстреливались Красноармейский и Кировский районы Сталинграда.

Дождем сыпались трассирующие пули, рвались мины и снаряды, фашистская авиация бомбила наши боевые порядки, мешала передвижению транспорта. Фашисты продолжали варварски разрушать город, убивать советских людей. Но все же мощные удары наших войск охладили пыл захватчиков. Их тактика массированных атак пехоты и танков и ударов авиации с воздуха резко изменилась, особенно на фронте нашей дивизии — на кратчайшем пути к городу.

— Что бы это значило? — задавали мы друг другу вопросы и тщательно наблюдали за поведением противника.

Командарм Толбухин требовал через каждые три часа докладывать ему о действиях противника, и все эти семь—восемь докладов в сутки были похожи один на другой.

Командарм неожиданно появился у нас в дивизии в сентябре. Начал упрекать нас в том, что мы слепые, не знаем, что делает противник, что мы проспали, из-под нашего носа ушли все немцы, осталась только одна 20-я румынская пехотная дивизия генерала Димитриу.

Мы хорошо знали характер командарма. Знали, что это человек горячий, но простой. Ждали, пока он остынет. И вот он подозревал своего адъютанта, взял из его рук портфель, вынул пакет и вручил его мне. Это был боевой приказ. А когда командарм уезжал из дивизии, то, улыбаясь, сказал:

— Ты, комдив, не сердись и поскорей создавай облегченный отряд разведчиков. Из добровольцев, из тех, кто видел врага, дрался с ним, смотрел смерти в глаза и знает местность, как свои пять пальцев. Подберите командира и комиссара отряда тоже из тех, кто особо проявил себя в боях и командовал не менее как батальоном, и пусть они ведут отряд подальше в тыл врага. Остальное прочитаете в приказе. Мне надо еще побывать у твоего левого соседа — генерала Василенко.

И уже поднимаясь в гору из балки Чапурники, командарм крикнул:

— Вношу поправку в приказ! Готовность отряда к работе в 17.00 послезавтра!

Вечерело. Дул теплый ветерок, несущий приятный запах переспелых трав. Багровое солнце клонилось к горизонту. Медленно раздвигались тучи и уходили куда-то на запад.

Комиссар дивизии, Иван Андреевич Шестаков, вздохнул:

— Опять этот чертов ветер... Завтра развернется всюю. И когда он, проклятый, перестанет нести песок.

А потом обратился ко мне:

— Что, досталось по самое некуда? Это я впервые слышу, чтобы тебя командарм так пробрал за разведку.

— Иван Андреевич! И в твой огород летели камешки,— сказал я.

— Да,— согласился Шестаков,— я отдал приказание адъютанту старшему лейтенанту Акимову вызвать начальника политотдела Потемина, начальника штаба подполковника Фунтикова, командира полка майора Сорочкина, заместителя по артиллерии подполковника Цепелева, дивизионного инженера, начальника разведки, начальника и заместителя по тылу Смолянинова.

— Торопись, Акимыч,— сказал я адъютанту.— Одна нога здесь, другая у начальника штаба. А ты, комиссар, не подумал насчет состава отряда?

— Подумал. Предлагаю сформировать отряд из до-

бровольцев — коммунистов и комсомольцев. Такой отряд не подведет. А сейчас, пока товарищи будут собираться, давай подберем командира и комиссара отряда.

Мы открыли личные книжки, списки офицерского состава дивизии.

Остановились на командире батальона полка майора Сорокина капитане Фирсове и старом коммунисте майоре Фаткине. Разные по характеру: первый горячий, второй спокойный, — оба они были закаленными, волевыми офицерами, оба хорошо знали путь к солдатским сердцам, умело руководили людьми. Солдаты любили их за храбрость, выдержку, человечность и готовы были идти за ними в огонь и в воду.

На коммунистов Фирсова и Фаткина можно было положиться.

И вот отряд создан. В него входят 150 коммунистов и комсомольцев, свободно читающих любую карту, отлично знающих местность, на которой им придется действовать. Все одеты в добротные маскировочные халаты.

Воины отряда отработали тактику нападения на штабы, склады, часовых и мелкие группы противника, прошли подрывное дело. Отработали способы проникновения в тыл противника.

На одном из учений генерал Толбухин не мог обнаружить отряда, который спрятался в бурьяне. Командарм был доволен:

— Отряд и его командиры боевое задание выполняют с честью, в этом я уверен, — сказал он.

И вот отряд капитана Фирсова получил приказ: установить состояние и глубину обороны, силу и состав противника перед правым флангом и центром нашей армии, выяснить, есть ли за вторым эшелонем румынско-королевской обороны немецко-фашистские войска, и если нет, то куда или в каком направлении они переброшены.

Одновременно отряд получил указание взорвать склад с боеприпасами, захватить штабные документы и привести пленного, по возможности офицера, а при возвращении ночью атакой с тыла прорвать первую и вторую траншеи первой позиции противника в направлении пионерского лагеря или хутора Щетинино.

На участке между высотами 118,3 и 120,0, которую двое суток назад отбил батальон Ивана Гужвы и ко-

торую воины назвали высотой им. Толбухина, намечен был прорыв и ввод отряда Фирсова через линию фронта.

С севера в этом направлении, к месту исходного положения, подходили две огромные балки, на дне и скалах заросшие терном, мелким дубняком, волчьими ягодами и редкими кустами шиповника.

Подступы с тыла к фронту были хорошо скрыты и со стороны противника не просматривались.

Был подготовлен огонь армейской артиллерии по обороне противника как отвлекающий.

Огонь дивизионной артиллерии планировался как отсечный, по восточным скатам высоты 118,3 и западным скатам высоты 120,0.

Артиллерийским огнем и атакой двух батальонов на высоту 118,3 и юго-восточнее высоты 120,0 противник отвлекался, и создавалось условие незаметного проникновения отряда Фирсова через линию фронта в тыл противника.

Дул юго-восточный ветер, низко над землей ползли черные тучи, пахло дождем.

На всем фронте противника стояла зловещая тишина. Бездействовали ракетчики, молчали пушки и минометы, которые обычно, днем и ночью, то с одного, то с другого места вели методический огонь по нашим траншеям. Казалось, противник разгадал нашу затею и ждет удобного момента, чтобы обрушиться на отряд Фирсова, сорвать все наши планы.

Наступила ночь. На небе не было видно ни одной звезды. Командиры групп сверяли друг у друга часы и проложенные азимуты.

В 23.00 загремели залпы наших орудий и минометов, заохали и заныли снаряды, шипя полетели реактивные, с длинными огненными хвостами мины.

Под эту артиллерийскую музыку отряд Фирсова ушел, растворился в ночной темноте. Недалеко, правее и левее отряда, слышалось громкое «ура» батальонов Тарасова и Гужвы, которые перешли в ложную атаку.

Фирсов с отрядом за ночь исколесил около двадцати километров и пробрался в район разъезда «55-й километр» и балку, идущую от высоты 118,3 на юго-восток. Там его застал рассвет.

Целый день воины отряда лежали в балке, между чуть присыпанными землей трупами солдат Гитлера и Антонеску, наблюдали за движением колонн автомашин с пехотой и артиллерией противника на север, в направлении колхоза им. Нариманова, сел Гавриловка и Варваровка. За это время они обнаружили южнее разъезда замаскированный под огромный скирд соломы и сена склад боеприпасов, а на безымянном кургане, на юго-западных скатах высоты 118,3 — тщательно замаскированный наблюдательный пункт и ротный опорный пункт обороны румын.

Близилась ночь. Ее с нетерпением ждали все воины отряда. Уж больно неприятно было лежать по соседству с убитыми захватчиками.

Когда темная осенняя ночь окутала землю, капитан Фирсов начал действовать. Первой группе под командованием лейтенанта Щербакова приказано было уничтожить склад боеприпасов.

Ставя задачу группе, Фирсов говорил:

— На вас возлагается самая ответственная и сложная задача, но ее нужно выполнить любой ценой. Уничтожив склад, вы оставите румын и немцев без боеприпасов и сделаете их почти небоеспособными.

Остальные силы отряда капитан Фирсов разбил еще на три группы. Первую он возглавил сам, с задачей уничтожить опорный пункт и парализовать его связь, идущую в тыл. Вторую группу возглавил комиссар Фаткин с задачей блокировать наблюдательный пункт, захватить документы и «языка».

Третья группа прикрывала первую и вторую в случае подхода подкреплений противника и обеспечивала их отход после выполнения боевой задачи. Ее возглавлял молодой лейтенант Владимир Морозов.

Общий сигнал к началу действий — взрыв противотанковой гранаты. Отход — серия разных ракет на северо-восток в направлении пионерского лагеря.

Мы, находясь на наблюдательном пункте дивизии, не сводили глаз с направлений, где, по нашим предположениям, сейчас находился отряд Фирсова, но кроме вспышек дальних немецких ракет ничего не могли различить.

Медленно, чертовски медленно тянулось время.

Вдруг вздрогнула земля, гигантские фейерверки ос-

ветили степь. Затем раздался огромной силы взрыв, оглушающий грохот рвущихся снарядов, мин, гранат... Это выполнила свою задачу группа лейтенанта Щербатова.

— Крепко сработано,— сказал я.

— Здорово,— подтвердил комиссар Шестаков. На миг стало как-то легче на сердце, но тут же родилась тревога: «Не случилось ли чего? Успели ли вовремя отойти? Все ли живы? Не пострадал ли кто-нибудь?». Взрыв был огромной силы.

А в это время на высоте 118,3 комиссар Фаткин с пятью воинами подполз к землянке наблюдательного пункта.

Разведчики окружили землянку и ворвались внутрь ее. Офицер, ординарец и телефонист не успели и слова произнести, как были обезоружены и связаны.

Телефон с минуту зуммерил, а потом замер. Группа капитана Фирсова закончила свою работу: разгромила гарнизон опорного пункта и уничтожила связь. Воины лейтенанта Владимира Морозова, уничтожив кабельно-шестовую линию, идущую с тыла к фронту, отходила, прикрывая объединенные группы в отряд.

Отряд на ходу подготавливался к прорыву обороны противника с тыла в направлении пионерского лагеря, где располагался командный пункт полка майора Черезова. Воины полка ждали возвращения отряда капитана Фирсова и были готовы в случае необходимости обрушиться на врага всеми своими силами.

Далеко на юге вспыхнули огни, ударили залпы артиллерии и минометов. Вражеские мины и снаряды накрыли безымянную высоту, где час тому назад отряд Фирсова разгромил гарнизон опорного пункта румын. А смельчаки навалились уже на противника с тыла и громили его во второй и первой траншеях первой позиции, с боем выходя к своим.

Противник подбросил силы и стремился с флангов сжать и разбить отряд Фирсова, но на помощь отряду пришел батальон капитана Тарасова. Стремительной атакой он отбросил противника и обеспечил выход разведчикам.

Так отряд Фирсова с честью выполнил поставленную перед ним задачу.

В АРМИИ ГЕНЕРАЛА ШУМИЛОВА

В ночь с 13 на 14 сентября 422-я стрелковая дивизия по приказу командующего фронтом была сменена стрелковой дивизией полковника Еременко и, совершив марш, влилась в состав 64-й армии генерала М. С. Шумилова.

Помню ночь 13 сентября 1942 года. У самого берега Волги, в добротнo сработанном саперами блиндаже, встретил меня командарм Шумилов, среднего роста, крепкий и уже седой человек, старый большевик, командир партизанского отряда в годы гражданской войны, опытный военачальник.

Его армия обороняла юго-западные подступы к Сталинграду. Помню, как при члене Военного совета дивизионном комиссаре К. К. Абрамове Шумилов говорил:

— Армия отсюда не уйдет, пока в ней есть хоть один батальон, хоть один патрон на солдата, пока жив в ней хоть один коммунист.

Он сдержал свое слово. Ничто не могло сдвинуть этого кряжистого советского генерала и его армию с земли, на которой они стояли. Это к нему, к Шумилову, привели впоследствии командующего разгромленной 6-й немецкой армией фельдмаршала Паулюса.

Командарм шутил:

— Так ты что же, подполковник, когда пришел с полнокровной дивизией, тогда, значит, прямо в армию генерала Толбухина. А когда навоевался, ко мне?

И уже серьезно продолжал:

— Это хорошо, что к генералу Толбухину попал. Федор Иванович воевать мастер, и большой. Да и вы, я слышал, воевали хорошо.

Он развернул газету «Известия»:

— Читал я тут про 422-ю дивизию статью корреспондента Кудреватых. Крепко он ее расписал.

Командарм показал статью. Жирным красным карандашом были подчеркнуты итоги наших боев, о которых писал корреспондент. Мне бросились в глаза эти строчки: «Десять суток не стихал бой. Гитлеровцы пытались проделать в боевых порядках дивизии широкую брешь и выйти к Волге, но понесли огромные потери и ничего не добились. Три немецкие и одна румынская дивизии.

Более шести тысяч только убитых солдат и офицеров, 60 сожженных и подбитых танков и броневиков. Таковы первые показатели боевой выучки Дальневосточной дивизии».

Командарм еще раз оглядел меня и подошедшего комиссара дивизии Ивана Шестакова и сказал:

— А теперь прошу ближе к карте. 12 и 13 сентября немцы силами 29-й моторизованной, 14-й танковой и частью сил 94-й пехотной дивизий прорвали оборону армии на ее правом фланге в направлениях: Зеленая поляна — авторемонтный завод, высота 145,5 — Лапшин сад и вышли к Волге на фронте Купоросная балка — авторемонтный завод. Не раз битая моторизованная дивизия немцев перешла к обороне на фронте от правого берега Волги до восточных скатов высоты 145,5 — Лысой горы.

Ваша задача: на рассвете 14 сентября атаковать противника в направлениях: железная дорога — Купоросное и шоссейная дорога — юго-западная окраина Ельшанки. Левее вас немцев атакует 36-я гвардейская дивизия полковника Денисенко.

Ближайшая задача 422-й дивизии — прорвать оборону, уничтожить противостоящие силы врага и овладеть рубежом авторемонтный завод — роща «Квадратная» и роща «Топорная».

Полк майора Александра Сорокина подходил и готовился к атаке в направлении: шоссейная дорога на Ельшанку — роща «Квадратная» — Лысая гора.

Артиллеристы капитана Александра Обухова, майора Михаила Евсеева и подполковника Богушевича с ходу занимали огневые позиции.

Саперы и пехота построились в боевые порядки и без русского «ура» перешли в атаку, прорвали оборону противника на участке правый берег Волги — роща «Квадратная», разгромили до полка 29-й моторизованной дивизии немцев и овладели заводом, рощами «Квадратная» и «Топорная».

Гитлеровцы бросались в контратаки, стремились сбросить нас в Волгу. Они пугали нас: «Рус, буль-буль!». Но в ответ гремели залпы всех видов оружия.

И слышалось:

— Не пить вам, гадам, воды из нашей великой Волги!

После трехдневных ожесточенных боев дивизия 16 сентября перешла к обороне. Мы отвоевали у врага 2—3 километра, но это для нас было большой победой.

А затем 422-я стрелковая дивизия и ее сосед слева— 36-я гвардейская дивизия начали пробиваться на соединение с дивизией Батюка, дравшейся на Мамаевом кургане, но расстояние между нами и Батюком почти не сокращалось, нас по-прежнему разделял Ворошиловский район и центр города. В этих боях воины-дальневосточники проявили новые образцы мужества и героизма.

Старший лейтенант Рутман вступил в единоборство с фашистским «мессершмиттом». Советский офицер был вооружен всего лишь ружьем ПТР. Гитлеровский летчик сбросил на окоп старшего лейтенанта несколько бомб, обстрелял его из пулемета. Но Рутман продолжал бить по самолету до тех пор, пока «мессершмитт» не вспыхнул и не рухнул в сад Лапшина.

Заслуженной славой пользовался снайпер нанаец из села Бичи Хабаровского края сержант А. Г. Самар. За 70 суток он истребил 299 гитлеровцев.

В 13.00 24 октября я, а также командиры соседних дивизий, полковник Денисенко и полковник Куропатенко, и командир подходящего 7-го стрелкового корпуса генерал Горячев на наблюдательном пункте юго-западнее Бекетовки и Старой Отрады в присутствии генерал-лейтенанта Попова получили подробный устный боевой приказ командарма генерала Шумилова.

Нам стало известно, что гитлеровское командование готовит удар по 62-й армии генерал-лейтенанта Чуйкова с целью разгромить ее и сбросить в Волгу. Наша дивизия и 7-й стрелковый корпус должны были ударом в направлении Зеленая Поляна—Песчанка разбить врага в районах севернее роц «Квадратная» и «Топорная» — совхоз «Горная Поляна» и к исходу дня овладеть хутором Андреевским и высотой 145,5 (Лысой горой). Главное, подчеркнул командарм Шумилов, требуется любой ценой отвлечь на себя силы, сосредоточенные против 62-й армии.

Удар нашей дивизии и корпуса генерала Горячева был неожиданным для врага. Мы овладели высотой 145,5 и успешно продвигались на северо-запад в направлениях: Купоросное, хутор Андреевский, Зеленая По-

ляна, Песчанка, отражая яростные контратаки 295-й, 71-й и частично 100-й пехотной и 29-й моторизованной дивизий немцев.

Противник то отходил, сопротивляясь, то, подтянув резервы, контратаковал, стремясь остановить продвижение нашей дивизии и бригад генерала В. В. Тихомирова, полковника Н. З. Галай и полковника Ф. П. Бережного корпуса генерала Горячева.

Когда мы освободили безымянные высоты на подступах к хутору Андреевскому и Зеленой Поляне и когда наш боевой порядок образовал дугу, упирающуюся своим правым концом в шоссе на дорогу у роши «Квадратной», а левым — в высоту 145,5, имея ширину у основания дуги до 5 километров, у вершины — 3, противник обрушил на нас огонь более ста орудий, а после артналета бросил в контратаку около 100 танков и приблизительно две пехотные дивизии.

Танки прорвались через наши боевые порядки, но в глубине обороны уничтожались противотанковой артиллерией. Оторвавшаяся от своих танков, пехота врага цепь за цепью шла в контратаку. Советские солдаты и матросы в бушлатах и бескозырках огнем и штыком не только остановили, но и отбросили оккупантов назад. Ценой больших усилий нам удалось удержаться на завоеванных позициях.

Немцы в течение ночи подтянули резервы, создали превосходство в пехоте и танках и заставили нас отойти на прежние позиции. Но победа была на нашей стороне. Мы не только отвлекли на себя силы противника от 62-й армии, но и нанесли ему потери и заставили на нашем направлении перейти от активных наступательных действий к обороне.

...Осень вступала в свои права. Отсвечивала позолотой листва, израненные пулями и осколками, клонили ветви к земле яблони и вишни в саду Лапшина. Начались дожди. Хмурой и неприветливой выглядела Волга.

Тяжело было воевать, но по-прежнему днем и ночью уничтожали мы гитлеровцев из винтовок, автоматов и пулеметов. Днем и ночью не смолкали залпы артиллерии бронепоездов. Частыми ночными атаками изматывали мы трусливые души фашистов. Немцы стали даже покорнее. Пленные солдаты и офицеры реже

стали кричать: «Хайль Гитлер!». Теперь от них все чаще можно было услышать: «Гитлер капут!»

На нашем участке фронта немцы все глубже зарывались в землю, устраивались на зиму в подвалах разрушенных зданий.

До самого завода им. Куйбышева снайперы, бронбойщики и пулеметчики стрелкового полка майора Василия Фирсова не пускали гитлеровцев за водой к Волге.

Реже бороздили сталинградское небо нахальные «мессеры». На них нагнали страху последователи капитана Рутмана — снайперы противотанковых ружей, расположившиеся по всей полосе дивизии. Не снижались теперь гитлеровские хищники ниже тысячи метров, не парили свободно в воздухе и не шныряли они, как раньше, по балкам.

Южную часть поселка Купоросное и кожевенный завод немцы превратили в крупный узел обороны, с десятками орудий прямой наводки и пулеметами, направленными на юго-восток — в сторону правого берега Волги, на юг — вдоль шоссейной дороги и на юго-запад — на рошу «Квадратную». Они изрыли траншеями высоту 145,5 (Лысую гору) до самой Волги. Все овраги и особенно балку Купоросную они превратили в противотанковые рвы. Пленные, захваченные 28 октября, показали, что гитлеровцы готовились зимовать.

* * *

26 октября 1942 года в нашу дивизию на запасной наблюдательный пункт, расположенный на втором этаже домика, с заложенными кирпичом и оборудованными под амбразуры для наблюдения и стрельбы окнами, прибыли начальник Генерального штаба Советской Армии генерал-полковник Василевский, заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Попов, командующий 64-й армией генерал Шумилов, член Военного совета армии дивизионный комиссар Абрамов и член Военного совета 57-й армии бригадный комиссар Субботин, который был нашим шефом. Он приехал похлопотать у генералов Василевского и Попова о нашем возвращении в армию генерала Толбухина.

Здесь же я увидел заместителя по политической ча-

сти командующего бронетанковыми войсками 64-й армии старшего батальонного комиссара Гавриила Марченко. Разве можно не упомянуть об этой встрече? Да еще какой — под Сталинградом!

Я был рад, что мой подшефный, в прошлом курсант кавалерийской школы Гавриил, стал крупным политработником.

— Довольно вам: расцеловались, как девчонки, — остановил нас с Марченко командарм Шумилов. — Ждет генерал-полковник.

Генералы прибыли проверить готовность и умение 422-й дивизии прорывать глубоко эшелонированную оборону с заводскими постройками, приспособленными под артиллерийские и пулеметные огневые точки, закреплять захваченные рубежи и отражать контратаки противника.

Выслушав мой короткий доклад о противнике, перешедшем к обороне, о состоянии частей, их обеспечении и готовности к выполнению задач командования, генерал Василевский спросил у Шумилова:

— Можно ли надеяться, что 422-я дивизия выполнит задачу командования, если мы усилим ее требуемыми средствами?

— Да, — ответил генерал Шумилов. — Разрешите поставить задачу командиру дивизии?

— Разрешаю, — ответил Василевский.

— Комдив, слушай. Противник силами до полка мотопехоты создал узел сопротивления от поселка Купоросное до шоссе до дороги; имея в тылу батальонный район в кожевенном заводе и других зданиях. Этот узел мешает нашему выходу в Ворошиловский район Сталинграда.

Слева наступает полк 36-й гвардейской дивизии с задачей обеспечения вашего левого фланга до выхода вашей дивизии к кожевенному заводу.

Ваша задача: прорвать оборону немцев на фронте Волга — роща «Квадратная», овладеть поселком Купоросное, включая и кожзавод.

Готовность — в 5 часов, 28 октября. Атака по особому распоряжению.

В 9 часов утра, 28 октября, после 30-минутной артиллерийско-минометной обработки сильно укрепленного узла немецкой обороны и заключительного залпа мино-

метов, советские танки с десантами, за ними пехота стремительной атакой прорвали оборону гитлеровцев и овладели южной частью поселка Купоросное, а через несколько минут, преодолев балку, завязали бой за кожевенный завод.

Разгромив до батальона моторизованной пехоты в балке и южной части поселка Купоросное и развивая наступление вдоль правого берега Волги на север, батальоны старших лейтенантов Антонова и Гужвы атаковали противника с северо-востока от берега Волги на юго-запад, навстречу батальонам капитанов Степана Титаренко и Сергея Боровика.

Тесно взаимодействуя, эти батальоны окружили кожевенный завод, а в нем и в соседних помещениях более батальона мотоциклистов и аэродромной охраны. Через час ожесточенно сопротивляющийся гарнизон был уничтожен. До полутора сот солдат и офицеров попало в плен.

Выполнив боевую задачу, полки майора Василия Фирсова и майора Александра Сорокина, танкисты полковника Малышева и саперы капитана Бориса Тарасенко перешли к обороне.

Гитлеровский генерал Лейзер спешно бросал свои резервы в контратаку с целью возвращения потерянных позиций, но успеха не добился.

В конце октября, отразив все попытки немцев вернуть потерянные рубежи, части дивизии закрепились по южному берегу балки Купоросная. А в начале ноября 422-я дивизия передала занимаемые позиции корпусу генерала Горячева, сосредоточилась в районе Сарепты и Красноармейска и вошла в состав 57-й армии генерала Ф. И. Толбухина.

Не теряя времени, дивизия приступила к боевой и политической подготовке.

ГЕРОЙ-СНАЙПЕР САМАР

Сын нанайского народа Самар еще в детстве занимался охотой на пушного зверя. Долго и упорно он овладевал искусством меткой стрельбы из малокалиберной винтовки. Много было расстреляно патронов по беличь-

им чучелам и живым белкам, чтобы научиться бить их наверняка и только в глаз или ухо. И все это для того, чтобы продукцию сдавать государству без брака.

— Стыдно было,—рассказывал Самар,—когда вместо глаза попадешь белке в спину, а еще хуже, когда оставишь ее без хвоста. Ой, как стыдно! Называли браконьером, насмехались.

И все же Самару удалось достичь такой меткости, что он бил белку в глаз или ухо при прыжке ее с одной ветки на другую. Он был признан настоящим охотником на пушного зверя, и его продукцию принимали по высокой цене.

В дивизию Самар прибыл в период ее формирования из города Комсомольска-на-Амуре с группой комсомольцев, направленных горкомом ВЛКСМ.

Самар плохо знал русский язык, но хорошо его понимал. Он был дисциплинирован. Любил оружие, особенно карабин и пистолет, отлично из них стрелял.

На тактических занятиях Самар виртуозно переползал, перебегал, маскировался, мог «превратиться» в бревно или гнилой пенек, в куст папоротника, отлично преодолевал любую водную преграду. На деревья Самар взбирался с завидной ловкостью.

И вот Самар на фронте, под Сталинградом.

Первое боевое крещение он получил в бою за разъезд «55-й километр» и курган 122,0 в составе боевого охранения лейтенанта Кабанова.

Здесь он проявил упорство, отвагу и большой снайперский талант.

Гитлеровцы надеялись сокрушить стойкость дальневосточников численным превосходством на суше и в воздухе. Но это им не удалось.

Снайпер Самар окопался правее лейтенанта Кабанова. Свой счет он открыл с первого выстрела.

С детской простодушностью он бросал взгляд на своего командира и, глотнув из фляги воды, протягивал ее командиру:

— Выпейте и помяните очередного оккупанта.

За первые сутки боя Самар уничтожил 48 гитлеровцев.

Так молодой посланец нанайского народа стал мстить гитлеровцам за их злодеяния, совершаемые на советской земле.

В один из вечеров после кровопролитного оборонительного боя Самара вызвали на командный пункт и зачитали приказ по дивизии, в котором сообщались результаты его боевой работы, объявлялась благодарность, присваивалось звание сержанта и представлялось право «свободной охоты» за врагом. И тут же командование дивизии наградило Самара именным оружием с оптическим прицелом и монограммой.

При виде этой винтовки у Самара загорелись черные, как угли, глаза. Он улыбнулся, потом быстро выбросил руки вперед и опустился на правое колено. Осторожно, словно ребенка, он принял винтовку и поцеловал ее.

После вручения оружия мы беседовали с сержантом Самаром. Разговор шел о снайперах, которые отличились еще на границах Дальнего Востока, во время боев на озере Хасан, вспоминали, как снайперы брали обязательство за день уничтожить не менее 10, а некоторые истребляли даже по 20 вражеских солдат и офицеров. Снайпер в бою — большая сила.

Самар сначала барабанил пальцами по цевью винтовки, потом вдруг прижал ее к груди. Он обратился ко мне:

— Командир, отпуская скорей. Мы с моим другом Катковым уничтожили столько, сколько ты приказал, а где будут ротозей — убьем больше.

Командир батальона капитан Крючихин через каждые сутки менял район действия снайперов Самара и Каткова. Они появлялись то на Хара-Усунских озерах, то в районе курганов, что в трех километрах юго-восточнее станции Тундутово. Кочевал Самар со своим напарником почти по всему фронту дивизии.

За 20 суток незатихающих боев Самар истребил 190 гитлеровцев, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Потребность в снайперах росла, развивалось снайперское движение. Командование организовало ускоренную подготовку снайперов. Дело это поручили инструктору сверхметкого огня сержанту Самару. Он учил будущих снайперов выбору места расположения, маскировке, быстрым маневрам, перенесению огневой позиции с одного участка на другой, хитрости в борьбе с коварным врагом.

Занимая позицию с группой снайперов на самой южной окраине Хара-Усун, Самар учил их практике наблюдения и стрельбе. Здесь немцы и румыны ходили за водой к озеру. Однажды он приказал наблюдать за подходящей парой гитлеровцев к озеру.

— Правого уничтожаю, когда он будет спускаться к озеру, левого — в живот! — сказал Самар.

Он послал из винтовки СВТ две пули. И точно в цель.

В октябре сержанта Самара приняли в партию, а накануне он был представлен к высшей правительственной награде.

Эти два больших события в жизни сержанта Самара вызвали в нем новый прилив энергии.

— Товарищ комдив, — с азартом говорил Самар. — На правом фланге, у балки Купоросная снайперским огнем надо закрыть дорогу гитлеровцам к Волге за водой, а на левом фланге дивизии немцы просматривают, что делается у нас. Противник, товарищ комдив, видит, что творится во всей Бекетовке и Старой Отраде. Выбить ему глаза — это могут сделать снайперы.

— Вы выдвигаете правильную задачу для снайперов, — сказал я. — Но, товарищ Самар, вам известно, что немцы ищут вас, чтобы уничтожить?

— Э-э, — протянул Самар. — Меня живым взять — руки коротки. Убить тоже не так просто. Мы друг друга крепко защищаем.

Всполошилась вся 29-я моторизованная дивизия генерала Лейзера. Снайперы блокировали все передовые наблюдательные пункты врага, загнали всех в траншеи, не давали немцам у балки Купоросная ходить к Волге за водой. Смерть наступала офицеров-наблюдателей и пулеметчиков.

Самар со своим напарником Катковым стрелял так, что немцы на высоте 145,5 могли передвигаться только по-пластунски. Командование 29-й моторизованной дивизии стянуло на этот участок всех своих лучших снайперов, подготовило батарею шестиствольных минометов, пулеметную группу и приказало уничтожить наших снайперов. За Самаром было установлено специальное наблюдение.

От Орлиного утеса на правом берегу Волги, северо-восточнее авторемонтного завода, до спуска и выхода

из балки Купоросная было 800—1000 метров. Стрелять надо было вдоль крутого берега по противнику, выходящему из балки, или вниз, когда он появлялся у самой Волги.

Около 9 часов утра Самар заметил немца, ползущего по дну ручья, впадающего в Волгу. Самар его не тронул, невыгодно было пугать немца и тем самым открывать себя: бить — так наверняка.

Солнце освещало мушку справа. Немец пристроился на камне и, сидя, кружкой наливал воду в канистру. Самар хорошо видел в оптический прицел ухо и висок врага.

— 800! — доложил Самару Катков. Через пару секунд последовал выстрел, заглушенный взрывом брошенной гранаты.

Оккупант сначала замер, а потом упал в Волгу. Из балки Купоросная выскочили два немца и подбежали к убитому. Раздались еще два выстрела, и на берегу Волги уже лежали три гитлеровца. Одного из них уничтожил боевой друг Самара сержант Катков. До вечера немцы к Волге не подходили.

Перед рассветом Самар и Катков переместились в рощу «Топорную» с задачей сорвать работу наблюдательного пункта гитлеровцев на высоте.

Блестели под восходящим солнцем окуляры стереотруб на немецком наблюдательном пункте. Самар поудобнее уселся на дереве, чтобы лучше разить врага. Надо было отбить у врага охоту вести наблюдение с горы, откуда видно многое.

Амбразура на НП была одна. Из нее немцы наблюдали в бинокли, стереотрубы выдвигались из щелей. Это был передовой наблюдательный пункт 29-й моторизованной фашистской дивизии.

— Вижу амбразуру и стереотрубу, — доложил Катков Самару. — Небольшая балочка от Лысой горы к нам, рядом с балочкой — белое пятно, выше два-три метра — амбразура.

— Вижу, — ответил Самар.

— Бей первым по биноклю в амбразуру, — сказал Катков, — я потом — по стереотрубе. Наблюдаю и веду огонь вторым сейчас же за тобой. После выстрела не двигайся, а наблюдай за моим выстрелом.

— Выстрел! Готов! — крикнул Катков.

— Выстрел! Готов! — сказал Самар.
Вражеский НП ослеп. Приборы были выведены из строя.

Всего 299 гитлеровских солдат и офицеров уничтожил Самар и сам пал смертью храбрых под огнем снайперов и шестиствольной батареи немцев, все же выследивших отважного сына нанайского народа.

Хоронили мы сержанта Самара в сумерках, когда шел холодный октябрьский дождь. Молнии освещали изрешеченные пулями и осколками стволы яблонь и пирамидальных тополей.

Вокруг могилы героя молча стояли коммунисты парторганизации штаба дивизии и снайперы — друзья Самара.

— Твой боевой счет еще не окончен, — говорил сержант Катков у гроба. — Я беру твою винтовку и клянусь перед твоим прахом, что к списку истребленных врагов прибавлю еще не одну сотню гитлеровцев.

— Мы хоронили тебя без салюта, наш друг и товарищ Самар, — сказал снайпер Калинин. — Но мы еще отсалютуем тебе меткими и беспощадными выстрелами по гитлеровским захватчикам.

ЧАС РАСПЛАТЫ НАСТАЛ

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

В тяжелых непрерывных боях изматывалась, перемалывалась живая сила и техника врага. Но через горы трупов, захлебываясь в крови, немцы все же лезли к Сталинграду. Однако все сроки, намеченные гитлеровским командованием для взятия города, провалились.

Сталинград стоял, как утес. Его защищала вся страна. Советские люди ничего не жалели для защиты славного города на Волге. Танковые и авиационные заводы Урала и Сибири посылали на фронт могучую технику, приволжские и алтайские колхозы — продовольствие. Новые боевые соединения прибывали из Поволжья, Забайкалья и Дальнего Востока.

Каждый из нас чувствовал, что вскоре должен наступить решительный перелом в битве за Сталинград, каждый думал о наступлении.

Оживленно работали штабы, политические органы, тылы. Все чаще в войска приезжали представители Центрального Комитета Коммунистической партии, Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, штаба фронта. Они интересовались вопросами пополнения войск людьми, боевой техникой, вопросами снабжения.

В конце октября 1942 года на командном пункте 64-й армии член ЦК партии тов. Мануильский в беседе с командирами дивизий и их заместителями по политчасти сказал, что скоро настанет время, когда наша армия не только разобьет гитлеровцев, но и освободит всю советскую землю от этой нечисти.

С вечера 5 и до утра 6 ноября, а потом и 10 нояб-

ря 1942 года на командном пункте 57-й армии в лесу северо-восточнее Татьянки проходило совещание командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, входивших в состав 57-й и 51-й армий Сталинградского фронта. Совещание проводили представители Ставки Верховного Главнокомандования.

Совещание было посвящено разработке плана наступления советских войск и разгрома врага под Сталинградом. Но в то время даже для нас, командиров соединений, цель совещания оставалась тайной, хотя мы и догадывались, что назревают знаменательные события. Мы докладывали представителям Ставки о действиях и поведении противника, о положении и состоянии наших войск, но никто нам прямо не говорил о предстоящем наступлении.

В ночь с 7 на 8 ноября в домиках командующего 57-й армией генерала Толбухина проводилась военная игра на картах. И здесь генерал ничего не сообщил нам.

Но, взглядываясь в извилистые линии карт, мы мысленно уже представляли себе боевые задачи и пути их выполнения.

На карте генерала мы видели стрелы, обозначающие участки прорыва и направления главных ударов дивизий. У разъезда «55-й километр» красной стрелой был обозначен поворот всей армии с юга на юго-запад, а через колхоз имени Нариманова, высоту 148,0 на Зеты прошла пунктирная линия, что говорило о ближайшей задаче армии.

Дальше на запад мы видели двойной пунктир, проходивший через с. Варваровку, колхоз им. 8 Марта, хутор Верхне-Царицынский. В центре армейской полосы выделялась красивая красная стрела. Своим острым концом она рассекала с. Рокотино и резко поворачивала на север, затем шла по железной дороге на восток, разрезая станции Воропоново, Садовая, снова поворачивала на север через ст. Сталинград-II, и ст. Сталинград-I и выкалась в боевой порядок 62-й армии, точнее в ее левый фланг, где дралась 13-я гвардейская дивизия.

Тройной жирный пунктир проходил через села Цыбенко, Рокотино, Береславка, Старый Рогачик и Новый Рогачик. Юго-западнее Варваровки, там, где был обозначен хутор Верхне-Царицынский, алел красный флажок (тактический знак, обозначающий штаб армии).

Командарм внимательно оглядел всех нас, а затем объявил:

— Товарищи командиры, перерыв!

При этом командарм стукнул карандашом и положил его так, что он закрыл заостренной частью флажок на карте. Полковник Танасчишин заметил это и, давая прикурить командарму, сказал:

— Карандаш вас выдал, товарищ генерал. Мы все догадываемся, что вы скоро из Татьянки переселитесь в Верхне-Царицынский.

— На то вы будущие генералы, чтобы разгадывать замысел старшего начальника. Ну, а раз так, военная игра закончена. Соберите свои карты, записи и сдайте их полковнику Демину. Когда они вам потребуются, возьмете. А теперь, хотя и поздно, предлагаю отметить годовщину Великого Октября. Как, товарищ Субботин? — обратился командарм к члену Военного совета.

Бригадный комиссар ответил:

— Что же, Федор Иванович, все готово, можно начинать.

После товарищеского ужина командарм и член Военного совета не без улыбок говорили нам:

— Мы с вами пока ничего не знаем. Но обязательно до 12 ноября проведите на эту же тему военную игру со своими командирами частей, а они не позже 14 ноября должны провести ее с командирами батальонов и дивизионов.

СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР

Глубокая ночь. В степи поднимается метель. В небе ни звездочки, на земле — ни огонька. Только горят и гаснут белые осветительные ракеты над всей линией фашистской обороны.

Всю эту ночь в батальонах и дивизионах, в отдельных частях дивизии проходили собрания коммунистов и комсомольцев.

Партийный актив дивизии собрался под железнодорожной насыпью, в туннеле, северо-восточнее станции Тундутово.

Снайпер Катков и пулеметчик Чемисов, командир

батареи Георгий Сушицкий и командир батальона Иван Гужва, командир огневого взвода, боевой друг Алеханцева младший лейтенант Чебунин и командир батареи Георгий Гохокидзе, младший лейтенант Кокарев и сержант Петров, старший врач полка Софья Шакирова и командир полка, уже прославленный майор Василий Фирсов, замполит батальона Яков Завадский и молодой командир полка Тихон Крючихин — все мы думали об одном — о завтрашнем наступлении.

Член Военного совета армии бригадный комиссар Никита Субботин говорил коммунистам дивизии о начале наступления, которое назначено на 20 ноября, о нашей роли на главном направлении этого наступления, о задачах быстрейшего окружения, а потом и разгрома всей немецко-фашистской группировки под Сталинградом. У всех — строгие, серьезные лица. Тревожно бьются сердца. Завтра — наступление! Дюньской и Юго-Западный фронты уже громят врага!

...422-я дивизия заняла исходное положение для наступления на старых, знакомых ей рубежах, только теперь на узком участке фронта, западнее хуторов Червлёный, Хара-Усун, в 6 км южнее станции Тундутово и до западных скатов высоты 118,3. Общая протяженность исходного положения 4 километра.

На правом фланге дивизии в боевом порядке расположился полк подполковника Ивана Сухова. Полк майора Василия Фирсова — на левом фланге. И за левым заходящим флангом, во втором эшелоне — полк майора Тихона Крючихина.

Танки и артиллерия сопровождения с десантами находились на исходных позициях уступом назад за пехотой полков Сухова и Фирсова. Впереди работали саперы, разминировали минные поля противника.

На участке прорыва полка Ивана Сухова действовала группа саперов под командованием Николая Красюкова. Под каждой кочкой, в камышах, занесенных снегом, лежали мины. В каждой мине таилась смерть. Но Красюков со своими товарищами упорно выполнял поставленную перед ними задачу.

Близился час наступления. Перед нами стоял полк румынской королевской дивизии генерала Димитриу, а в районе хуторов Блинные, Кашары, разъезда «55-й километр» и села Зеты расположилась немецкая 29-я

Гвардии майор С. И. Титаренко,
командир 233-го гвардейского стрелкового полка

моторизованная дивизия отборных гитлеровских бандитов.

20 ноября 1942 года в 8.00 раздался залп всех батарей нашей дивизии. Он слился с грохотом орудий Сталинградского фронта.

В течение первых десяти минут с наблюдательного

пункта еще можно было видеть, как заснеженная степь на огромном пространстве извергала клубы черного дыма, как взлетали в воздух шпалы, рельсы немецко-румынских блиндажей и землянок. Потом все потонуло в густом черном дыму.

После артиллерийской подготовки и мощного залпа «катюш» устремились вперед танки, за ними — воины дивизии.

Шел снег, бил в лица встречный морозный ветер, но ничто не могло остановить наступательного порыва солдат. Первые две позиции были прорваны за 30 минут, а через час рукопашным ударом была преодолена вся сильно укрепленная оборона противника пятикилометровой глубины. Первыми достигли разъезда смежных фланги заходящих батальонов полков Фирсова и Крючихина. Здесь встретились, как и тогда, в августовских оборонительных боях, боевые друзья — комбат Иван Гужва и комполка Василий Фирсов. Они крепко обнялись, расцеловались и вместе со всеми солдатами почтили память павших в боях воинов, склонили головы над могилой героя-комсомольца, лейтенанта Алексея Кабанова.

Батальон капитана Гужвы, развивая успех, повернул с юга на запад, пересек железную дорогу и завязал бой за Кашары.

Гужва доносил: «Разгромил до двух рот румын, пленные в тыл следуют самостоятельно, потери: 2 тяжело раненых и 5 легко. Легкораненые остались в строю».

Командир полка Фирсов докладывал: «Ближайшую задачу выполнил. Веду бой за высоту 148.0 и хутор Блитников. Разгромил до двух батальонов королевских румын и роту капитана Шульцера из 29-й мотодивизии немцев. Пленный офицер показал, что за 40 минут боя в роте из 98 солдат осталось не больше 30. «Когда ваши солдаты ворвались в траншеи, — рассказывал он — большинство солдат подняли руки вверх и сдались в плен. А если германский солдат начал сдаваться в плен, значит войну мы проиграли».

К исходу дня 20 ноября полк Ивана Сухова занял колхоз им. Нариманова, западный берег Ивановского озера и оседлал дорогу Верхне-Царицынский — Ивановка.

Полк майора Фирсова вышел на рубеж севернее высоты 148.0. Полк майора Крючихина овладел этой

высотой и вышел на дорогу Верхне-Царицынский — колхоз им. Нариманова, отражая сильные контратаки мотопехоты противника с направления колхоза имени 8 Марта. Полки Фирсова и Крючихина за день боя разгромили до полка пехоты, сожгли 10 танков и продвинулись вперед на 12—15 километров.

Опомнившись от первого удара, немцы и румыны попытались вернуть потерянные позиции, предприняли яростные контратаки по всей полосе дивизии и даже потеснили полк Ивана Суханова, заняв колхоз им. Нариманова.

Но остановить мощного наступления наших войск они уже не могли. Даже не удалось им отогреться в колхозе. Батальон капитана Ивана Иванова ночью окружил до полутора рот моторизованной пехоты противника и, разгромив их, прочно овладел районом колхоза.

На рассвете 21 ноября залпы «катюш» дали сигнал атаки нашим танкам и пехоте. Полк майора Крючихина штурмом овладел колхозом им. 8 Марта и селом Варваровка, захватив 52 танка с их экипажами на заправочном пункте. Успешно продолжали наступление полки Ивана Сухова и Василия Фирсова. Отступающие немцы и румыны несли тяжелые потери.

К вечеру 22 ноября, встретив яростное сопротивление противника, со стороны правого берега реки Червленная в районе сел Цыбенко, Рокотино, хутора Кравцова, части дивизии вели тяжелые бои с гитлеровцами, переходящими в контратаки.

...Командир 29-й моторизованной дивизии немцев генерал Лейзер, потеряв 52 исправных танка с экипажами, хотел любой ценой их отбить. Для этого он решил силами всей дивизии вбить клин в направлении Варваровки, между 38-й дивизией и нашей 422-й дивизией. Но Лейзер опоздал.

Через боевые порядки нашей дивизии и во взаимодействии с нашими полками двинул свои бригады на хутор Советский механизированный корпус — подвижной резерв 57-й армии генерала Толбухина. Уступом вправо шли бригады корпуса, возглавляемые 30-летним комиссаром, подполковником Гавриилом Марченко. Клин 29-й моторизованной дивизии был смят. Немногим немцам и румынам 20-й королевской пехотной дивизии генерала Димитриу удалось уйти и укрыться за мощной

обороной по реке Червленной, на рубеже Цыбенко — скотобойня — Рокотино — Береславка и Старый Рогачик.

Сильным и хорошо организованным огнем, непрерывными контратаками противнику удалось остановить наше продвижение, а также продвижение наших соседей справа — 38-й дивизии полковника Сафиулина и слева — гвардейцев генерала Василенко.

Пропустив бригады 13-го механизированного корпуса и обеспечив его продвижение на запад, мы застряли у 5-метрового берега реки Червленная.

Но наступление советских войск продолжалось. 23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе Калач — Советский, окружив плотным кольцом 22 дивизии противника.

«Гитлеровцам приходит конец!» — говорили солдаты. Об этом они писали своим родным и близким.

...Возобновив 23 ноября наступление, части дивизий 57-й армии охватили немецко-фашистскую группировку с юго-запада на фронте: 422-я Дальневосточная — южнее и юго-западнее сел Цыбенко, Рокотино; гвардейская дивизия генерала Василенко — юго-западнее и западнее Береславки и Старого Рогачика по юго-западному берегу реки Червленная. С неистовой злобой немцы контратаковали дивизии командарма Федора Ивановича Толбухина и удерживали свой рубеж ценой огромных потерь, ожидая помощь с юго-запада — от Тормосино и с юга — от Котельниково.

В ТЫЛУ ВРАГА

Стояла темная ночь. Дул юго-восточный ветер, нес острые крупинки снега, больно хлестал ими по лицу, слепил глаза. Он то подгонял разведчиков в спину, то, свистя и завывая, сдерживал их шаги, тут же заметая следы.

Отряд Федора Кабанова незаметно пробирался в тыл врага с задачей — разведать оборону противника и огневую систему по железной дороге от станции Басаргино до станции Воропоново. На обратном пути разведчики должны были захватить «языка».

В белых маскировочных халатах воины бесшумно

Генерал-лейтенант Ф. И. Толбухин, командующий 57-й армией

продвигались вперед. Первые сторожевые посты противника по песчаному карьере они обошли благополучно.

В небольшом четырехквартирном кирпичном доме на станции Басаргино располагались немецкие и румынские офицеры. Они безмятежно выпивали и пели песни.

Кабанов сказал своим товарищам:

— Не трогать. Пусть пьют и веселятся. На обратном пути мы их застигнем, как спящих кур в курятнике. Это будут хорошие «языки».

Сержант Федор Кабанов, коренастый и крепкий, как дуб, вел свой отряд хладнокровно и уверенно, словно по знакомым таежным сопкам и падам.

У дома стоял часовой и пускал ракеты, которые освещали двери и окна. В сторону часового, ругаясь, пускал ракеты подвыпивший румынский офицер. Они падали на снег и, шипя, медленно затухали.

Разведчики залегли и терпеливо наблюдали за сценкой, разыгравшейся между часовым и офицером румынского войска. Нападение пока исключалось. Необходимо было еще разведать, что делается в районе Воропоново.

На обратном пути разведчики тихо подползли к дому. Двое часовых, оглушенные, остались лежать на снегу. Вышедший из дому третий часовой был захвачен врасплох и, коверкая русские слова, сообщил, что у самого дома стоят пушки и пулеметы. Их расчеты поочередно обогреваются в землянках.

Кабанов решил сначала напасть на землянки и окопы пулеметных и орудийных расчетов, а затем разделаться с офицерами. Четыре вражеских пулемета тем временем начали обстреливать поле, пушки дали по одному выстрелу. Но разведчики уже стремительно ворвались в землянки румынских артиллеристов. Схватка была короткой. Уйти не удалось никому.

Офицеры, находившиеся в доме, вдруг услышали треск пулеметных очередей и выстрелы орудий. Трезвея; они заметались по комнатам, натываясь друг на друга. Но было уже поздно. В дом ворвались русские разведчики. Под столами, под кроватями и за шкафами прятались, отстреливаясь, гитлеровцы и их румынские холопы. Но их всюду находили меткие пули советских воинов. Сам Кабанов орудовал пистолетом и финкой.

...Немецкий офицер Ганс Пупке пробрался на чердак и там забаррикадировался. Но вскоре на чердак полетели гранаты. Рухнули трубы, а вместе с ними — и надежды капитана Пупке на скорую встречу со своей Шарлоттой в Бреслау.

Все было кончено. У пулеметов и пушек, в доме и землянках, у сгоревших складов валялось около трехсот мертвых гитлеровцев.

...В степи, между Волгой и Доном, бушевала метель. Разведчики, блестяще выполнив боевую задачу, возвращались к своим. С ними следовали два «языка» — гитлеровский офицер — капитан и его румынский «друг».

Гитлеровец сообщил, что он знает три хорошо подготовленных оборонительных рубежа.

Первый из них проходит по северо-восточному (правому) берегу реки Червленная и далее в глубину до высот, что севернее хутора Елхи и Попова, через высоту 78,6, песчаный карьер и юго-западную окраину Старого Рогачика.

Второй рубеж проходит по северному берегу балки, что южнее железной дороги Сталинград—Калач, и по северному скату насыпи дороги.

И третий, как его называют немцы, «непреодолимый» рубеж проходит по кольцу железной дороги Гумрак—Воропоново, Песчанка—Старый крепостной вал и далее через высоту 146,0, южную окраину Купоросного до Волги.

Резервы генерала фон Паулюса сосредоточены в районе питомника. Они готовятся для нанесения контрударов в направлениях: Калач и на юг—через Варваровку и Гавриловку, навстречу войскам, посланным на выручку окруженной группировки.

Войска генерала Паулюса надеются на помощь Гитлера.

ПЯТЬ ХРАБРЫХ СЕРДЕЦ

Гитлеровцы, цепляясь за каждую пядь земли, ждали группу «Дон» фельдмаршала Манштейна и Гота, наступавшую с юга и юго-запада. Наши воины продолжали сужать кольцо окружения, дрались мужественно.

Рано утром командир батальона капитан Тарасов вызвал к себе коммуниста Петра Подколожина. В беседе с ним капитан как бы вскользь сказал:

— Нужно было бы узнать, как себя чувствует противник в траншеях и дзотах, насколько он бдителен и стоек в обороне, особенно ночью.

— Узнаем, товарищ капитан,—сказал Подколожин.— И землянку вам отвоюем. А то живете в снежной хате, соломы на подстилку нет.

Петр Подколезин подобрал себе храбрых комсомольцев: Ивана Сагайдачного, Филиппа Горелова, Василия Мажарова и Фургатина Гализова. Несколько раз с наступлением темноты они «отрепетировали» продвижение по-пластунски, отработали технику броска по сигналу, который будет дан после захвата траншеи.

...Долго ползла пятерка воинов, с трудом преодолевая заснеженную сталинградскую степь. До вражеской траншеи было 200 метров. Снег проникал в рукава, за голенища валенок и даже за воротники.

Иногда Петр Подколезин подавал сигнал: «Остановитесь, отдохните». А потом пятеро смельчаков ползли снова, внимательно всматриваясь вдаль. Вокруг царила зловещая тишина.

Но вот Подколезин махнул рукой дважды вправо и другой дважды влево, что означало: одной двойке ползти правее, другой — левее его.

Комсомольцы у самой цели. Траншеи под снегом почти не видно. Пахнет горелым серым полынком, из трубы, прикрытой солдатской каской, вылетают искры. Топят... Медлить нельзя.

Стремительным броском, по примеру командира Петра Подколезина, комсомольцы без единого выстрела оказались в траншее, и Иван Сагайдачный бросил в землянку гранату, а потом дал длинную очередь из автомата. Раздались крик и стоны, потом все затихло.

Пустив в ход «карманную артиллерию», комсомольцы продвигались от землянки в сторону флангов по траншее, действуя огнем и прикладами автоматов. Гитлеровцы не могли сообразить, что случилось с их командиром в его собственной землянке и сколько в траншее ворвалось советских воинов. Они бежали по траншее в сторону, но их нагоняли гранаты и меткие очереди автоматов.

Мало кому удалось убежать в степь, к своим. Раз пять враги бросались в контратаку, чтобы уничтожить горстку героев-комсомольцев и вернуть траншею с двумя теплыми землянками, но каждый раз откатывались назад, оставляя на снегу десятки раненых и убитых. А когда к Петру Подколезину подошло подкрепление, он, отразив очередную контратаку немцев, чуть было не ворвался на их плечах во вторую траншею. Но его нагнал Гализов, ранее посланный с докладом к комбату.

— Стой! Стой! — закричал он. — Тебя комбат зовет. Он уже в землянке!

Рано утром, когда чуть заметно дымили трубы уцелевших хат в освобожденных селах Гавриловке, Варваровке и колхозе им. Нариманова, коммунист Петр Подколотин, приказав своим товарищам отдыхать, пошел к комбату.

— Благодаря тщательной подготовке, товарищ капитан, продуманному подбору людей, получилось так, как хотели, — сказал Подколотин. — И без жертв.

— Вы все заслуживаете высокой награды. — Капитан Тарасов расцеловал Подколотина.

Потом в раздумье сказал:

— Вчера наступил Новый, 1943 год, а мы с тобой об этом забыли. Вот праздничный номер дивизионной газеты. Мне нравится напечатанное в ней стихотворение группы бойцов. Послушай-ка!

Воин наш отважно бьется,
Гонит немцев там и тут.
Скоро Геббельсу придется
Заявить: «Теперь капут!»
Смерть захватчикам немецким.
Немца-гада крепче бей!
Нет сильнее Страны Советской
И ее богатырей.

Вот и ты, Петр, и твои воины — богатыри. А теперь иди, отдыхай. Да смотри, не проспи!

КОЛЬЦО СУЖАЕТСЯ

Все попытки группы «Дон» фельдмаршала Манштейна и генерала Гота пробиться на помощь окруженной группировке генерала фон Паулюса потерпели крах.

Первый удар наскоро сформированной группы «Дон» разбился о мужество и стойкость советских воинов.

По занесенным снегом дорогам, в пургу и метель остатки разбитых войск Манштейна и Гота отступали на юг и юго-запад, на Сальск и Ростов.

Не успевали согреться, переобуться господа офицеры и остатки разгромленных войск Манштейна, как на них с новой силой обрушивались танковые механизированные части. Они громили и гнали гитлеровские пол-

Гвардии сержант Н. П. Красюков, командир саперного отделения

чища все дальше и дальше от Сталинграда, не позволяя им прорваться и выручить окруженные 6-ю полевую и 4-ю танковую армии немцев.

8 января 1943 года генерал фон Паулюс отклонил первое предложение советского командования о безоговорочной капитуляции.

И в тот же день в хуторе Верхне-Царицынском, на

заседании Военного совета 57-й армии, командующий армией генерал Федор Иванович Толбухин объявил свое решение и поставил задачи своим дивизиям, в том числе и нашей.

422-я Дальневосточная дивизия с частями усиления должна была прорвать оборону противника на фронте Цыбенко—Рокотино, овладеть рубежом высота 78,6—песчаный карьер, затем во взаимодействии с дивизией полковника Сафиулина и гвардейцами генерала Василенко овладеть железной дорогой Сталинград—Калач, между станциями Басаргино и Карповка и, повернув фронт на восток, наступать вдоль железной дороги на станцию Воропоново. Готовность в 24.00 9 января 1943 года.

Утром 10 января, после мощной артиллерийской подготовки полки дивизии перешли в атаку и начали штурм немецких позиций. Прорвать укрепленную оборону противника по северо-восточному берегу реки Червленная в этот день не удалось. В ночь на 11 января полк подполковника Сухова прорвал оборону северо-восточнее села Цыбенко и ворвался в него с тыла, а полк майора Фирсова в эту же ночь прорвал оборону противника и занял Рокотино.

Всю ночь происходили рукопашные схватки с остатками 371-й пехотной и 29-й моторизованной дивизий немцев.

Выбитые из сел Рокотино и Цыбенко, гитлеровцы начали отход на хутор Кравцов, скотобойню, а другие бросились в степь, по направлению к станции Басаргино, через песчаный карьер.

ВОТ ЭТО БОГАТЫРИ!

Крепчали январские морозы. Но они были не страшны воинам-дальневосточникам, сибирякам и волгарям. В добротном зимнем обмундировании они располагались в домиках из снега и очень хорошо себя чувствовали у раскаленных печурок, изготовленных рабочими Кировского района г. Сталинграда.

— Желаю успеха в атаке! — сказал пулеметчик Афанасий Еськов.

— Спасибо, а ты коси своей машинкой фашистскую нечисть,— ответил ему Алексей Чебунин.

Так расстались перед штурмом укрепленной обороны врага старший сержант Еськов с младшим лейтенантом Чебуниным. Вместе они работали до войны в Комсомольске-на-Амуре, вместе ехали защищать Родину на фронт, в один день и час вступили в бой.

С высоты был далеко виден простор степи, покрытой снегом. Вдали шли в атаку на врага подразделения майора Тихона Крючихина, и одно из них сопровождали пушки командира взвода Алексея Чебунина. Добытые в бою мощные тракторы тащили пушки, переваливаясь по ухабистой дороге и ее обочинам, в постоянной готовности повернуться налево, на 180 градусов, и отразить любую контратаку танков противника.

Целый день в степи гремела канонада. Не умолкала она и ночью. На следующее утро, когда наши воины прорвали оборону, бои разгорелись с еще большей ожесточенностью. Генерал Лейзер гнал в контратаку голодных оборванных танкистов.

— Танки слева! — громко командовал младший лейтенант Алексей Чебунин. Махнув флажком для поворота взвода налево, он продолжал:

— Первому орудью по головному, второму — по левому — броневой огонь! Огонь! Горят... Еще, ребята. Огонь! Ползут назад, огонь! Не дать им уйти, огонь! Трактора к орудиям! А то пехота уйдет!

Не умолкал гром орудий и гул самолетов, все сильнее разгорался бой. Враг яростно сопротивлялся, но под ударами дальневосточников отходил к станции Басаргино и Воропоново.

По удаляющимся вспышкам немецких ракет Афанасий Еськов видел, как отступает враг, как стремительно продвигаются воины полка майора Тихона Крючихина, обходят песчаный карьер с северо-запада. Он радовался успешному отражению контратаки танков артиллеристами взвода Алексея Чебунина.

В степи завывала метель, тучи низко висели над полем, занесенным глубоким снегом.

— Контратака! — услышал Еськов сквозь завывающий ветер голос лейтенанта Владимира Морозова.

Рота немецко-фашистской пехоты, прижав автоматы к животам, шла в контратаку на образовавшийся раз-

рыв между флангами наших подразделений. Немецко-фашистских солдат и офицеров было плохо видно сквозь густо валивший снег. В 200—300 метрах мелькали человеческие силуэты.

— Хох! Хох!— во все горло орали гитлеровцы. У самого уха Еськина наводчик вскрикнул и уперся лбом в рукоятки пулемета— он был тяжело ранен. Еськов лег за пулемет.

— Кровь за кровь!— гневно крикнул Еськов и дал короткую очередь. Пулемет работал безотказно.

Немецкая рота шла в контратаку, полагая, что она выходит во фланг и тыл нашему подразделению незамеченной. Но на флангах, на стыке подразделений находился расчет Афанасия Еськова. Немцы сначала быстро шли, потом побежали во весь рост. Пулеметчики кусали губы, а Еськов все не открывал огня. «Пусть поближе подбегут, и тогда мы им покажем»,— цедил он сквозь зубы.

Когда немецкая рота выдохлась и до густой, сломавшейся их цепи осталось 100—150 метров, старший сержант Еськов тихо, не отчетливо приказал второму номеру поддерживать ленту:

— Сейчас я протяну пулеметную песню с одного фланга до другого, потом обратно до конца ленты. Подложи себе коробку с очередной лентой под грудь, пусть греется.

Сокрушающий ливень пуль полоснул по цепи гитлеровцев.

— Давай вторую ленту, подносчик! Грей третью, пригодится!— стреляя, кричал Еськов.— Так, так, за твою кровь, за кровь твоих товарищей, друг мой наводчик. Потерпи, брат, дай разделаться со всеми. Еще немного осталось...

В течение 5—6 минут почти без остановки работал пулемет Еськова. Тысячи метких пуль несли смерть врагу, около ста гитлеровцев были уничтожены, остатки роты сдались в плен подоспевшему взводу Владимира Морозова.

...Вечером этого же дня Алексей Чебунин читал в дивизионной газете заметку о своем подвиге и подвиге его друга старшего сержанта Афанасия Еськова под заголовком «Вот это богатыри!».

Гитлеровцы пытались укрыться в песчаном карьере,

но их настигли воины полка Сухова и заставили изменить маршрут бегства—прямо на полк майора Крючихина, который вышел им почти навстречу. К рассвету с ними было покончено. 1500 фашистов остались лежать в приволжской степи, 300 солдат и офицеров сдались в плен, 20 пулеметов и 12 противотанковых орудий в полной исправности были захвачены, и их огонь был направлен вдогонку бегущим.

На следующий день полки 422-й дивизии овладели станцией Басаргино, аэродромом и успешно развивали наступление в направлениях: село Песчанка, курган с отметкой 8,0 и станция Воропоново.

На рубеже с. Песчанка—станция Воропоново и с. Алексеевка противник сильным огнем и контратаками остановил продвижение не только полков нашей дивизии, но и всех остальных дивизий армии генерала Толбухина. Завязались ожесточенные оборонительные бои.

16 января 1943 года командарм Толбухин собрал нас, своих комдивов, на кургане с отметкой 8,0 и, уточняя полосы наступления, ближайшие и последующие задачи дивизий, как бы невзначай спросил:

— Скажите, товарищи командиры дивизий, чем знаменит этот курган?

— Как чем?—сразу вызвался отвечать командир дивизии полковник Сифиулин.—С него, товарищ генерал, отличный обзор во все стороны, на все 360 градусов и на очень большое расстояние.

— Нет,—перебил его генерал Василенко.—Этот курган знаменит тем, что мы решаем на нем задачу прорыва самой сильной и последней оборонительной полосы противника, отсюда мы раньше всех ворвемся в Сталинград и явимся с «визитом» к генерал-полковнику Паулюсу.

— Все это верно,—улыбаясь, сказал Толбухин, пожимая руку генералу Василенко.—Но я думал несколько о другом. Курган этот знаменит тем, что на нем в годы обороны Царицына бывали Сталин, Ворошилов, Буденный. Отсюда они руководили победными боями, вели красных бойцов на разгром Краснова и прочих белогвардейских генералов.

Гитлеровские генералы превратили железнодорожный обходный путь от станции Гумрак до станции Воропоново, а также села Алексеевку и Песчанку, старый

крепостной вал и все высоты до Купоросного и реки Волги в сильно укрепленную оборонительную полосу с сотнями орудий прямой наводки и тысячами пулеметов.

На всем протяжении этой полосы они создали крепости: на правом — Гумрак, в центре — Воропоново и на левом фланге — Купоросное, посадив сюда головорезов из разбитых авиационных, авиатехнических и танковых войск и остатки 20-й румынской и 371-й немецкой дивизий.

За ночь до начала штурма станции Воропоново отряд комсомольцев-добровольцев во главе со старшим лейтенантом Иваном Качановым после десятиминутного артиллерийского налета прорвал оборону северо-западнее села Песчанки и двинулся в тыл врага. Всю ночь саперы отряда подрывали землянки, каменные дома, оборудованные под огневые точки, и немецкие паровозы, выкуривая из них немцев дымовыми гранатами и шашками, выгоняя гитлеровцев на мороз, в поле, сея в их рядах панику и страх. Атаковав Ельшанский кирпичный завод, комсомольцы уничтожили более роты немцев и румын.

Продвигаясь вперед, бойцы Качанова установили, что в железнодорожном виадуке южнее Дар-горы расположилось до батальона противника. Отряд напал на гитлеровцев, после короткой схватки истребил около 300 фашистов и сбросил в ельшанскую балку 5 автомашин с боеприпасами.

Отряд рязанских комсомольцев, возглавляемый Иваном Качановым, проник на Дар-гору. Отважные воины передали по радио: «Подготовились к штурму пяти домиков, где засели офицеры штаба 20-й румынской дивизии. Дайте огоньку».

Артиллеристы полка майора Евсеева давно ожидали этот сигнал. Десять минут рвались снаряды вокруг пяти домиков.

Когда утих артогонь, еще долго нельзя было разглядеть в стереотрубу эти домики. Перед глазами стояла стена бурой пыли, смешанной со снегом. Она медленно оседала. Потом замелькали люди, это были наши бесстрашные комсомольцы из отряда 23-летнего командира Ивана Качанова. Через несколько минут на домиках заалели флажки. Из подвалов выползли враги.

Пленных солдат было много — целая колонна. Сдался в плен и румынский генерал Димитриу со своим штабом. Через личного переводчика генерал Димитриу спросил, кто его пленил. Переводчик показал на старшего лейтенанта Ивана Качанова. Димитриу отдал честь советскому офицеру и сказал:

— Я доволен, что мне, старому королевскому генералу, дал «пощечину» молодой советский офицер.

...Наступила ночь 25 января. К этому времени полки Сухова и Фирсова разгромили 20-ю пехотную румынскую дивизию, взяли в плен 2300 солдат и офицеров, захватили 30 исправных орудий со снарядами, 160 автомашин и арттягачей, а также более трех тысяч раненых в землянках на станции Садовой.

Полк майора Крючихина окружил до батальона пехоты, располагавшейся в подвалах домов и в даргорской церкви. Часть войск противника сложила оружие, остальные сопротивлялись с яростью обреченных.

Шли упорные бои за железнодорожное депо, хлебозавод, вокзал Сталинград-II, церковь на Дар-горе. На этих объектах засели офицеры разбитых 29-й, 14-й и 371-й немецких дивизий, оставшиеся без войск, а также офицеры госпиталя, размещавшегося в железнодорожных домах и клубе. На помощь им Паулюс подбрасывал подразделения армейского полка связи и части 376-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта фон Даниэльса.

О НЕМ ХОДИЛИ ЛЕГЕНДЫ

Евгений Герцев до войны был артистом-профессионалом города Владивостока.

Когда он прибыл в нашу Дальневосточную дивизию, мы сказали, что этот юноша не для войны и не для ратных подвигов. И мы ошиблись.

Офицер запаса, комсомолец Герцев оказался отважным и бесстрашным в схватках с гитлеровцами.

Он поражал нас необыкновенной храбростью и умением переносить все тяготы войны. На его красиво скроенном теле не было живого места, оно было в шрамах и швах.

Дважды домой приходило извещение о его гибели,

а он всем чертям наперекор выживал. Дважды врачи комиссовали что ни на есть «подчистую». А он вновь и вновь возвращался в строй и другого места в дивизии не признавал.

И каждый раз в бою он увлекал своих гвардейцев личным примером и презрением к страху.

В битве под Сталинградом, при уничтожении окруженного противника под Цибенко, рота лейтенанта Герцева была остановлена пулеметно-минометным огнем с 25—30-метрового обрывистого берега реки Червленая.

Гитлеровцы свирепели от каждой атаки дальневосточников, сибиряков и волгарей и не пускали их вперед.

Герцев преодолел реку по льду и вместе со своим ординарцем и автоматчиком ударом «карманной артиллерии», гранатами уничтожил пулеметный дзот, орудие прямой наводки, и быстрым броском по двум промоинам в берегу рота прорвала оборону врага, уничтожила до двух взводов гитлеровской пехоты, захватила еще два орудия и овладела юго-западной частью с. Цибенко.

Первый орден Красного Знамени украсил грудь героя.

После боя, в период затишья и оборонительных работ, он мог передвигаться от одного подразделения к другому и давать целые концерты. Он умел захватывающе читать монологи, декламировать лирику Константина Симонова, воссоздавать образ рядового Теркина.

Слушая эти концерты в землянках и траншеях, солдаты забывали об усталости и готовы были ринуться в бой за своим любимым командиром. Они гордились его героическими подвигами, наградами, скромностью и простотой.

Боевые действия наших войск развивались стремительно. Немецко-фашистских оккупантов гнали и били, прижимая их к железнодорожному кольцевому обводу от станции Воропоново (ныне им. Горького) до станции Гумрак и приближаясь к авиационной базе северо-западнее Воропоново, которую немцы называли сердцем сталинградского «котла».

Зима то извергала снег огромными хлопьями в тихую погоду, то выла как зверь, загнанный в берлогу, несла поземку в глаза нашим солдатам и задерживала их передвижение вперед.

Вот в такую погоду лейтенант Герцев получил приказ

освободить наших офицеров и сержантов, летчиков и танкистов, находящихся в лагере смерти фашистов в районе Алексеевки и Питомника, что севернее станции Воропоново.

Через плотную оборону врага, казалось, непреодолимую, Герцев ночью провел свою роту и овладел этим страшным лагерем, находящимся в тылу врага. И тут бесстрашный ротный командир принимает быстрое решение. Уничтожив гитлеровскую охрану, он поспешил вынести полумертвых товарищей из лагеря, обнесенного трехрядной колючей проволокой, оборудованного колодецепоподобными погребями, доверху набитыми трупами и полуживыми людьми.

Больше всего мы поражались необыкновенному величию духа этого на вид невероятно хрупкого молодого человека.

Подобно легенде из уст в уста передавались различные, казалось, невероятные рассказы о делах из его фронтовой биографии.

Герцев с группой своих гвардейцев в 12 человек из засады уничтожил роту немцев на марше, захватил трех пленных, в том числе одного офицера — командира разбитой роты. Спас более сотни молодых украинских девушек, которых гитлеровские вояки заставляли рыть для них траншеи и землянки для жилья.

Не пересчитать всех боевых подвигов гвардии капитана Евгения Герцева.

Он награжден орденами: Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, Александра Невского и Богдана Хмельницкого и восемью медалями.

Старшие начальники уже в 1944 году пытались перевести Герцева на учебный батальон дивизии, но капитан отказался и вернулся в свой гвардейский батальон.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Фашистская оборона на юго-западной окраине Сталинграда рушилась под ударами нашей артиллерии, авиации, танков и пехоты.

Днем и ночью немцев бомбили советские самолеты. Завидя их, наши солдаты выскакивали из траншей и

окопчиков, бросали в воздух ушанки и кричали «ура», как будто и впрямь их могли услышать летчики.

Фашистские же солдаты и офицеры, завидя советские штурмовики, даже находясь в плену и лежа рядом с нашими воинами, в ужасе кричали: «Черная смерть! Черная смерть! Гитлер капут!».

Бои вспыхивали у каждой траншеи, воронки, балки, дома. Немцы цеплялись за каждый метр земли, но полки 422-й дивизии и их соседи не давали врагу ни минуты передышки.

Славный снайпер Катков ворвался в траншею противника и завязал бой со взводом немецкой пехоты, которая перешла в контратаку. Катков схватил брошенный гитлеровцами пулемет и дал три длинных очереди. Убитых он не считал. Оставшиеся в живых гитлеровцы подняли руки.

Эсэсовцы свирепо защищались. Они держались до последнего. Несколько офицеров и немецких авиаспециалистов были отрезаны нашими воинами и пробивались к своим. Они атаковали пулеметчика Чемисова, который остался у пулемета один.

Чемисов в упор расстреливал атаковавших. Уже кипела вода в кожухе, пулемет давал перебои. Шальная пуля тяжело ранила пулеметчика, подбежавшие товарищи нашли его в бессознательном состоянии. Но немцы не прорвались.

Дни гитлеровцев в Сталинграде были сочтены. Войска Паулюса переживали агонию. Наша разведка искала место нахождения Паулюса. Были получены данные о том, что он и весь его штаб находятся в подвале центрального универсама.

В ночь с 25 на 26 января наши войска овладели южной, юго-западной и западной частями Ворошиловского района г. Сталинграда. 26 января вражеская группировка была рассечена на две изолированные группы — северную и южную.

Продолжая очищать город от немецко-фашистских захватчиков, армия генерала Толбухина доколачивала южную группу немцев. Воины 422-й Дальневосточной дивизии продвигались вперед. Полк подполковника Ивана Сухова — по развалинам, от улицы Козловской до железной дороги; полк майора Фирсова оседлал железную дорогу и наступал по улицам Клинской и Вокзальной;

полк майора Тихона Крючихина двигался западнее, уступом за полком Фирсова, по улицам Клубной, Кронштадтской и Кузнецкой. Полки вели ожесточенные бои за каждый дом, если можно считать домами-сгоревшие, разрушенные коробки. Гитлеровцы встречали наступающих шквальным огнем пулеметов, автоматов и орудий прямой наводки.

Бои шли и ночью, под покровом темноты наши воины ловко расправлялись с фашистами.

Депо, вокзал Сталинград-II, клуб, водонапорная башня, церковь и прилегающие к ним здания переходили уже раз десять из рук в руки. Паулюс бросал в бой последние войска южной группы, омывая кровью своих солдат полученную от Гитлера награду,—рыцарский крест.

После некоторого затишья в ночь на 26 января воины нашей дивизии пошли на штурм железнодорожных домов и клуба возле станции Сталинград-II, где засело более трех тысяч немецких офицеров.

Мужество и героизм наших воинов решили исход дела. Особую находчивость и отвагу проявили солдаты батальонов капитанов Филиппова, Ивана Соколенко, старших лейтенантов Андрея Антонова и Ивана Качанова. Гитлеровские офицеры были истреблены. Воины помнили крылатую фразу Максима Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают».

К вечеру 27 января наши войска очистили Ворошиловский район города Сталинграда от гитлеровцев и с тяжелыми боями вышли на южный берег реки Царицы.

Пятнадцатилетний Витя Григорьев чудом вырвался из горящего города и попал в нашу дивизию.

Вскоре он стал любимцем воинов-дальневосточников и храбрым разведчиком. Переодевшись, он проникал по заданию командования в тыл противника, в погребца и подвалы, где жили советские люди, рассказывал им о скорой победе над врагом. И вел разведку.

И вот пришло время, когда закаленный в оборонительных боях и разведках Витя Григорьев вместе со своими боевыми друзьями пошел в наступление. Он дрался с гитлеровцами у разъезда «55-й километр» и хутора Блинникова, у колхоза имени 8 Марта и Рокотино, у хутора Кривцова и песчаного карьера, у станций Басаргино, Воропоново и Садовая и вместе со своим

командиром Алексеем Новиковым одним из первых ворвался в родной город Сталинград, на свою улицу, к своему дому, от которого остался только битый кирпич да черный пепел.

Радостно возбужденный, Виктор воскликнул:

— Вот мой дом! Я его сам освободил!

И вдруг он лицом к лицу встретился с фашистом, который притаился у края бомбовой воронки.

Виктор упал на землю, над его головой просвистела пуля. Выстрелив, офицер скрылся в воронке. Григорьев бросился к фашисту.

Когда гитлеровец высунулся из воронки, Виктор послушал его автоматной очередью.

...С востока на запад от Волги по огромному оврагу вымерзшей до дна реки Царицы дул ветер, издавая стонущие звуки. Луч немецкого прожектора скользил по южным скатам берега, на котором воины 422-й Дальневосточной и других дивизий готовились к решительному штурму многоярусного северного берега, удерживаемого немцами.

Разведчики группы сержанта Самойлова, в числе которой был и Виктор Григорьев, ползли на крутой северный берег, западнее железнодорожного моста. Они получили задание разведать подступы к тюрьме, где оборонялись штабы 376-й пехотной дивизии фашистского генерал-лейтенанта фон Даниэльса, отдельного армейского полка связи полковника Коренецкого и санитарного отдела 6-й армии немцев во главе с генералом Ренольди.

Прижимаясь к высокой стенке двора тюрьмы, продвигался вперед разведчик Григорьев. Он увидел свалившийся на бок трамвайный вагон, опрокинутый взрывной волной фугасной бомбы. Рядом зияла огромная воронка.

Виктор броском проскочил открытое расстояние и забрался в вагон через дыру в днище. Затем он добрался до окна водителя и стал наблюдать. Он видел, как через ворота и калитку быстро пробегали гитлеровцы.

Сержант Самойлов приказал Виктору доложить майору Фирсову о сосредоточении противника во дворе и зданиях тюрьмы.

Продвигаясь по оврагу, Виктор заметил недалеко от железнодорожного моста трех немецких солдат, делив-

ших награбленные продукты и курево. Избежать встречи с гитлеровцами нельзя было.

Виктор решил подползти поближе, забросать их гранатами, а потом пробираться к командиру полка.

Одна за другой пролетели гранаты... Виктор залег, но подняться не успел. На него бросился немецкий унтер-офицер. Вцепившись друг в друга, Виктор и немец кубарем покатались вниз, захлебываясь снегом. Неожиданно разведчик почувствовал, как руки гитлеровца начали ослабевать и он замычал. «Наверное, ударился обо что-то головой», — подумал Виктор и уперся ногой и локтем в землю. Немец сорвался с его спины, медленно кувыркаясь, грохнулся на дно оврага. Юный разведчик с честью выполнил боевое задание.

Ровно через 30 минут загремели залпы наших минометов и гаубиц. Снаряды и мины ложились во дворе тюрьмы, сея смерть среди врагов.

* * *

«Берег северный, какой ты крутой и многоэтажный», — говорили воины нашей дивизии. Этот берег Царицы представлял собой очень выгодную позицию для врага. На нем возвышались разбитые здания мельницы, театра. Штурмовать его было трудно. Но воля наших бойцов к победе была выше всяких берегов. Они не сомневались, что преодолеют и это хорошо укрепленное препятствие.

Воинам дивизии, прежде чем добраться до центра города по улицам Сурской, Коммунистической, по полотну железной дороги до вокзала Сталинград-1 и депо, нужно было разделаться с противником на северном берегу реки Царицы и в укрепленных зданиях больницы, морского техникума и тюрьмы, где засели отпетые бандиты армейского полка связи, возглавляемого его командиром гитлеровским полковником Коренецким и 376-й пехотной дивизии под командованием старого вильгельмовского офицера гитлеровского генерала фон Даниэльса.

Мы подготовились к удару по противнику и штурму северного берега реки Царицы в ночь с 28 на 29 января. Политотдел, партийные и комсомольские организации дивизии во главе с Иваном Андреевичем Шестаковым

тщательно готовили солдат к предстоящему штурму. Политработники, коммунисты воодушевляли бойцов пламенным словом, поддерживая в их сердцах горячую ненависть к захватчикам.

РАЗГРОМ

После мощного, до предела напряженного удара артиллерии по укреплениям противника воины полков нашей дивизии и соседи 28 января в 22 часа одновременно начали штурм врага, оборонявшего северный берег реки Царицы и центр города.

Гитлеровцы еще не получали такого мощного удара. Советские воины через 10—15 минут после переноса огня артиллерии в глубину вражеской обороны были уже на северном берегу реки Царицы. Батальоны капитанов Подпорина и Соколенко из полка Сухова вырвались на улицу Краснознаменскую. Бойцы автоматными очередями преследовали отходящих гитлеровцев.

Полки майоров Фирсова и Крючихина во взаимодействии с гвардейским полком майора Черезова окружили тюрьму.

Медленно, но упорно продвигались вперед бойцы, сужая кольцо окружения, ломая сопротивление врага. То и дело раздавались крики немцев: «Рус, сдаюсь! Гитлер капут!»

До гвоздильного завода, музея, вокзала Сталинград-1 оставалось рукой подать. Но дальше двигаться было все труднее. Паулюс бросил в бой жандармов, гестаповцев, охранные батальоны и офицеров штаба. Только гвоздильный завод, вокзал, тюрьму, водочный завод и водонапорную башню удерживало до полутора полков этого фашистского сброда.

Упорно держались гитлеровцы по улице Коммунистической, на железной дороге и улице Пархоменко. Двое суток мы «топтались» на месте, так как не могли определить огневой системы противника. Не пускали продвигаться вперед кинжальные пулеметы и орудия прямой наводки.

Разведать огневую систему противника вызвались комсомольцы — младший лейтенант Кокарев, пулемет-

чик Василий Сафронов, Егор Коржавщиков, Константин Волков и Терешин.

На трофейную машину они поставили железную бочку из-под бензина, установили на ней станковый пулемет и два ручных пулемета по углам заднего борта и на огромной скорости выскочили из-за развалин и помчались по Коммунистической к вокзалу. Немцы, как и ожидалось, приняли наших воинов за своих. Кто бы мог подумать и поверить, что горстка советских солдат посмеет прорваться через оборону немцев, которая уже вторые сутки сдерживает натиск армии генерала Толбухина! Прорваться среди белого дня в тыл фашистам! Но так было. Машина вырвалась на Привокзальную площадь и остановилась. Здесь все кишело и гудело, точно в улье. Вероятно, подошедшие резервы гитлеровцев получали задания, быстро расходились и занимали развалины.

Фашисты остолбенели, когда с грузовой машины немецкой марки раздалась четкая и громкая русская команда: «По бандитам Гитлера до конца ленты, огонь! Еще огонь!»

Около трехсот немцев, скосили героин-разведчики, прежде чем враги опомнились и открыли ответный огонь. Но было уже поздно. Машина мчалась обратно, подпрыгивая на выбоинах.

Младший лейтенант Кокарев и его товарищи доложили, что пулеметы противника установлены в угловых и лестничных окнах зданий, пушки — на поворотах, пехота располагается в нижних этажах. Минометные батареи — на Привокзальной площади и на улице Гоголя, недалеко от центрального универмага. Наблюдательные пункты, предположительно, — на водонапорной башне и гвоздильном заводе.

— Гитлеровцы без боя не хотят сдаваться, — сказал командарм Толбухин. — Поэтому всю артиллерию, минометы, в том числе и гвардейские, все снаряды и мины бросить на огневую систему противника. Дать побольше патронов солдатам, пусть набирают в карманы, куда угодно, лишь бы их хватало для уничтожения врага. Никакой пощады!

— Артиллеристы готовы выполнить любую задачу, — сурово подчеркнул командир дивизионного артполка майор Евсеев. Его поддержали командиры батарей.

Артиллерийский налет был жестоким. Немцы при-
тихли. Только где-то в центре города автоматчики пу-
скали со страху очереди в воздух.

На рассвете 29 января командир 376-й пехотной ди-
визии генерал фон Даниэльс прислал парламентаря и
поднял белые флаги по всей стене и на корпусах тюрь-
мы. Он просил от имени оставшихся трех тысяч солдат,
офицеров и командования дивизии принять его капиту-
ляцию и сохранить им жизнь. В плен сдались, кроме
солдат, 256 младших офицеров, 16 старших офицеров
(полковников), два генерала — генерал-лейтенант фон
Даниэльс и начальник санитарной службы 6-й полевой
армии генерал-лейтенант Отто Ренольди.

Таким образом, пал мощный узел немецкой обороны
на берегу реки Царицы с ее отвесным 20-метровой вы-
соты берегом. Гитлеровцы послушно выполняли прика-
зания дальневосточников: «Бросай оружие и скорее вы-
ходи! Сборный пункт у железнодорожного моста».

Спустя немного времени ко мне в блиндаж пришел
мой заместитель по строевой части подполковник Соро-
кин. Он доложил:

— Товарищ полковник! Привел немецких генералов
Даниэльса, Ренольди, полковников: командира полка
связи Коренецкого, 51-го артполка — Шварца, 576-го
пехотного полка — Шитезенфа, 535-го пехотного пол-
ка — Шлезингера, 376-го артполка — Фуре и 91-го пе-
хотного королевско-румынского полка — Попеску. Да
разве всех перечислишь? Язык заболит...

Оставался всего один километр до конечного
рубежа.

К вечеру 30 января 422-я дивизия с тяжелыми боя-
ми подходила к центру города. Полк Ивана Сухова сво-
им правым флангом ворвался в бывшее здание обкома
партии, левым — в пожарку и из подвалов домов ос-
вободил 300 советских военнопленных. За ночь они бы-
ли приведены в порядок, обмундированы и вооружены.
Их желание немедленно вступить в бой с врагом было
удовлетворено. Такое пополнение для наших частей бы-
ло очень кстати.

Полк майора Фирсова батальонами старшего лей-
тенанта Андрея Антонова и капитана Ивана Качанова
вел бой за пригородный вокзал и медленно продвигал-
ся к вокзалу Сталинград-1.

Полк майора Крючихина батальонами капитана Якова Завадского и капитана Григория Захарченко во взаимодействии с гвардейцами полка майора Семена Черезова, разгромив противника в районе больницы, водочного завода и прилегающих к ним зданий, успешно продвигался по улицам Пархоменко и Кубанской, выходя на рубеж, чтобы с утра 31 января атаковать с запада железнодорожное депо.

Утром 31 января батальоны капитанов Филиппова и Соколенко из полка Ивана Сухова, батальоны старшего лейтенанта Андрея Антонова и капитана Ивана Качанова из полка майора Фирсова стремительной атакой прорвали оборону противника и устремились к вокзалу Сталинград-1. Бойцы Сухова обходили его с юга и востока через развалины гвоздильного завода и музея, бойцы Фирсова — вдоль железной дороги с юга и юго-запада. Полк майора Тихона Крючихина навалился с запада, с улицы Пархоменко на депо и прилегающие к нему развалины, навстречу гвардейцам, наступавшим во главе с командиром лейтенантом Афанасьевым.

В течение первого часа гитлеровцы сильно сопротивлялись и даже перешли в контратаку. Но увидев, что их окружают с флангов и с тыла, они бросились бежать в подвалы гвоздильного завода, музея, вокзала, товарной конторы, водонапорной башни, депо.

Фашистские офицеры стреляли в своих солдат, пытаясь прекратить панику, но с запада, с улицы Пархоменко, в направлении вокзала уже перешел в атаку батальон капитана Григория Захарченко, по Коммунистической вел свой батальон капитан Подпорин. Это окончательно перепугало немецко-фашистских солдат.

В минутную паузу боя немцам было предложено прекратить сопротивление и сдаться в плен. Не получив ответа, воины 422-й Дальневосточной перешли в атаку. Первым к вокзалу прорвался со своей группой младший лейтенант Кокарев. Он заметил, как впереди бежавший знаменосец полка Ивана Сухова покачнулся и упал. Его тяжело ранил фашистский офицер-снайпер с двумя крестами на груди. Младший лейтенант Кокарев и сержант Петров подняли знамя и устремились с ним к вокзалу. Когда гитлеровец прицелился в Кокарева, это заметил командир роты старший лейтенант Халил Нигматулин. Он сразил вражеского снайпера. С другой стороны, с юга

Гвардии генерал-лейтенант М. С. Шумилов,
командующий 64-й армией

железной дороги, к вокзалу, перебегая, несли знамя знаменосцы полка майора Фирсова.

Два бесстрашных воина — младший лейтенант Кокарев и сержант Петров — первыми водрузили красное знамя над зданием вокзала Сталинград-1, а рядом, с южной его стороны, подняли знамя бойцы Фирсова.

В тот же день, 31 января 1943 года, группа воинов нашего правого соседа, возглавляемая старшим лейтенантом Ильченко, окружила в подвале центрального университета, а затем пленила командование и штаб немецко-фашистской группировки во главе с фон Паулюсом, накануне получившим от Гитлера звание фельдмаршала.

Вечером 31 января на Привокзальной площади, над братской могилой воинов 422-й Дальневосточной дивизии, был дан салют почести.

Закончилась невиданная в истории войн битва. В дело победы над врагом внесла достойный вклад и 422-я Дальневосточная дивизия. Вот некоторые итоги.

Дивизия разгромила 371-ю пехотную, 29-ю моторизованную, 24-ю танковую дивизии немцев, разбила и пленила 20-ю румынскую королевскую дивизию генерала Димитриу, 376-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта фон Даниэльса и армейский полк связи.

Уничтожено свыше 21 тысячи немецких и румынских солдат и офицеров, взято в плен около 14 тысяч.

Захвачено трофеев: орудий—144, самолетов—6, танков—160, минометов—183, автомашин—307, пулеметов—391, десятки других видов оружия и боеприпасов.

За период боев бойцы дивизии получили награды: орден Ленина—1, орденов Александра Невского—2, орденов Красного Знамени—51, орденов Отечественной войны первой степени—5, орденов Красной Звезды—360, орденов Отечественной войны второй степени—28, медалей «За отвагу»—854, медалей «За боевые заслуги»—616.

1 марта 1943 года 422-я Дальневосточная дивизия была преобразована в гвардейскую. Вскоре мы уезжали на новый участок фронта, под город Белгород, на Курскую дугу. И каждый из нас всем сердцем клялся отомстить подлому врагу за смерть наших товарищей, беспощадно громить немецко-фашистских захватчиков, пронести гвардейское знамя до логова фашистского зверя—Берлина.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ СТАЛИНГРАДА!

В Волгограде, на площади Павших борцов, вы обязательно остановитесь у высокого обелиска—памятника

воинам 57-й и 64-й армий, отдавшим свои жизни во имя победы над врагом. Есть памятник воинам этих армий за железной дорогой.

На площади Павших борцов, на Привокзальной площади, в Комсомольском саду утопают в цветах священные могилы. В них лежат командир полка майор Черезов, командиры батальонов Иван Гужва, Иван Иванов, командир дивизиона Иван Хабаров и многие другие солдаты и офицеры нашей дивизии, отстоявшие Сталинград. Они давали клятву перед прахом героев Царицына, что не отдадут врагу ни пяди сталинградской земли,— и сдержали эту клятву.

...Трасса Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина проходит по тем местам, где когда-то на смерть стояли герои-дальневосточники. Может быть, на Чапурниковских шлюзах Волго-Дона высекут имена славного сына нанайского народа снайпера-коммуниста Самара и русского комсомольца лейтенанта Алексея Кабанова, которые пали здесь смертью храбрых.

А где теперь пулеметчик рядовой Чемисов? Помню, когда его, пробитого пулей, выносили на плащ-палатке по ходам сообщений к медпункту, на берег Волги, он говорил:

— Лесов, братцы, тут мало. Наши бы дальневосточные сюда... Какой край был бы!

...Шумят молодые лесополосы в волгоградских степях. Там, где веками гулял суховей, разлилось Волгоградское море, могучая плотина перегородила Волгу, бежит по проводам в разные концы Родины волгоградский ток.

А там, где сражались воины-дальневосточники, хлынули по трубам и каналам в засушливую степь воды молодого Цимлянского моря.

И поднялись на обновленной земле тучные хлеба.

Возрожденный Волгоград, великие стройки, корпуса новых заводов, леса и моря в степи — это ли не лучший памятник героям Сталинграда?

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

ПОД БЕЛГОРОДОМ

Победоносная Сталинградская битва внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Инициативу в ведении боевых действий прочно захватила Советская Армия.

Несмотря на поражение и огромные потери, гитлеровское командование лихорадочно готовилось к новому наступлению. Стремясь к реваншу, оно решило в июле 1943 года провести стратегическую операцию с целью уничтожения советских войск, оборонявшихся на Курской дуге, и наступления на Москву.

На левом крыле Курской дуги, на фронте Белгород — Тамаровка против наших соединений немецко-фашистское командование сосредоточило крупную группировку войск в составе группы «Кампф», ряда дивизий и 4-й танковой армии, разбитой под Сталинградом, но пополненной новым вторым танковым корпусом СС.

48-й немецкий танковый корпус 4-й армии в составе 371-й пехотной, 29-й моторизованной, 24-й танковой дивизий еще под Сталинградом пытался своим излюбленным методом — клином — протаранить боевые порядки 422-й Дальневосточной дивизии с юга вдоль железной дороги Сальск — Сталинград и овладеть южными районами Сталинграда. Но корпус, потеряв до двух дивизий, в том числе 60 танков, 6 самолетов, потерпел поражение.

Однако некоторым гитлеровцам удалось избежать плена, унести ноги вместе со своим дважды битым генералом фон Готом и здесь, на Курской дуге, под Белгородом, возглавить реваншистов.

...По ту сторону Донца в городе Белгороде на меловых горах засели немцы. Мощные бронированные новые танки «тигры» и артиллерийские самоходки «фердинанды» нацелились из районов Белгород—Тамаровка и Кромы—Змиевка на Курск с задачей овладения им, окружения и уничтожения советских войск.

Они переоценили свои силы и недооценили возросшую мощь Советской Армии, которая была способна не только активно обороняться, но и наносить сокрушительные удары.

ГВАРДЕЙСКАЯ СТОЙКОСТЬ

Стоял апрель 1943 года. Совершив длительный, тяжелый марш по вязким проселочным дорогам, наша гвардейская дивизия сосредоточилась недалеко от Северного Донца, в районах сел Старое Городище, Неклюдово, Никольское и вошла в состав гвардейской армии генерала Шумилова.

Через двое суток после сосредоточения личный состав дивизии приступил к оборудованию оборонительной полосы. Передний край первой позиции прошел по реке Разумная, по ее заболоченным кочковатым берегам.

На новый участок фронта солдаты и командиры дивизии пришли, имея за плечами суровый боевой опыт Сталинградской битвы.

Первого мая 1943 года в Мясоедовских лесах дивизии было вручено гвардейское знамя. Это была награда за доблесть, проявленную дальневосточниками в Сталинградской битве и разгроме немецко-фашистской группировки, окруженной под Сталинградом.

Целую священный шелк знамени, гвардейцы клялись до последней капли крови защищать свою Родину, сделать все для разгрома захватчиков под Белгородом и изгнания их из пределов советской земли.

30 мая по приказу командующего армией дивизия заняла оборону в первом эшелоне.

Передний край проходил по восточному берегу Северного Донца, пересекая Михайловку пополам. За рекой лежал Белгород.

Ведя оборонительные бои, наши воины повышали свою боевую выучку. То один, то другой батальон уходил в тыл,

где солдаты учились отражать танковые атаки, отсекал и уничтожать пехоту противника и наступать.

В траншеях были устроены колодцы для противотанковых ружей, площадки для станковых пулеметов, простреливающих зеркальную поверхность Северного Донца.

Саперы поставили противотанковые и противопехотные мины и другие заграждения, вплоть до мощных фугасов и фашинских противотанковых заборов, на танкоопасных направлениях, усиленных противотанковыми минами.

Для стрельбы прямой наводкой из гвардейских минометов мы подготовили окопы, использовав железнодорожную насыпь, идущую юго-западнее разьезда Крейда.

Наступил июль 1943 года. Немцы на нашем участке Белгородского направления, то есть на левом крыле Курской дуги, сосредоточили армейскую группу «Кампф», 11-й армейский корпус и непосредственно против нашей дивизии—две пехотные и одну танковую дивизии, до трех полков артиллерии и минометов, саперные части.

4 июля на участке полка подполковника Григория Скирута на нашу сторону перешел солдат, по национальности австриец. На допросе он показал, что в ночь на 3 июля пехотная дивизия, в которой он служил, заняла траншеи: танки сосредоточены на западной окраине Белгорода и в балке, идущей вдоль шоссе Белгород — Харьков. Атака назначена на 5.00 5 июля 1943 года.

В этот же день наши разведчики и наблюдатели установили, что первая траншея, идущая по западному берегу Северного Донца, а также остальные траншеи первой позиции и первая траншея второй позиции уплотнены немецкими солдатами. Было установлено, что на юго-восточной окраине Белгорода и западной окраине Михайловки, а также западнее трудовой колонии, на берегу Северного Донца, заняла исходное положение для атаки дивизия власовцев.

Готовность наших полков была ускорена, особенно на Старогородском и Михайловском направлениях. Батальоны капитанов Александра Гоштенар, Ивана Соколенко, Ивана Акимова, Якова Завадского, Григория Захарченко и Владимира Свечникова, а также танки КВ, стоящие в обороне и используемые как огневые точки, были приведены в полную боевую готовность. Замаскированная пехота сидела в траншеях. У пулеметов остались дежурные,

а на НП — отдельные командиры. Полк второго эшелона майора Титоренко был уплотнен на юг (налево), к селу Беловскому.

Наше командование вовремя разгадало замысел врага и решило упредить его удар. Артиллерии было приказано начать огонь в 3 часа 50 минут 5 июля.

Трудно передать то настроение, которое охватило всех нас перед решающей минутой. К заряженным орудиям прикинули артиллеристы, замерли у телефонных трубок командиры.

Время тянулось неизмеримо медленно. До открытия огня осталось несколько минут. Каждый из нас думал о том, что вражеские артиллеристы, наверное, также держатся за шнуры, и было страшно опоздать, не успеть опередить врага.

...Огонь!!! Вздрогнула земля, всех оглушил раскатистый залп орудий. Гвардейская артиллерия, как выяснилось потом, опередила врага на 10 минут, и это стоило гитлеровцам на нашем направлении двух пехотных полков, четырех артиллерийских дивизионов, двух моторизованных батальонов и четырнадцати часов времени на перегруппировку сил.

Атака немцев и власовцев на Старогородском и Михайловском направлениях была сорвана, но южнее, в направлении трудовой колонии, противник попытался силами двух полков форсировать Северный Донец.

Пьяные немецко-фашистские бандиты попали под мощный огонь 26 станковых пулеметов, простреливающих зеркальную поверхность Северного Донца. Только небольшая часть гитлеровцев сумела отойти назад, многие остались в водах Донца, истребленные воинами батальонов Завадского, Захарченко и гвардейскими минометами подполковника Чумака.

Во второй половине дня 5 июля противник прорвал оборону нашего соседа слева и к исходу дня стал угрожать левому флангу нашей дивизии. В районе колхоза «День урожая» завязался ожесточенный, доходящий до штыковых ударов оборонительный бой. Он затих только к ночи.

К утру 6 июля противник перед центром Михайловки и левым флангом дивизии — колхозом «День урожая» — сосредоточил до четырех полков пехоты, поддерживаемых сотней танков и самоходно-артиллерийских установок.

Среди них было немало «тигров» и «фердинандов».

Наша оборона проходила с запада по восточному берегу Северного Донца, имея на правом фланге крупный укрепленный узел — Старый Город. Левый фланг проходил юго-западнее и южнее трудколони, разъезда Крейда и колхоза «День урожая». В глубине находился опорный пункт Игуменка и в тылу — Севрюково и Беловское. За левым флангом, в его тылу пролегал железнодорожный путь Белгород — Волчанск, с насыпью и широкими углублениями с правой и левой стороны.

По северо-восточной стороне железной дороги были сосредоточены два дивизиона «катюш» и дивизион истребительной артиллерии капитана Сушинского-Ястреба.

Полк второго эшелона майора Титаренко был подготовлен для контратаки. Батальон капитана Николая Яркова — на Михайловку и батальоны Ивана Качанова и Андрея Антонова — в направлении восточнее разъезда Крейда. Их поддерживали танки КВ.

Учебный батальон капитана Ивана Медведева развернулся и занял оборону фронтом на восток для отражения атак противника в случае выхода его в тыл из совхоза «Батрацкая дача». Батальон поддерживали два дивизиона армейского полка подполковника Богушевича.

Воины дивизии были готовы к отражению атак.

В 8.00 6 июля, без артиллерийской и авиационной подготовки, противник силами до полка пехоты перешел в атаку на Михайловском направлении.

Под огнем батальонов капитанов Акимова и Завадского и артиллеристов пехота немцев залегла, а затем отошла на прежние позиции. Эта авантюра стоила противнику около трехсот солдат и офицеров.

В 10.00, после короткого, но очень сильного артиллерийско-минометного налета противник атаковал наш левый фланг в направлении колхоза «День урожая», где оборонялись батальон гвардии майора Свечникова и рота танков КВ. Шла неравная и ожесточенная борьба. Гвардейцы мужественно отстаивали каждую пядь родной земли.

В течение четырех часов немцы пытались прорвать здесь нашу оборону, одновременно пьяные власовцы атаковали восточную часть Михайловки, но успеха не добились и выдохлись, потеряв до 800 солдат и офицеров, 28 танков и около 14 артиллерийских установок.

Герой Советского Союза гвардии полковник Григорий Скируто

В 16.00 противник возобновил атаку и одновременно ударил по левому флангу нашего уже крепко пострадавшего левого соседа. Прорвав его третью позицию, противник продвигался в направлении совхоза «Батрацкая дача» и выходил нам в тыл, но гвардейцы генерала Василенко сильной контратакой из лесов юго-восточнее совхоза «Батрацкая дача» в направлении Беловское и

колхоза «День урожая», а также огнем артиллерии остановили его.

Фашисты стремились всеми силами раздавить нас с левого фланга и с тыла

Используя Михайловский плацдарм, захваченный немцами еще в апреле, когда наши войска отступали от Харькова, командир 19-й танковой дивизии немцев генерал Шмидт на сутки позже других развернул батальон танков и батальон пехоты (автоматчиков) и утром 6 июля атаковал нас с целью расширения плацдарма за счет захвата восточной половины Михайловки.

Фашистские «тигры», «пантеры» и «фердинанды» на первых же метрах разбили о гвардейскую стойкость батальонов капитанов Ивана Акимова и Якова Завадского, о броню и огонь наших танков KB-2, врытых в землю.

В этом ожесточенном и кровопролитном бою особенно отличился бронейщик Петр Донцов.

...Траншея советских гвардейцев, прижимаясь к разрушенным хатам, а кое-где проходя прямо через развалины саманных сараев и через дворы, разделяла Михайловку надвое. На правом фланге, севернее центра Михайловки, у самой реки, Донцов и его напарник вырыли в первой и второй траншеях по два колодца, против основной и запасной позиций для ружья. В течение месяца отсюда они ни разу не выстрелили. Ожидался бой с новыми тяжелыми танками немцев, уязвимыми местами которых были борта, катки, гусеницы и особенно днища, почему и понадобились колодцы на дне траншей.

Утром 6 июля гитлеровские танки появились на западной окраине и на улицах Михайловки, у первой траншеи нашей позиции, и особенно много их скопилось на северном, Старогородском направлении.

Старый город привлекал немцев больше других пунктов тем, что отсюда они надеялись развить наступление на Ближнюю и Дальнюю Игуменки, хутора Постников, Шишино и село Хохлово и дальше на север, на Корочу. Но получилось не так, как им думалось.

Как только танковый батальон вырвался из занимаемого им плацдарма и перешел в атаку, он нарвался на гущу инженерных препятствий, огонь бронейщиков и танков. Фугасы и противотанковые мины опрокидывали танки, проламывали им днища и разрывали гу-

сёницы. Но гитлеровские танкисты, подгоняемые генералом Шмидтом, лезли напролом.

«Тигр», а за ним «фердинанд» несутся в направлении Старого Города, к основной позиции истребителя Донцова. Гвардеец нырнул с ружьем в колодец на дно траншеи и установил противотанковое ружье.

«Тигр» повис на бруствере траншеи, и в следующее мгновение Донцов выстрелил ему в брюхо из своего ружья. Танк проскочил траншею и в десяти метрах за спиной Донцова взорвался.

«Фердинанд» решил проскочить метрах в пяти левее Донцова, но и он загорелся от меткого выстрела отважного бронейщика.

На выручку пылающим машинам мчались танк «пантера» и огнеметный танк, который метал огромные струи красного пламени и черного дыма.

Донцов крикнул второму номеру: «Плащ-палатки! Быстро набрасывай на голову, береги глаза!»

Когда «пантера» намеревалась развернуться вдоль траншеи, Донцов всадил ей в борт два бронейных патрона. «Пантера» вспыхнула, как нефтяной бак.

Огнеметный танк обнаружил Донцова и начал утюжить его позиции. Но храброго бронейщика уже там не было. Он занял запасную позицию.

После короткого затишья немцы возобновили атаки на Старый Город и на восточную половину Михайловки, надеясь прорваться к разъезду Крейда.

Два танка, один из них огнеметный, в сопровождении «фердинанда» атаковали наши войска в направлении позиций Петра Донцова, который перебрался во вторую траншею, расположенную на насыпи железной дороги, идущей на разъезд Крейда из Белгорода.

Танки ползли медленно и вели пулеметно-артиллерийский огонь по траншеям. Особенно свирепствовал «фердинанд». Его снаряды в щепки разбивали железнодорожные шпалы, кромсали рельсы. Донцов понял, что танки пойдут левее, на переезд, в направлении МТС, а потом вдоль траншей на север, на Ближнюю Игуменку и Старый Город.

Первым остановился «фердинанд». Минуты две он бешено вертелся, потом затих, дымя. Донцов же, укрывшись плащ-палаткой, теперь вступил в поединок с огнеметным танком, извергающим пламя. Лобовая броня

танка была неуязвимой, не поддавалась. Но вот танк поднялся на насыпь железной дороги и показал свое брюхо. Донцов дал выстрел... Еще... Танк судорожно дернулся, по нему побежали языки огня.

Экипаж соседнего танка бросился на помощь горящему и развернулся бортом к Донцову. Тот немедленно выстрелил. В горячке боя он не заметил, как слева к нему приблизился вражеский танк и наехал гусеницами на левую руку... Раненого Донцова эвакуировали в медсанбат...

На второй день боя штаб 19-танковой дивизии генерала фон Шмидта докладывал командованию 11-го армейского корпуса:

«Русские опоясали переправу и Михайловский плацдарм мощной и неприступной обороной с глубокими и сплошными минными полями и другими инженерными препятствиями, а главное — они дерутся упорно и до последнего».

Такие донесения шли в штаб армейского корпуса гитлеровцев и из других дивизий. Земля горела под ногами врага, черные дни наступили для захватчиков.

Мы узнали, что утром 7 июля авиация противника нанесет удар по самому крупному узлу обороны — Старому Городу. Нужно было вовремя вывести людей, перевезти боеприпасы, продовольствие с тем, чтобы потом, вернувшись назад, в город обрушиться на врага.

Надо было добить 19-ю танковую дивизию генерала фон Шмидта, или, по крайней мере, нанести ей такое поражение, чтобы она потеряла ударную силу. Надо было удержать Старый Город, не допустив прорыва нашей обороны на правом фланге.

...Рассветало. Над Донцом стелился белесый туман, пахло гнилым камышом, кугой. К этому запаху примешивался другой, противный до тошноты, исходящий от разлагавшихся трупов фашистов, валявшихся на берегах Донца.

В 8.00 7 июля противник начал бомбить Старый Город, но там уже никого не было. Только в траншеях и углубленных до уровня зеркала воды пулеметных площадках, идущих строго по восточному берегу Северного Донца, оставалась рота батальона капитана Гоштенаара и десятка два станковых пулеметов.

Еще не рассеялись пыль и дым от разрывов бомб,

сброшенных на Старый Город, как гвардейцы батальона старшего лейтенанта Соколенко и капитана Гоштенара двинулись и заняли свои старые места.

Вражеская атака на Старый Город захлебнулась: пулеметы уничтожали врага прямо в воде. По реке плыли трупы гитлеровцев.

Отдельным фашистским солдатам удалось форсировать Донец, но гвардейцы-автоматчики не давали им возможности выскочить на берег. Сделали свое дело, как и у Михайловки, пулеметы, установленные по указанию командующего фронтом генерала Ватутина. Он говорил так: «Немцы могут форсировать Донец: берега его высокие, 1,5 — 2 метра, значит, зеркальная поверхность воды не простреливается, остается большое мертвое пространство. Опустите пулеметы ниже, сделайте колодцы в них — площадки, нарежьте амбразуры чуть выше воды на 16—20 сантиметров, а землю, закрывающую дуло пулемета, вытолкните, когда будет необходимость. К колодцам подведите ходы сообщения с тыла сапным способом, вроде «усов» к пулеметным выносным площадкам, которые вы делали под Сталинградом для прострела закрытых подступов. Работу проводите ночью, к утру маскируйтесь. Таким образом надо увеличить количество кинжальных пулеметов, простреливающих зеркало Донца».

И на фронте обороны дивизии пулеметов, установленных по методу генерала Ватутина, стало 62. Они косили врага на реке, не позволяя форсировать ее.

Атакуя Старгородский узел обороны, гитлеровцы одновременно стремились отвлечь наше внимание от их главного удара в направлениях разъезда Крейда, сел Беловского и Севрюково.

К 9.00 7 июля 1943 года дивизия была зажата в подкову, правую ветвь которой составляли Старгородский узел обороны и Михайловка. Здесь фашисты остатками 168-й пехотной дивизии предпринимали непрерывные, но уже слабые атаки. Центром подковы к этому времени оказался разъезд Крейда, на него также шли в атаку танки, самоходки и пехота противника. Над левой ветвью подковы, то есть от колхоза «День урожая» до сел Беловского и Севрюково, нависла смертельная угроза прорыва с тыла. Прорвавшись, враг мог сломить нашу оборону с юго-востока и прижать нас к

Старому Городу и Михайловке, а затем одновременным ударом с запада — из Белгорода и с востока — на Североково-Беловское разгромить дивизию по частям.

В трех километрах юго-восточнее села Беловского к нам в тыл вышло около 40 танков, 20 самоходных артиллерийских установок и до полка пехоты противника. Тылы дивизии были отрезаны, связь с соседом слева — нарушена. Радовал только правый сосед, который крепко удерживал свои позиции.

Мы доложили заместителю командующего фронтом генералу армии Апанасенко о своем положении и заверили, что будем драться до конца, и если на других участках фронта так же тяжело, постараемся обойтись без помощи.

Просили мы только одного — воды. Северный Донец был завален вражескими трупами, пить смрадную, загрязненную воду было нельзя.

А между тем враг непрерывно атаковал нас в нескольких направлениях силами II армейского корпуса и танковой дивизии генерала фон Шмидта.

20 немецких «тигров», 10 самоходных артиллерийских установок и до полутора полков пехоты шли на Михайловку и трудколонию, 60 танков и самоходок, 2 пехотных полка немцев наступали на колхоз «День урожая» и разъезд Крейда. Огнеметные танки, а за ними пехота уже прорвались к разъезду и продвигались в направлении наблюдательного пункта командира дивизии. Но возле железнодорожного полотна их давно и терпеливо поджидали два глубоко врытых в землю дивизиона «катюш» с термитными снарядами. Несколько восточнее их стоял на прямой наводке прославленный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион храбрейшего пушкаря капитана Георгия Сушицкого, которого войны прозвали Ястребом за стремительность и энергичность.

...40 «тигров», выбрасывая черный вонючий дым и огонь, ползли к железнодорожной насыпи, их сопровождали 20 самоходных орудий. На тех и других находились десанты автоматчиков.

Вот вражеские танки и самоходки, пройдя низину перед железной дорогой, стали выползать наверх. В этот момент раздалась залпы нашей истребительной артиллерии и гвардейских минометов.

Все смешалось, рвалось, горело... Снаряды «катюш», разбиваясь о броню танков, разбрасывали огонь. В пламени гибли машины и гитлеровцы. Самоходные орудия насккивали на танки, давили свою пехоту. Русское «ура-а-а!» прокатилось над полем боя: батальоны капитанов Качанова, Антонова, Акимова, Яркого и Завадского перешли в контратаку. Пехота штыками завершила победу артиллеристов. На Крейденском направлении внезапно наступила тишина. Так закончилась атака, во время которой враг потерял до полка пехоты, больше пятидесяти танков и самоходных орудий. Гитлеровцы беспорядочно отходили на юго-запад в направлении села Соломенки и трудколонии.

До 15.00 они спешно стягивали силы на нашем левом фланге у колхоза «День урожая» и в нашем тылу, юго-западнее совхоза «Батрацкая дача». Они готовили новый удар.

Но из района села Шеино к нам на помощь шли гвардейцы генерала Горячева, наши старые боевые товарищи по боям за Сталинград. Помощь эта подошла вовремя. Ее послал из своего резерва генерал Ватутин.

Трое суток подряд воины-дальневосточники и сталинградцы с безграничной стойкостью и мужеством отражали атаки врага. Дивизия, стиснутая с трех сторон, то сжималась, как пружина, то разжималась. Коммунисты и комсомольцы повсюду были в первых рядах сражавшихся, увлекали и вдохновляли воинов на героические подвиги.

В 15.00 7 июля немцы, заметив приближающиеся к нам на помощь части генерала Русских, поспешили атаковать нас с фланга и тыла.

«Тигры» и «фердинанды» уже двигались вниз по дороге на село Севрюково. Они с ходу врезались в заминированные и замаскированные завалы, устроенные саперами гвардии капитана Смирнова и старшего лейтенанта Колмогорова. Взрывы фугасов и мин, огонь и черный дым окутали немецкие танки.

Танки, шедшие следом, по второй линии, приостановились, потом начали неуклюже сворачивать влево, вправо, пятиться назад.

И тут-то заработали 152-миллиметровые гаубицы подполковника Богушевича. Снаряды сворачивали вражеским танкам башни, отрывали стволы, опрокидывали

бронированные чудовища в огромные воронки. Фашистские танкисты выскакивали из люков прямо под разрывы снарядов и гибли.

Но радоваться еще было рано — противник, прорвав оборону на левом фланге дальнего соседа, продвигался на село Шебекино.

В ночь с 7 на 8 июля из района хутора Андреевского был переброшен артиллерийский дивизион гвардии капитана Гохокидзе, который стал на огневые позиции в 300—400 метрах южнее села Беловского. Дивизион усилил оборону полка гвардии майора Крючихина, который справедливо беспокоился за свой левый фланг — противник начал и здесь нажимать изо всех сил.

За эту же ночь был усилен учебный батальон Ивана Медведева. Он получил дополнительно 2 дивизиона артиллерии, пришедшие к нам по приказу генерала Апанасенко.

В то время, как остатки 19-танковой дивизии генерала фон Шмидта сосредоточились для атаки, наши саперы готовились к обороне села Беловское и Северюково, обрывистые и заболоченные берега реки Разумной.

8 июля. Немилосердно палит солнце. В воздухе висит густая пелена пыли, поднятой разрывами бомб и снарядов. Идет до предела напряженный бой.

Гитлеровцы перешли в атаку одновременно с запада — от Пушкарного и Белгорода и с востока — от совхоза «Батрацкая дача» в направлении на Беловское и Северюково. Звонил командарм Шумилов: «На подходе крупное танковое соединение противника. Будет часа через полтора. Нужно взорвать мосты у Северюково и Беловского. Иначе...»

Мы и сами понимали, что случится, если будет «иначе».

Я вызвал командира минноподрывной группы бесстрашного саперного разведчика гвардии сержанта Николая Красюкова.

Новый начальник политотдела дивизии Дмитрий Большаков, который еще не знал Красюкова, внимательно оглядел его и спросил: «Комсомолец?» Красюков не без гордости ответил: «Да. Член ВЛКСМ».

— На этого богатыря можно положиться, он устоит против любого врага и сделает все, что ему будет поручено, — сказал я Большакову, а у самого заныло сердце...

Красюкову было объяснено, что через час, а может, и меньше того танковое соединение гитлеровцев выйдет к нам в тыл и может раздавить нас. Задача Красюкова — взорвать мост у Севрюково.

— Как, справятся с этой задачей гвардейцы-саперы? — спросил я Колю Красюкова.

Красюков молчал.

— Задача трудная, — сказал я, как бы угадывая его мысли, — но мост должен быть взорван во что бы то ни стало.

— Есть, — четко ответил Красюков.

Через 20—30 минут отделение саперов ползло к мосту, таща на себе взрывчатку. Хотя мост уже был подготовлен к взрыву, предусмотрительный Красюков приватил с собой запас.

Пули вонзались в пыльную дорогу, и казалось, что земля дымится от палящего солнца. Красюковцы ползли вперед.

Одного гвардейца ранило. Остальные, плотно прижимаясь к земле, продолжали движение.

Вот они заложили дополнительный заряд под мостовые опоры, и Красюков подал сигнал. Саперы поползли обратно, и Красюков поджег шнур. После этого он залег, наблюдая за горением шнура.

30 танков противника, развернувшись в линию, приближались к мосту.

Красюков пополз к товарищам, которые прикрывали его своим огнем. «Жив! Все живы!» — радостно воскликнул начальник политотдела дивизии Большаков.

Но вдруг Красюков увидел, что немцы бегут к мосту. Они хотели погасить шнур и уберечь мост от взрыва.

Красюков, поняв это, круто повернулся и быстро пополз обратно. Дал длинную очередь из автомата по немцам. Два или три гитлеровца свалились в воду, остальные поползли назад.

Головной танк на большой скорости пошел на мост. Он был уже на середине моста, когда раздался большой силы взрыв. Стальная громадина — танк «пантера» взлетел в воздух, затем рухнул вниз.

На мгновение сержант Красюков увидел днище танка, крутящиеся гусеницы. Больше он ничего не помнил.

Приказ был выполнен. Мост разрушен, танки не прошли. Очнулся гвардии сержант Красюков в медсанбате.

Подошедшая к нему врач Александра Баскакова увидела, что герой-сапер улыбается.

— Чему вы улыбаетесь?—спросила она.

— Доктор, я вспомнил, как мы укротили гитлеровскую «пантеру»...

...С юга на разъезд Крейда и село Беловское немцы, рассвирепев, бросили в атаку еще до двух полков пехоты с танками.

К концу дня 8 июля фашисты пробивались к селам Беловскому и Севрюково и, овладев ими, вышли нам в тыл, где располагались штабы.

В ожесточенные бои вступили курсанты учебного батальона капитана Ивана Медведева, комендантские подразделения, офицеры штабов, батальон капитана Яркова и дивизион капитана Гохокидзе. Они остановили врага.

Пятая бессонная ночь... Бой то затихает, то разгорается снова. В минуты затишья до нас доносятся звуки радиопередач Геббельса. Враг старается запугать советских гвардейцев. Агитаторы Геббельса, истекая слюной, кричат, что мы окружены. Но это ложь.

Пятый день идут бои, но об отдыхе и думать нельзя.

Всеми силами наращиваем удары по врагу. Гитлеровцы сосредоточиваются в лесах около трудколони и западнее села Беловского. Готовится очередная атака, но минометчики 20-го полка и 173-го гвардейского артополка майора Поляковского открывают массированный огонь.

Вскоре пришло донесение: фашисты прорвались в балку западнее села Севрюково и продвигаются к селу Игуменка, чтобы рассечь нашу оборону на две части.

Пропустить врага нельзя. Танки КВ и пехота обошли с севера и юга балку и, уничтожив до батальона пехоты противника, восстановили положение.

В ночь на 10 июля фашисты отбросили соединение Горячева и захватили село Шеино, подошли к селу Мелихово. Реально нависла угроза окружения нашего соединения. Враг добился этого значительным перевесом сил. К штабу дивизии прорывались группы мотоциклистов, но они уничтожались разведчиками.

В жестоких схватках с прорвавшимися к штабу гитлеровцами погиб один из храбрых разведчиков гвардии капитан Трунов.

Мы прилагали все силы, чтобы удержать проход через с. Хохлово, по которому доставлялись боеприпасы, подкрепления и эвакуировались раненые.

Перед рассветом 10 июля командир учебного батальона гвардии капитан Медведев со своего наблюдательного пункта, располагавшегося на высоте западнее Севрюково, доложил, что на север через с. Мясоедово продвигаются колонны автомашин с пехотой. Он сообщил также, что немцы ночью сильной атакой отбросили взвод курсантов и окружили полуразрушенную Севрюковскую церковь, где осталось 8 тяжело раненных курсантов. С ними находилась наша боевая медсестра Аня Мирошниченко.

Аня... Скромная, синеглазая девушка украинка. Бесстрашная, суровая, самоотверженная, она пришла на помощь курсантам в критическую минуту боя.

— Как вы сюда попали? Рядом фашисты, сейчас же уходите, Аня, слышите? — взволнованно говорили ей раненые.

— Кто из вас может двигаться? — спросила она. — Есть ли у вас бинты?

Семеро были кое-как перевязаны, но для восьмого, капитана Демина, бинтов не хватало. «А ведь он мог бы потихоньку дойти, вот только перевязать», — подумала Аня.

Девушка бросилась в угол церкви, быстро сорвала с себя нижнюю сорочку, порвала ее на бинты. Сначала она перевязала Демина, который тут же был отправлен в батальон. Осмотрев остальных, Аня четверым из них наложила свежие повязки и также велела уходить.

Раненые, собрав последние силы, поднялись, пошли...

Из оставшихся курсант Кирилл Журба, тяжело раненый в живот, умер у Ани на руках во время перевязки. Остальные двое раненых с простреленными ногами просили Аню как можно скорее уходить. Она перевязала их, но уйти не успела: в церковь ворвались гитлеровцы.

Курсантов они сразу же расстреляли, а девушку отвели в ближайший дом. Ее не били и не допрашивали: немецкий офицер решил, что куда приятнее провести с нею ночь. Аня поняла это и с виду не противилась: она решила убить немецкого офицера. Это девушке удалось. У нее хватило сил задушить ошалевшего от рома фашистского офицера. После проделанной «операции» она

укрыла бандита одеялом и тихонько вышла во двор.

Путь лежал через заболоченную, крытую густым и невысоким камышом и чаканом речушку.

Когда Аня дошла до реки, раздался выстрелы, зашвистели пули. Но она уже переползла через болото и спряталась между кочками.

Весь день бандиты искали храбрую девушку. Аня долго сидела под водой с камышинкой во рту и следующей ночью возвратилась к своим...

Под вечер над Северным Донцом поднялась дымка и затянуло его берега. Скрываясь за этой завесой, фашисты перешли в атаку. После короткого, но ожесточенного боя им удалось занять восточную половину Михайловки.

В то же время гитлеровцы предприняли атаку через Северный Донец, Старый Город, но батальоны гвардии капитана Гоштенара и гвардии старшего лейтенанта Соколенко отбросили их.

Противнику не удалось «разрубить» нашу оборону и закрыть «хохловские» ворота, которые мы прочно удерживали.

Утро 11 июля было пасмурным. На переднем крае царил тишина. Только изредка слышались очереди немецких автоматов. Мы знали, что гитлеровцы, сосредоточив силы, пойдут в очередную атаку в нескольких направлениях.

В 8.00 утра одновременно ударили бомбардировщики и артиллерия фашистов. На прямоугольнике в 5 километров длиной и 4 километра шириной взлетали камни, глыбы, валились деревья, рвались минные поля.

И хотя этот ураган длился не больше получаса, нам он казался бесконечным. Сказывались напряженность боев, усталость, бессонные ночи.

Гитлеровцы атаковали прямоугольник с юга — через разъезд Крейда, с запада — прямо с Михайловки, с юго-востока — из села Беловского, а когда дым и пыль несколько рассеялись, двинулись и с северо-востока.

Пехота шла в атаку без танков. Но наших воинов в этом районе, «в зацепе подковы», как мы его называли, уже не было: снаряды и бомбы пахали 30 минут пустое место, гитлеровцы атаковали... друг друга.

Все ближе и ближе сходились цепи врага... Но вот, распознав друг друга, фашисты замедлили движение,

они поняли свою ошибку, но было уже поздно. На них обрушился шквал нашего артиллерийского и минометного огня, загремел полк гвардейских минометов «катюш» подполковника Чумака. Немцы не могли сообщить, в чем дело.

Артиллеристы подполковника Богушевича, майора Поляковского, минометчики подполковника Чумака и танкисты капитана Барышникова проявили в этом бою чудеса храбрости и героизма.

Неожиданно с севера, из села Мелихово, танки немцев с десантами атаковали КП дивизии и заставили его отойти из хутора Постникова в хутор Шишино. Но и гитлеровцам не поздоровилось. Их встретили танкисты Челябинской танковой бригады и рота ПТР. После короткой и очень горячей схватки танки немцев были почти полностью уничтожены. Ушел только один.

Последние танки фашистской дивизии, которые во взаимодействии с пехотными соединениями группы «Кампф» хотели нас раздавить, нашли свою гибель на советской земле.

К вечеру 11 июля, когда мы получили приказ о занятии нового рубежа, как бы на смену артиллерийской канонаде прогремел гром, полил крупный и на редкость теплый дождь. Он щедро умывал нас впервые за шесть дней и ночей непрерывных боев.

На командном пункте у села Чурсино было многолюдно, но очень тихо.

Вечером 11 июля для прикрытия отхода дивизии на новый рубеж были назначены в арьергард три батальона. Два из них к рассвету вернулись, а батальона капитана Качанова не было. Это удручало всех, особенно дивизионных радистов, вокруг которых толпились офицеры штаба и политотдела.

Эфир был полон звуков. Радисты Таня Ноздренкова и Володя Сальков, бывшие десятиклассники из Красноармейской школы г. Сталинграда, тревожно смотрели на меня. Но вот Таня протянула мне трубку: «В эфире, товарищ гвардии генерал, позывных много, но позывных гвардии капитана Качанова или кого-либо из батальона нет»...

Таня заплакала, но когда Володя пристыдил ее, то она, вытерев нос рукавом гимнастерки, притихла.

В трубке слышался гул моторов и треск пулеметов.

Качанова не было слышно. Как потом выяснилось, его батальон ночью вел тяжелый бой, который закончился только под утро. Гвардейцы направились к роще, где, по их мнению, должны были находиться боевые порядки одного из полков дивизии. Но их там не оказалось.

Качанов по карте пытался установить местонахождение наших частей, но не сумел этого сделать: ночь стояла темная, и шел дождь, а компас шалил — неподалеку была Курская магнитная аномалия.

Приближался рассвет. Гитлеровцы шарили по всей степи, разыскивая батальон гвардии капитана Ивана Качанова. Казалось, все кончено. С рассветом батальон будет обнаружен и окружен. Но Иван Качанов, заметив заросли камыша, принял смелое решение: повзводно, используя балку, продвигаться к камышу у берегов Донца и городскому хозяйству северо-восточнее Белгорода и там засесть.

Время тянулось томительно медленно. Качанов знал, что командование дивизии обеспокоено его отсутствием. Но связаться с нами он не мог так же, как и мы с ним: немцы находились слишком близко.

Лишь к концу дня, когда враги начали поиски батальона в другом месте, капитан приказал настроить рацию. Наши радисты, особенно Таня и Володя, уже получившие тысячу упреков за то, что не могут связаться с Качановым, бросились ко мне: «Есть! Есть капитан Качанов!» Я взял трубку.

— Батько, ты слышишь меня? — весело спросил Качанов.

— Слышу, тезка.

— И мы стали «лягушатами», батько.

Было понятно, в чем дело. «Лягушкой» в шутку называла себя медсестра Анна Мирошниченко после того, как целый день просидела в болоте.

Взглянув на карту, я без труда нашел место, где расположился батальон Качанова — юго-западнее хутора Шишино.

— Как пройти в гости на Неклюдово? — спросил Качанов.

— Опасно, тезка. Смотри на север. Видишь «зеленую стрелку»?

«Зелеными стрелками» мы называли высокие дере-

вя. Недалеко от нашего командного пункта рос пирамидальный тополь, он возвышался на северной окраине села Чурсино.

— Вижу «стрелку» и «шарики» вижу,— подтвердил капитан Качанов, подразумевая под «шариками» серию ракет, которую выпустил в небо мой адъютант и друг Качанова Федор Казьмин.

— Тогда все,— сказал я,— До встречи.

— Ясно,— ответил Качанов.— Когда полетят «летучие мыши», ждите.

Хотя наш разговор с Качановым шел открытым текстом, немцы ничего не поняли. Как выяснилось потом из показаний пленных, немецкие шифровальщики долго ломали голову над «новым» советским кодом. Зато командование дивизии знало, что сразу же с наступлением темноты гвардии капитан Качанов будет пробиваться к нашему командному пункту и в случае чего будут приняты все меры для обеспечения его выхода.

Ночью батальон в полном составе соединился с дивизией.

ПЕРВЫЙ САЛЮТ

Советские воины разгромили врага в оборонительном сражении, перешли в контрнаступление и овладели 5 августа 1943 года городами Белгород и Орел. В этот день в столице нашей Родины Москве впервые прогремел артиллерийский салют в честь героических действий советских войск.

Курская битва явилась полным провалом наступательной стратегии немцев и стала началом мощного летнего наступления наших войск.

...Дивизия гвардейцев-дальневосточников сосредоточилась в лесах южнее Городища, Стариково и Купино. Она быстро залечила раны, отдохнула от длительных и ожесточенных оборонительных боев и пополнилась.

Теперь со свежими силами она заняла новый участок фронта западнее Шебекино и готовилась к форсированному Северного Донца в районе Мослова пристань, Волково и к наступлению на Харьков.

Перед фронтом дивизии, по западному берегу Северного Донца, на сильно укрепленных позициях оборо-

нялись остатки разбитых нами в боях восточнее и северо-восточнее Белгорода подразделений и частей 2-го немецкого армейского корпуса, армейской группы «Кампф» и бывшей 4-й танковой армии трижды битого генерала фон Гота.

Потерпев жестокое поражение на Курской дуге, гитлеровцы прилагали все усилия к тому, чтобы выиграть время, пополниться и удержаться на Северном Донце.

Они боялись нашего нового удара с фронта—от Щебекино и с фланга—от Белгорода, отлично понимали, что таким ударом их оборона по западному берегу Северного Донца будет смотана, как кабель на телефонную катушку, что гвардейцам генерала Шумилова откроется дорога на Харьков.

ГЕРОИ ВЗВОДА ХАРУНА КУДАЕВА

Этим взводом командовал кабардинец гвардии старшина Харун Кудаев. В нем служили русские: дальневосточники, сибиряки, волгари. Все они были коммунистами и комсомольцами, все были готовы на подвиг во имя Родины.

Среди них особо выделялись своей храбростью, военной смекалкой и инициативой командиры отделений сержанты. Николай Новиков, Алексей Першин, рядовые гвардейцы Григорий Иванов, Анатолий Бобров, Александр Андреев.

Тщательно готовились гвардейцы взвода Кудаева к форсированию Северного Донца, берега которого круто возвышались над водой.

...По небу бродили лохматые тучи, роняя крупные капли дождя, которые были так некстати. Поднимался ветер.

— Погодка работает не на нас,—ворчал начальник политотдела дивизии Дмитрий Большаков.—Дождь нам, как телеге пятое колесо.

— Да,—соглашался я.—И хлеб не даст убрать, которого и так почти не осталось после боев, и нам может помешать...

Словно вняв нашим словам, дождь ушел куда-то на юг. Снова весело засияло солнце.

Гвардейский взвод Харуна Кудаява получил боевую задачу: на подручных средствах и вплавь форсировать реку Северный Донец, захватить и удерживать плацдарм на противоположном берегу, пока не переправятся основные силы роты.

— От действий вашего взвода будет зависеть выполнение боевой задачи всем нашим полком, — подчеркнул командир роты капитан Кужеев.

До начала форсирования Донца оставалось два часа.

Гвардии старшина Харун Кудаяев, разместив бойцов в траншее, еще раз коротко объяснил задачу, указал каждому отделению время и порядок броска через реку и атаки огневых точек в первой и второй траншеях противника, расположенных на больших естественных ступенях, возвышающихся одна над другой на западном берегу Северного Донца.

Незадолго до рассвета Кудаяев в последний раз обошел своих солдат. Он говорил им: «Все мы коммунисты и комсомольцы. Партия поручила нам боевую задачу. Выполнить ее до конца — дело солдатской чести».

Перед фронтом взвода Кудаяева оборонялся усиленный взвод немцев лейтенанта фон Шульцера, родного брата капитана фон Шульцера, командира роты 29-й фашистской моторизованной дивизии, сильно потрепанной нашими воинами южнее Сталинграда, у разъезда «55-й километр».

Лейтенант Шульцер добровольно пришел на фронт, чтобы мстить сталинградским гвардейцам за своего брата.

...В густом предутреннем тумане взвод под командованием Харуна Кудаяева бесшумно форсировал Северный Донец и завязал бой в первой траншее немецкой обороны. Отделение сержанта Новикова уничтожило пулеметный расчет, экипаж врытого в землю танка и отразило контратаку, предпринятую немцами с севера вдоль правого берега реки. Взвод гвардии старшины Кудаяева разгромил взвод лейтенанта фон Шульцера и с ходу ворвался во вторую траншею.

Попытки противника организовать контратаки, отбросить гвардейцев назад и вернуть потерянные позиции одна за другой разбивались о железную стойкость воинов роты гвардии капитана Василия Кужеева.

За взводом Кудаяева и левее его, уничтожая против-

ника, расширяла плацдарм рота старшего лейтенанта Ивана Скомякова, а еще левее — рота лейтенанта Спиридона Краснова. На плацдарм переправлялись батальоны гвардии капитана Николая Яркова и старшего лейтенанта Андрея Антонова. Они с ходу отбрасывали противника и продвигались вперед.

Через 2—3 часа после героических действий коммунистов и комсомольцев взвода Харуна Кудаяева Северный Донец форсировал весь гвардейский полк гвардии майора Степана Титаренко, а за ним, не отставая, танкисты гвардии подполковника Вербы.

Южнее села Волкова успешно форсировал Северный Донец гвардейский полк гвардии подполковника Григория Скируты. Батальоны гвардии капитана Александра Гоштенара, Александра Викторова и старшего лейтенанта Ивана Соколенко, разворачиваясь в боевые порядки, сматывали оборону немцев на юг и, ведя ожесточенные бои, продвигались в направлении Зиборовка — Муром.

За полками первого эшелона дивизии, прикрытые огнем артиллерийских частей гвардии капитана Сушицкого-Ястреба, гвардии майора Поляковского и гвардии подполковников Богушевича и Чумака, стремительно переправлялись батальоны гвардии капитанов Якова Завадского, Алексея Калинина и гвардии майора Свечникова. Их вел командир полка гвардии майор Тихон Крючихин.

К 10—12 часам дня вся дивизия гвардейцев-дальневосточников форсировала Северный Донец, разгромила до двух полков пехоты, 6 батарей противника, освободила село Волково, а к исходу 6 августа полки дивизии вышли на рубеж озер, что юго-восточнее Никольского; передовые отряды продвигались на Бычковку и Зиборовку.

ЗДРАВСТВУЙ, УКРАИНА!

Бои шли с переменным успехом. Немцы то оставляли рубежи и отходили на юг, к селам Бочковке и Вергелевке, Зиборовке и Мурому, то, подтянув силы, бросались в контратаку и теснили наши части. Гвардейцы, крепко зацепившись за выгодный рубеж, стойко удерживали его, затем переходили в атаку, громили и преследовали

немецко-фашистские части и подразделения, отходившие на землю Украины, на Харьков.

В этих боях снова отличились воины взвода старшины Харуна Кудаева. Продвигаясь на юг, они заметили, что самоходки противника подбивают наши танки из рожи. Оказалось, что правее дороги три «фердинанда», замаскированные между деревьями, с большой точностью ведут огонь по нашим танкам.

Кудаев, долго не раздумывая, отдал распоряжение отделениям Новикова и Першина продвигаться ползком. Первому отделению атаковать правую самоходку с тыла, захватить экипаж и машину. Второму отделению — захватить средний «фердинанд».

— С третьим отделением и саперами я атакую третью самоходку, — добавил он.

Командиру танка Кудаев приказал оставаться на месте, а при отходе «фердинандов» бить по ним.

— А в случае захвата самоходов — газуй на полную железку к нам, в направлении наступления моей группы.

— Есть! — ответил командир танка.

Пятьсот метров проползли гвардейцы взвода Харуна Кудаева и вышли в тыл «фердинандам». Стремительным и неожиданным броском они напали на артиллерийские установки врага, захватили врасплох их экипажи без своих потерь.

Через несколько минут гвардейцы уже двигались на «фердинандах», сопровождаемые советским танком Т-34.

Немецко-фашистские экипажи самоходов под командованием наших сержантов, развернувшись углом назад, уничтожали из «фердинандов» свою отходящую пехоту и обозы.

* * *

После нескольких артиллерийских налетов и атак гвардейские полки дивизии разгромили около полка пехоты, до двух рот танков и самоходов типа «фердинанд» из группы «Кампф», вышли на рубеж сел Вергелевка — Муром и овладели ими. Гвардейский полк гвардии майора Крючихина, продвигаясь во втором эшелоне за стыком полков гвардии майора Титаренко и гвардии подполковника Скируты, сосредоточился в роще, севернее Вергелевки...

Наступила тихая августовская ночь. Совсем недалеко находилась граница Украины, протекала река Харьков. Сколько пройдено дорог от Сталинграда до Украины! Сколько пережито в боях! А сколько еще боев впереди... Но враг уже не тот, что был в начале войны. Враг отступает!

Когда дальневосточники после короткого артиллерийского налета и залпа «катюш» перешли в атаку на высоты, что южнее и юго-западнее Вергелевки и Муромы, а коммунисты и комсомольцы взвода Кудаева разгромили немецко-фашистский штаб, радист-разведчик передавал нам: «Уничтожили до 20 гитлеровских офицеров, штабной взвод охранников, сожгли 6 автомашин, в том числе штабной автобус...» А дальше следовало: «Вчера мы перешагнули границу России с Украиной и вступили на священную землю наших братьев-украинцев».

БЕЛГОРОДСКО-ХАРЬКОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

ОСВОБОЖДАЕМ УКРАИНУ

— Ваше местечко очень комариное,— звучно хлопая себя по шее, говорил гвардеец с забинтованной головой.— И откуда берется эта нечисть?

— Комар кусает — жить помогает,— рассудительно произнес пожилой партизан с усами.— У нас говорят так: попы поют над мертвыми, комары — над живыми. Да раньше и у нас комаров почти не было. А как вот этот пруд сделали военнопленные для гитлеровских офицеров, так и насекомое развелось...

На берегу реки Харьков несколько бойцов взвода гвардии старшины Харуна Кудачева вместе с партизанами отдыхали в камышах после жаркой схватки. Они уничтожили штаб полка гитлеровской пехотной дивизии и теперь поджидали подхода своего полка, чтобы получить задачу на новое ратное дело.

Воевал Харун на Дону, под Орлом и на Курской дуге, под Белгородом, под Харьковом. В нашей дивизии он стал отличным командиром.

Было непривычно тихо: ни орудийных залпов, ни взрывов бомб, ни рева моторов.

— Насекомых бить все-таки легче, чем фашистов,— сказал гвардейцу партизан, державший на коленях немецкий автомат, — Махнешь и прихлопнешь. А за фашистом надо ползать до поту, а иногда до крови.

— Теперь вам этого делать не придется, мы их подчистую уберем,— вмешался в разговор Кудачев.— Сей-

час-то немцы еще сопротивляются на подготовленных рубежах, но их главные силы, стараясь не шуметь, отступают на Харьков. На берегах Северного Донца, под Белгородом, мы дали им жару.

— Видишь, как получилось, — продолжал, помолчав, старшина: — Три фашистские дивизии — две пехотные и одна танковая — попробовали на Северном Донце тряхнуть нашу гвардейскую. А теперь уносят ноги.

— Верно, товарищ гвардии старшина, — отозвался разведчик, — резвыми они стали.

— Сержанту Першину с его хлопцами трудно будет угнаться и уследить за гитлеровцами, когда начнут драть их части прикрытия. А драть им обязательно придется, в такой котел они не захотят попасть, — заключил Харун Кудаев.

В это время, осадив дончака, подъехал командир полка гвардии майор Титаренко. Поздравив воинов с успехом, майор ставит перед взводом Кудаева новую задачу: пользуясь растерянностью противника и образовавшимися в его боевых порядках разрывами, проскочить в один из них и уйти в тыл врага. Двигаться ночами, не ввязываться в боевые действия, обходить населенные пункты и разведать расположение подготовленных противником оборонительных рубежей в районе Циркунов, Большой Даниловки, аэродрома, Кулиничей. По мере продвижения докладывать о наличии сил на оборонительных позициях.

Гвардейцы скрытно ушли в глубокий тыл фашистских войск.

Первые сведения о противостоящем противнике на Харьковском направлении добыла разведгруппа гвардии лейтенанта Николая Ипатенко. Вечером 8 августа разведчики захватили немецкого офицера связи с боевыми документами, и мы установили, что перед фронтом гвардейских полков — новые части из 282-й пехотной дивизии гитлеровцев, усиленные танками и подразделениями шестиствольных минометов. Перед этими войсками фашистское командование поставило задачу: любой ценой остановить продвижение гвардейцев Дальневосточной дивизии на Харьков.

Этим же вечером части нашей дивизии перешли границу Украины юго-восточнее Журавлевки, Вергелевки. Командиры полков доложили, что противник окапыва-

ётся, устанавливает танки и противотанковую артиллерию.

Выслушав мой доклад о появлении свежей 282-й пехотной дивизии врага, командующий 7-й гвардейской армией генерал М. С. Шумилов приказал сорвать немцам подготовку оборонительных позиций. С рассветом 9 августа после тридцатиминутной артподготовки, удара авиации и залпа РС атаковать противника, прорвать оборону и наступать на Харьков.

Ночью, при свете луны, артиллеристы 173-го артполка дивизии майора Константина Поляковского, 97-го полка гвардейских минометов «катюш» подполковника Чумака становились на огневые позиции и очень обстоятельно знакомились с местностью.

В эту же ночь производилась перегруппировка пехоты. На правом фланге дивизии исходные позиции для атаки занял 238-й полк гвардии майора Медведева; на левом фланге готовился к атаке 235-й полк гвардии подполковника Григория Скируты. 233-й полк гвардии майора Титаренко был поставлен во второй эшелон, за правым флангом дивизии. Танковый полк подполковника Верба занимал исходные позиции для атаки уже на рассвете, во время артподготовки. Командиры штурмовой авиации и полка «катюш» договорились о последовательном ударе.

Соседи справа и слева — 15-я и 78-я гвардейские дивизии 7-й гвардейской армии — тоже готовились к наступлению.

* * *

Эта операция была запланирована Верховным Главным командованием еще до разгрома немецко-фашистской группировки на Курской дуге и освобождения областных центров Орла и Белгорода, а во время боев за эти города советские войска уже готовились к переходу в контрнаступление на Белгородско-Харьковском направлении.

Потерпев новое сокрушительное поражение на Курской дуге и потеряв крупные оперативные пункты Орел и Белгород, гитлеровское командование стремилось удерживать Харьков как крупнейший экономический центр и важнейший стратегический узел, от боев за который решалась судьба Левобережной Украины. Фашистское

командование рассчитывало, что Харьков станет «воротами», закрывающими для Советской Армии путь на Украину.

Но гитлеровцы были уже не в состоянии крепко закрыть эти ворота, хотя на Белгородско-Харьковском направлении немецко-фашистское командование сосредоточило сильную группировку отборных войск и завершало строительство на подступах к Харькову мощной обороны из 6—8 рубежей и особенно глубокой северо-восточнее города.

Верховное командование Советской Армии поручило разгром этой немецко-фашистской группировки, состоявшей из 17—18 дивизий, трем фронтам: Воронежскому под командованием генерал-полковника Ватутина, Степному — генерал-полковника Конева и Юго-Западному — генерал-полковника Малиновского.

Главные удары на Харьков наносились силами Воронежского фронта из районов южнее Пролетарского, Томаровки и силами Степного фронта из района Белгород — Шебекино.

Рано утром 3 августа 1943 года на фашистскую оборону обрушился огонь артиллерии и мощные удары авиации. А как только огонь перенесли в глубину обороны противника, в атаку пошли пехота и танки.

Наступление войск 5-й и 6-й гвардейских армий Воронежского фронта, 69-й и 7-й гвардейской армий Степного фронта было стремительным.

Уже одиннадцатого августа войска Воронежского фронта овладели Ахтыркой и Котельвой и перерезали шоссе и железную дороги Харьков — Полтава у Ковяги, севернее с. Валки.

Видя создавшуюся опасность, гитлеровское командование стало стягивать под Харьков дивизии с юго-запада и других участков фронта: из Полтавы — 355-ю пехотную дивизию, с юга, из Крыма — кавалерийскую дивизию, передвинуло танковые дивизии «Викинг» и «Райх» из района Ковяги.

Но и после этого фашистскому командованию не удалось остановить продвижение наших войск. Более того, удар Юго-Западного фронта, нанесенный силами 57-й армии из района юго-западнее Изюма, создал условия для полного окружения всей группировки противника, действовавшей в районе Харькова.

В то время, когда 1-я и 5-я гвардейские танковые армии Воронежского фронта отбивали контратаки противника на Ахтырском и Богодуховском направлениях, войска Степного фронта—53-я, 69-я и 7-я гвардейская армии 20 августа прорвали внешний оборонительный обвод и подошли к внутреннему харьковскому обводу.

Уверенно продвигались войска 57-й армии Юго-Западного фронта.

22 августа командующий Степным фронтом отдал приказ 69-й и 7-й армиям: «Войска 53-й армии вышли на рубеж Люботин—Подворки; замечено движение машин, видны пожары, город горит. Поднять войска на штурм города, действовать решительно».

Получив эту задачу, 69-я и 7-я гвардейская армии в ночь на 23 августа пошли на штурм внутреннего харьковского оборонительного обвода и самого города.

В этом ударе участвовали не только воины Степного фронта, но и части 57-й армии.

Как и у стен города-героя на Волге, как и на Курской дуге, героически сражались бойцы и командиры 81-й гвардейской дивизии за вторую столицу Украины—Харьков, за освобождение родной земли.

ПРОРЫВ НА ХАРЬКОВ

Тихая ночь мгновенно запылала зарницами артиллерийских залпов. Артподготовка была мощной. И как только прекратился грохот орудий, пошли танки. Пехота кричала вслед танкистам: «Даешь вперед, вербищенцы!» Танки проползли, и вот уже в воздухе с басовитым гулом пронеслись «илы». «Даешь Харьков!» — повсюду, приветствуя их, раздавались голоса.

Неожиданно все смолкло. Гвардейцы считали секунды, ожидая сигнала атаки — залпа «катюш». И вдруг над головами бойцов полетели термитные мины с длинными огненными хвостами. По всему фронту понеслось могучее русское «ура!». Танки и пехота двинулись в атаку.

Оборона 282-й пехотной дивизии гитлеровцев была прорвана на всю глубину. Гвардейцы дрались с ожесточением, и свежие части противника не устояли против их удара. К исходу дня 9 августа было освобождено не-

сколько населенных пунктов, в том числе Зеленое, Нескучное и северная окраина Веселого.

Недешево нам достался этот прорыв. Был убит ветеран дивизии, храбрый офицер, заместитель командира 238-го гвардейского полка по строевой части майор Николай Знаменский, погиб бесстрашный командир 3-го батальона 235-го гвардейского полка старший лейтенант Иван Кононович Соколенко, и многие другие воины отдали свою жизнь за землю Украины, за прорыв к ее воротам.

Но гвардейцы не падали духом и до наступления темноты отразили все контратаки противника. Введенные в бой резервы гитлеровцев были разгромлены. В глубине обороны фашистской дивизии наши полки захватили много оружия и взяли пленных.

В ночь с 10 на 11 августа командование 282-й пехотной дивизии противника стянуло последние силы и с утра 11 августа попыталось внезапной контратакой сбить с позиций наши поредевшие полки, отбросить их за пределы Украины.

Но мы тоже не теряли времени даром. За ту ночь подготовились для новой атаки. Командование армии усилило наши огневые средства противотанковым полком и армейской артбригадой подполковника Богушевича.

Разведчики гвардии лейтенанта Николая Ипатенко и взвода гвардии старшины Харуна Кудаява дополнительно вскрыли группировку войск противника. Ипатенко радировал из Большой Даниловки, что южнее ее сосредоточено до полка пехоты и 60 танков. Харун Кудаяв отбивал на ключе, что севернее селения Шевченки — до двух батальонов пехоты гитлеровцев и 20 танков.

В 8 часов 11 августа по этим объектам противника был нанесен удар наших бомбардировщиков и штурмовиков. За их налетом последовал залп «катюш» и пошли танки с десантами полков майора Ивана Медведева и подполковника Григория Скируты в направлении на с. Циркуны.

Вслед за танками на новые позиции двинулись противотанковая артиллерия гвардии капитана Сушицкого. На арттягачах, как на танках, сидели пехотинцы. А в это время армейская артиллерия мощным огнем валом расширяла и углубляла прорыв, уничтожала скопища врага в развитой и укрепленной обороне противника.

Так начинался прорыв вражеской обороны севернее Харькова в южном направлении.

На командирском танке, вместе с оперативной группой штаба полка, в центре боевого порядка 238-го полка находился и его командир — гвардии майор Иван Медведев. Он совсем недавно стал командовать полком, а до этого был командиром батальона. Высокий ростом, атлетически сложенный, храбрый в бою, простой в обращении с воинами, он, как отец, любил солдат, потечески заботился о них и уже не раз водил их в атаку. Всегда жизнерадостный, Иван Медведев никогда не терялся даже в самом сложном бою.

Проезжая мимо передового наблюдательного пункта дивизии, майор Медведев сложил ладони рупором и доложил, что он со своим полком и танкистами будет сегодня в Циркунах, северо-восточнее Харькова.

Следом за танками в центре развернутого и разомкнутого боевого порядка истребительной артиллерии, сопровождавшей танки, следовал гвардии капитан Георгий Сушицкий-Ястреб. Двойной его фамилия стала в нашей дивизии. Ястребом его называли наши воины во время боев на Волге за храбрость и бесстрашие, за быстроту действий и точность огня его батарей по врагу. Уважала Сушицкого вся дивизия за его бесстрашие и храбрость и строгую командирскую требовательность, любовь к солдату.

Сушицкий все выжимал из машин и воинов, чтобы не отстать от танков и вовремя оказать им огневую помощь. А танкисты знали артиллеристов Сушицкого как доблестных воинов и верили, что они не подведут. Верили в их силу, мужество, героизм и отвагу.

Получено донесение и от гвардии старшины Харуна Кудаева, что противотанковая артиллерия противника, колонна пехоты — до батальона, в том числе группы на велосипедах, и артиллерия на прицепах за тягачами «хорх» — в движении по дороге Харьков — Большая Даниловка.

Докладываю о результатах разведки командующему армией генералу М. С. Шумилову. Получаю от него одобрение принятого мною решения и пожелание — стать «харьковчанами». Это значит — за успешные боевые действия за освобождение Харькова дивизия получит название «Харьковской». Тороплю войска второго

эшелона дивизии, ускоряю перемещение артиллерии и особенно гвардейских минометов.

Замысел командования дивизии был такой: окружить остатки 282-й дивизии противника с флангов; с востока и запада их путь отступления остается только на юг, а с юга — большой пруд и переправа через этот пруд горела под огнем нашей артиллерии.

Преодолевая огневое сопротивление и контратаки частей пехотной дивизии и танковых подразделений гитлеровцев, наш 238-й полк гвардии майора Медведева батальонами гвардии майора Владимира Свечникова, гвардии капитанов Якова Завадского и Даниила Гарбузова охватили Циркуны с северо-запада.

235-й гвардейский полк подполковника Скируты батальонами капитанов Николая Денисова, Афанасия Лутая и старшего лейтенанта Дмитрия Глуховцева охватили Циркуны и пруд с северо-востока. У противника, прижатого к северному берегу циркунского пруда, остался один выход — на юг, через пруд.

К вечеру стрелковые батальоны, поддержанные танкистами, огнем четырех арtdивизионов и точными залпами «катюш» полка подполковника Чумака, разгромили более двух батальонов вражеской пехоты, уничтожили батальон танков, много артиллерии и освободили Циркуны.

282-я пехотная дивизия гитлеровцев уже потеряла до полка пехоты, почти все подразделения усиления. Получены сведения, что ее командование готовится форсировать пруд с севера на юг, и для этого из Большой Даниловки перебрасываются переправочные средства.

Делаем попытку склонить врага к сдаче в плен. Дивизионная агитмашина с мощным радиорупором подошла по дороге Циркуны — Харьков, поближе к переднему краю противника. В наступившей тишине четко разнеслись слова передачи на немецком языке, которую вел заместитель начальника политотдела гвардии майор Шевелев.

— Немецкие солдаты! Ваше сопротивление безнадежно. Складывайте оружие. Вы окружены и, если не сдадитесь в плен, будете уничтожены.

В ответ раздался скрежет «ишака» — шестиствольного немецкого миномета, и мины разорвались, перелетев агитмашину.

Времени на агитацию больше не было.

На проселочной дороге гремели наши продырявленные осколками и пулями автомашины. На предельных скоростях их вели испытанные в боях шоферы Саша Ворошилов и Илья Строчков.

Въезжаем в Циркуны и останавливаемся у крайней хаты. Оказалось, что здесь расположились командир 233-го полка гвардии майор Степан Титаренко и его замполит гвардии майор Овсянников. Короткий доклад. Чувствую, обижаются офицеры: «Почему вы, товарищ гвардии генерал, так долго держите наш полк во втором эшелоне дивизии? Мы тут прохлаждаемся, а наши товарищи колотят гитлеровцев. Когда же вы дадите нам возможность отомстить за родную Украину?»

— Успокойте, товарищ комдив, сердце потомственного сына запорожского казачества,— в шутку обратил обиду Титаренко.

Не знали наши боевые товарищи, что приехали мы к ним для того, чтобы ввести в бой и 233-й полк, прочнее закрыть противнику выход с запада и востока. Надо было видеть, как обрадовались гвардейцы, узнав о нашем решении.

Замполит полка майор Овсянников вместе с начальником штаба майором Купленским, секретарями партийного и комсомольского бюро помчались в батальоны, чтобы рассказать бойцам о предстоящем задании.

Мы же с майором Титаренко поехали в полк соседней 15-й гвардейской дивизии договориться об артиллерийской поддержке. Оттуда отправились на северо-западную окраину Циркунов, где нас ожидали командир 238-го гвардейского полка майор Иван Медведев, его замполит майор Смирнов и начальник штаба капитан Григорий Калинин.

Медведев ознакомил нас с обстановкой и доложил, что противник пытается прорваться на запад, в лес, и вместе с тем готовит переправочные средства. Наша артиллерия мешает им подготовиться к форсированию циркунского пруда. Особенно бесстрашно уничтожает танки врага расчет истребителей гвардии сержанта Михайла Власова.

В это время из-за правого фланга 238-го гвардейского полка, юго-восточнее Циркунов, развернулся в бое-

вые порядки 233-й гвардейский полк, закрывая врагу путь для прорыва к лесу.

Обреченные на гибель, гитлеровцы бросились к переправам, подошедшим к северному берегу пруда. В ответ на это с юго-западного и юго-восточного берегов пруда, попасть на которые рассчитывали гитлеровцы, обрушился огонь артиллерии дивизионов гвардии майора Поляковского, гвардии майора Макеева, капитанов Мартынюка, Лапина и Приходько. Рассекая темноту огненными полосами, полетели мины «катюш», посланные дивизионами подполковника Чумака. Два батальона пехоты, около трех дивизионов артиллерии и двух рот танков, окруженные у циркунского пруда, за несколько часов были разгромлены. Ни один гитлеровец из окруженных и прижатых к пруду частей не переправился на южный берег.

К вечеру 13 августа противнику удалось подтянуть свежие силы от Харькова, закрыть брешь, образовавшуюся после гибели остатков 282-й дивизии, огнем и атаками остановить продвижение частей нашей дивизии севернее Харьковского аэродрома и на рубеже южнее Большой Даниловки.

ПОДВИГ ВЗВОДА

Солнце катилось на запад. Теплый августовский день был на исходе. У селения Циркуны наши бойцы громили остатки группировки. Воздух был переполнен запахом земли, взрыхленной бомбами и снарядами, жженого пороха.

Враг сопротивлялся, как раненый зверь. И, несмотря на предложение сложить оружие, не сдавался. Он ожидал наступления темноты, чтобы использовать ее и выскочить из котла, образовавшегося у пруда.

Гвардии старшина Соловьев готовил к атаке свой взвод, который находился на опушке леса у северо-западной окраины Циркунов.

В ста метрах за дорогой, на западном берегу пруда, была видна траншея. Отсюда гитлеровцы вели бешеный огонь из пулемета и противотанковой пушки.

— А что если скрыто пробраться к траншее?— предложил старшина.

И, получив разрешение, Соловьев со своими гвардейцами по-пластунски поползли к дороге, проходящей по северо-восточной окраине Циркунов, и, как было условлено, ждали огневого налета артиллерии и минометов.

Танки, поддерживающие взвод Соловьева, стояли на восточной опушке леса, у крайнего дома селения. Танкисты ждали сигнала атаки, наблюдая за скрытным продвижением гвардейцев. Солдаты, плотно прижимаясь к земле, укрываясь за каждым кустиком бурьяна, ползли к намеченному рубежу атаки.

Минут через тридцать, когда Соловьев и его бойцы подползли к условленному месту рубежа атаки, определенному ротным командиром, над взводом полетели снаряды и мины. Они точно ложились по траншее противника. Это открыла огонь по врагу первая батарея гвардии старшего лейтенанта Евгения Губина.

Но вот в воздухе одна за другой повисли три красные ракеты — это сигнал танкам. С ревом, на предельной скорости выскочили они из леса и понеслись. Догнав пехоту, они вместе с нею пошли в атаку, когда артиллеристы и минометчики перенесли свой огонь на фланги траншеи. Две наши тридцатьчетверки проутожили траншею. Соловьев подал танкам сигнал идти на фланги взвода и, крикнув бойцам: «За мной!», первым ворвался в траншею.

В короткой, но ожесточенной схватке взвод выполнил свою задачу раньше, чем подошли другие подразделения. Соловьев лично уничтожил 18 гитлеровцев и, будучи раненым, не оставил своего взвода, а продолжал командовать им до прибытия роты.

Раненый старшина доложил командиру роты о выполнении задачи и только после этого попросил разрешения покинуть взвод.

М А Н Е В Р

В штабе гвардейского корпуса, куда я прибыл по вызову, встретили меня мой старый сослуживец начальник политотдела корпуса гвардии полковник Колесник и деятельный начальник этого штаба гвардии полковник Овсянников.

С Колесником мы быстро решили все вопросы обеспечения войск нашей дивизии.

Штаб корпуса располагался в небольшом лесу, северо-западнее аэродрома. По собранности и строгости Овсянникова, по стремительным и уверенным движениям офицеров штаба было заметно, что все они чем-то обеспокоены.

Овсянников не терпел медлительности. Он сразу объявил мне, зачем я так быстро вызван.

— Звонил начштаба армии гвардии генерал Лукин и предупредил о решении командования перебросить вашу дивизию в район совхоза имени Фрунзе и селения Бражники. Только сейчас положил трубку телефона адъютант командарма гвардии капитан Ивакин. Он передал, чтобы вы срочно явились к генералу Шумилову.

Сгоряча я высказал Овсянникову свое недовольство, что такая перестановка может отрицательно сказаться на выполнении поставленной перед нами задачи. Сменить днем на виду противника одну дивизию другой — по-моему, неправильно. Это тем более плохо, что наша дивизия по личному приказанию командарма уже готовилась к штурму намеченного ей района города Харькова. Все наши политработники разъяснили бойцам, основываясь на обещании генерала Шумилова, что дивизия получит наименование «Харьковской», если первой ворвется в город.

— Это просто какое-то недоразумение,— говорил я.

Мое негодование остановил Овсянников, напомнив, что я могу опоздать и что командарм ведь еще может изменить свое решение.

Попрощавшись с офицерами корпуса, мы с командующим артиллерией дивизии подполковником Евсеевым помчались на вспомогательный пункт управления командующего 7-й гвардейской армией гвардии генерала Шумилова. До ВПУ было полтора-два километра, он находился на восточных скатах плоских высот, недалеко от одной из усадеб совхоза имени Фрунзе.

Около штабной землянки я встретил начальника штаба армии генерала Лукина. Он сурово смерил меня взглядом с ног до головы, отмахнулся рукой и повернулся к нам спиной, намереваясь спуститься вниз по ступенькам землянки, но затем в раздумье остановился, повернулся и подошел к нам с лицом, выражавшим реши-

мость. Мне стало понятно, что это по его предложению наша дивизия сменяется дивизией полковника Козака.

Еще не остыв от разговора с Овсянниковым и не видя выходящего из землянки командарма, я обратился к стоявшему рядом заместителю командующего.

— Товарищ гвардии генерал, если уж задумана такая смена войск, то ее необходимо обеспечить тогда артиллерией с земли и авиацией. Тогда эту операцию можно провести быстрее, без потерь, без срыва работы, уже законченной политорганами, партийными организациями и командирами.

И заместитель командующего предложил провести смену войск с наступлением темноты.

В это время из землянки показался командарм Шумилов, и, когда я шагнул ему навстречу для доклада, он громко пробасил:

— Не горячись, генерал Морозов. Ваша гвардейская дивизия будет наступать на Кулинич и станцию Основа, через нее атакует на центр города, прямо на площадь с памятником Тарасу Шевченко.

В этот раз он уже не пообещал, что наша дивизия станет Харьковской.

Ночью 18 августа части нашей дивизии вышли в новые районы и к утру следующего дня заняли свои полосы и рубежи атаки севернее селения Кулинич, оседлав дорогу Харьков — станция Салтов.

Главное направление дивизии проходило по огромной балке с пологими скатами, засеянной кукурузой и подсолнухами. Левая разграничительная линия проходила по большому фруктовому саду, заросшему бурьяном. На его деревьях не осталось ни одного плода. Возле помещения совхоза им. Фрунзе лежали ящики с упакованными в них колосьями убранныго хлеба, приготовленные для отправки в Германию. Сад, обсаженный тополями, тянулся с севера на юг до селения Бражники.

После артиллерийско-минометной подготовки полки дивизии перешли в атаку, прорвали оборону противника и продолжали успешно продвигаться в новых для них направлениях.

По западному скату балки, в центре боевого порядка 233-го полка, наступала рота гвардии капитана Василия Кужеева. В ее состав входил славный взвод разведчиков старшины Харуна Кудаяева.

Левее кудаевцев, по восточному склону балки, вдоль фруктового сада, наступал батальон капитана Николая Яркова.

Гвардейцы, как и пятнадцать часов тому назад, громил гитлеровцев, но только теперь на новом, обходном направлении. Враг бешено сопротивлялся, пытаясь сорвать стремительное наступление.

Фашистское командование 18 августа заметило нашу перегруппировку, а на другой день решило нанести нам мощный удар с воздуха. Мы насчитали десять девяток бомбардировщиков и шесть звеньев «мессершмиттов», прикрывающих армаду, ревущую в воздухе на высоте 5—6 тысяч метров. Казалось, что самолеты, скрываясь за рваными серыми облаками, летят далеко в тыл, на север. Стоявшие рядом со мной артиллеристы, наблюдая за полетом гитлеровских пиратов, строили догадки, что они летят для нанесения удара по какому-то большому объекту и, вероятнее всего, по сосредоточению фронтовых резервов или по большой танко-механизированной колонне, приближающейся к фронту. Но оказалось совсем другое: немецкая армада развернулась где-то за горизонтом и за облаками выстроилась в две колонны, самолет за самолетом, на дистанциях от 50 до 100 метров. Одна колонна шла строго по центру балки, другая, левая,—вдоль сада, с севера на юг.

С высоты 1500—2000 метров самолеты один за другим сбрасывали на нас смертоносный груз, состоявший из бомб разного калибра и кассет с прыгающими «лягушками».

Гитлеровцы растянули этот бандитский удар на глубину более двух километров, нанося его и по боевым порядкам 233-го полка гвардии майора Титаренко—от тылов первого эшелона до цепи батальонов, наступающих в первом эшелоне полка. Подверглись этому пиратскому налету батальон гвардии капитана Ивана Качанова, особенно рота гвардии капитана Василия Кужеева, и батальон гвардии капитана Николая Яркова. Погибли многие гвардейцы и герои взвода старшины Харуна Кудаева, сына кабардинского народа. Отважный Харун тоже получил тяжелое ранение. Погиб мужественный герой 25-летний комбат Николай Ярков.

Тяжелые потери принес нам этот удар гитлеровской авиации, но он не сломил нашей воли к разгрому врага

и освобождению Харькова. Наоборот, противник своими действиями усилил к нему нашу ненависть. Бойцы буквально рвались в бой, охваченные стремлением отомстить за погибших товарищей. Такое настроение солдат и офицеров надо было использовать, дать ему нужное направление.

Утром, после короткого, но достаточно плотного артиллерийского удара и налета нашей авиации, части дивизии при активной помощи харьковских рабочих полностью уничтожили немецко-фашистские подразделения в пригороде и в разрушенных заводах северо-восточной и юго-восточной окраин Харькова.

Громя отступающего и переходящего в контратаки противника, воины дивизии к исходу первого дня вышли на рубежи: 238-й гвардейский полк майора Ивана Медведева северо-западнее Кулиничей оседлал левым флангом шоссе станция Салтов — Харьков; 235-й гвардейский полк подполковника Григория Скируты вышел южнее Горячево; 233-й полк гвардии майора Степана Титаренко на ходу пополнялся, продвигаясь за правым флангом дивизии; 173-й артполк гвардии майора Константина Поляковского и истребительный дивизион капитана Сушицкого-Ястреба побатарейно сменяли огневые позиции и перемещались на новые.

97-й минометный полк «катюш» гвардии подполковника Чумака поддивизионно подходил и привязывался к местности сзади наблюдательного пункта дивизии, чтобы с утра следующего дня обрушиться всей огневой силой на скопление врага.

Вечером командарм поздравил дивизию с успешным выполнением задачи на новом, обходном направлении и тут же поставил другую: «Завтра, к исходу дня, овладеть селом Петреков и станцией Основа (юго-восточнее Харькова)».

Всю эту ночь разведчики 235-го полка во главе с гвардии лейтенантом Николаем Ипатенко наблюдали за передвижением противника к нашему фронту и вдоль него, от станции Петреков до здания института.

Ночь прошла в тревогах и беспокойстве за фланги дивизии, за 235-й полк, которым командовал Скирута. Пришлось обращаться к соседу, старейшему гвардейскому генералу, товарищу по битве на Курской дуге, под Белгородом, командиру прославленной гвардейской ди-

визии генералу Василенко и просить его об огневой поддержке. Он по-дружески ответил:

— Знаю, почему беспокоишься. Боишься за своего Скируту. Ложись, отдохни. Я за своим левым флангом, на стыке с тобой, введу своего третьего сына. (Так мы называли своих командиров полков при личных разговорах по телефону).

Рано утром, на заре, без единого выстрела гитлеровцев атаковал батальон гвардии капитана Кирилла Салаева, а потом пошел в атаку весь 235-й полк. За быстро продвигавшимся 235-м перешел в атаку 238-й полк. Он был нацелен на станцию Основа.

Дивизия, ломая сопротивление противника, вырвалась вперед, но сосед справа, теперь 72-я гвардейская стрелковая дивизия, отстал и оголил наш правый фланг.

Враг не замедлил воспользоваться этим. После сильного огневого налета гитлеровцы контратаковали наш фланг, открытый, но несколько развернутый направо. Они лезли, не считаясь с потерями, расчищая себе путь из автоматов и легких пулеметов. Однако смелый и инициативный командир 233-го полка майор Степан Титаренко, находившийся во втором эшелоне за правым флангом дивизии, не упустил момента, обрушился на противника, отбросил его, закрыл образовавшуюся брешь и оставил позицию только тогда, когда сдал ее подошедшему полку дивизии генерала Лосева.

Части дивизии на плечах отступавшего противника освободили села Петреки, Кулинич и к концу дня завязали бои за станцию Основа и железную дорогу, идущую с юго-востока, из Рогани на Харьков.

ХАРЬКОВ В ОПАСНОСТИ

В городе слышались взрывы, и были видны поднимающиеся к небу облака дыма и пыли.

Группы разведчиков старшего лейтенанта Кузнецова проникли через Основу в центр города, на площадь с памятником Тарасу Шевченко.

Гвардии старший лейтенант Кузнецов пробрался в сожженное здание и из подвала передавал по радио о варварских разрушениях центра города, о расстрелах патриотов украинского народа.

Из этих донесений стало очевидным, что дивизия должна ускорить наступление, двигаться быстро, решительно, спасти харьковчан и предотвратить в своей полосе разрушение города.

Я принял решение ввести в бой и второй эшелон. Как раз к этому времени полк майора Титаренко сдал соседу справа позицию в месте разрыва, образовавшегося на правом фланге. В наступивших сумерках полк спешил, чтобы встать на свое место в боевом порядке дивизии. А мы вместе с командиром танкового полка и адъютантом мчимся в правофланговый 238-й гвардейский полк, где у командира полка уже идет совещание. Обсудив некоторые положения, командир полка майор Иван Медведев, его замполит майор Смирнов, командиры батальонов майор Свечников, капитан Завадский и старший лейтенант Гарбузов предложили создать штурмовые группы по опыту городских боев в Сталинградском сражении. Стрелковое отделение, два сапера, один-два огнеметчика.

— И танк,— добавляет командир танкового полка.— Вот вам и штурмовая группа.

— Противотанковые пушки должны идти следом за танками,— предлагает начальник артиллерии полка гвардии майор Макеев.

Чтобы ускорить формирование штурмовых групп и помочь командиру полка, начинаем это дело с батальона второго эшелона. Даем ему роту танков, взвод саперов. На первый случай создаем десять групп и назначаем время общей атаки.

К концу этой работы в пустом цехе сгоревшего кирпичного завода, где расположилась опергруппа штаба дивизии, появляются командир 233-го гвардейского полка майор Титаренко, его замполит майор Овсянников, за ними командиры батальонов капитаны Андрей Антонов, Иван Кочанов и Анатолий Андреев. 23-летний Андреев был старшим адъютантом в 1-м гвардейском батальоне капитана Яркова. Андреев во всем подражал своему комбату, и командование вполне правильно назначило его комбатом вместо погибшего в бою Яркова.

Для успеха предстоявшей операции требовалось точно рассчитать: где и в какой момент повернуть 238-й полк на новое направление и начать там атаку через станцию Основа на центр города, как ввести в действие

штурмовые группы, когда начинать атаку батальоном 233-го гвардейского полка в полосах, ранее предназначавшихся для батальонов 238-го гвардейского полка, когда 233-й полк должен овладеть районом станции Основа, форсировать реку Уды и отрезать пути отступления противника на Мерэфу и Бабаи.

Когда все это было рассчитано, утвердив решения командиров 233-го и 238-го полков и пожелав им боевых успехов, мы отправились на левый фланг дивизии, в 235-й полк. Здесь отработали взаимодействие резервов дивизии с полком и подвижным отрядом заграждения, наступавшими за левым флангом дивизии, готовность к отражению ожидаемых контратак противника из Бабаи при форсировании реки Уды.

Политработники, секретари партийных и комсомольских организаций полков, батальонов, дивизионов разъяснили задачу в танковых экипажах и штурмовых группах, которым придавались танки. Некоторые политработники успели провести накоротке беседы с пригородным населением, освобожденным от оккупантов.

В три часа ночи 23 августа полки дивизии, усиленные артиллерией и минометами, танками и саперами, пошли в наступление.

Противник открыл сильный артиллерийско-минометный огонь по боевым порядкам 233-го и 235-го гвардейских полков из районов Покатиловки, Червонного шляха и с западного берега реки Уды, где наших войск еще не было. Из Бабаи и из леса, что южнее Бабаи, он вел пристрелочный или методический огонь из тяжелых орудий.

ГВАРДЕЙСКАЯ ВСТРЕЧА

На станцию Основа подходило пополнение. Его принимал гвардии капитан Николай Ситников. Сюда же прибывали офицеры из отдельных частей за получением пополнения; здесь заправлялись автомашины и танки, сосредоточивались раненые. Основа была в центре нашего наступления, и этой ночью она стала нашим тылом, откуда части везли все необходимое для боя и жизни гвардейцев.

Темной августовской ночью мы двинулись со станции Основа по незнакомой нам улице вслед за танками. На-

до было побывать у командира 238-го гвардейского полка майора Медведева. С затемненными фарами, сначала осторожно и на первой скорости, чуть быстрее пехоты продвигались два приземистых «виллиса». Впереди на «хорхе» — автоматчики под командованием гвардии сержанта Годуменко; отделение бывалых солдат и саперы во главе с замечательным разведчиком, минером и подрывником гвардии сержантом Николаем Красюковым. Всеми ими командовал лихой и храбрый донской казак, адъютант комдива гвардии капитан Федор Казмин,

На «виллисах», прятавших свои радиаторы за широким «хорхом» и подсвечивавших его диффер подфарниками, вместе со мной, командиром танкового полка и командующим артиллерией дивизии ехали радисты, бывшие школьники волжского города-героя Таня Ноздренкова и Володя Сальков.

Не хотелось немецко-фашистским оккупантам оставлять вторую столицу Украины и уходить из Харькова, но огромные крылья войск Степного фронта охватывали позиции гитлеровцев с северо-запада и юго-востока, а 57-я армия Юго-Западного фронта уже наступала с юга.

Фашистское командование, испытывшее недавно силу ударов хорошо знакомых ему донских и волжских армий, заставляло своих солдат упорно сопротивляться и организованно отступать на Полтаву, Красноград, Первомайский, Балаклею, за Днепр. Безнаказанно выпустить из мешка гитлеровских бандитов, убивавших украинских патриотов и увозивших награбленное имущество, было бы преступлением. Надо срочно принимать дополнительные меры для уничтожения противника, отходившего через хутор Южный на город Мерефу и через Бабаи на Безлюдовку.

Где уж тут соблюдать меры предосторожности! Безумно, но мы зажигаем фары машин и мчимся со скоростью 40—50 километров в час.

Быстро догоняем командира полка Медведева и его штурмовые группы, танкистов, пехоту, артиллеристов, саперов, огнеметчиков. В бою они действовали отлично: броней, гусеницами и огнем сметали со своего пути всех, кто им оказывал сопротивление. Иван Иванович Медведев, когда мы спускались в подвал его КП, раз-

говаривал с командиром разведывательной группы гвардии лейтенантом Владимиром Кузнецовым.

Кузнецов докладывал, что он встретился с разведчиками дивизии гвардии генерала Серюгина, и они сообщили, что их полк скоро будет в центре Харькова.

Медведев сидел спиной к входу, не видя нас, и уверенно сказал Кузнецову, что и его гвардейцы тоже скоро будут у памятника Тарасу Шевченко и рады встретиться там и обнять товарищей по боям под Белгородом.

Медведев доложил нам о действиях противника и своего полка и получил приказ ускорить продвижение и действовать смелее, чтобы во взаимодействии с идущим навстречу полком дивизии генерала Серюгина разгромить фашистов в центре города Харькова. И наша опергруппа помчалась в 233-й полк майора Степана Титаренко — снова через Основу. Майор Титаренко приказывал командиру 3-го батальона капитану Андрею Антонову ввести роту второго эшелона и так организовать наступление батальона, чтобы уничтожить всех гитлеровцев, которые уходят по дороге на город Мерепу.

Рано утром мы вместе с майором Титаренко прибыли к комбату Антонову. Ракеты одна за другой взлетели в воздух, повисли на парашютах и, покачиваясь, медленно опускались, освещая отходящего врага. А впереди в темноте ревели моторы. Чувствовалось, что машины были перегружены и преодолевали какой-то подъем.

Гитлеровские солдаты и офицеры орали во все горло, вероятно, подгоняя водителей. Шоферы с перепугу включали изредка то фары, то подфарники. По всему было видно, что противник спешит удрасть.

А гвардейцы 1-го батальона капитана Андреева и батальона капитана Антонова притихли и ждали сигнала. Командир полка Степан Титаренко объясняет мне, что гитлеровцы, отступающие от Харькова, еще не дошли до их боевых порядков.

Но не успели мы приблизиться к кургану, как услышали четкую артиллерийскую команду:

— По колонне автомашин противника — осколочным. Батарея, огонь!

Это была команда командира батареи лейтенанта Ильи Матыцина.

Дорога на Мерепу была закрыта для гитлеровцев,

отступавших из Харькова. Стрелковая рота гвардии старшего лейтенанта Горбатенко из батальона капитана Антонова, заняв позицию вдоль дороги, не пропускала ни пешего, ни конного. Порядок!

На левый фланг дивизии мы приехали, когда было светло. Командир полка гвардии подполковник Григорий Скирута доложил, что в четыре часа ночи вел бой с противником, контратаковавшим из Бабаи, и левый фланг полка повернул на юго-восток.

— Предполагаю, — говорил Скирута, — что фашисты сегодня попытаются сковать нас контратаками и обеспечить отход своих войск на юго-запад. Сосед слева, правофланговый полк дивизии генерала Скворцова, всю ночь вел тяжелый бой у реки Уды, южнее Бабаи.

Ранним утром 23 августа командир полка гвардии майор Медведев доложил из Харькова: «Последний выстрел из своей полковой пушки по врагу сделал командир орудия парторг батареи Михаил Щеголев. Вышел на площадь, где памятник Тарасу Шевченко. Встретился с воинами 89-й гвардейской Белгородской дивизии генерала Серюгина».

Почему-то сразу передо мной встал образ этого замечательного человека. Не впервые воины нашей дивизии действовали вместе с полками генерала Серюгина. В битве на Курской дуге мы вели тяжелые ожесточенные бои на западном берегу Северного Донца, изматывая и обескровливая остатки армейской группы «Кампф» и этим обеспечивая подготовку к развертыванию войск для наступления на Белгород и Харьков.

В памяти всплыли черты простого русского лица, богатырский вид человека, говорящего на «го», дерзновенно храброго, тогда еще, в первой половине июля 1943 года, гвардии полковника, не раз водившего своих воинов в ожесточенные контратаки и атаки, замечательного командира Серюгина. Вспомнились ожесточенные бои на рубеже ст. Гостищево — Вислое — Киселево — Сажное — Шахово.

А разве можно забыть те минуты нашей борьбы с гитлеровскими захватчиками, когда мы с гвардии полковником Серюгиным отводили войска на армейский рубеж!

Темная, дождливая ночь. В воздухе гудят немецкие разведчики. Они сбрасывают бомбы и разноцветные

парашютные ракеты. Просвеченные ими дождевые капли падали сверху сплошными разноцветными струйками радужной воды.

Мы с Серюгиным шли в хвосте тыльной походной заставы, за нами двигались наши машины. Гитлеровцы совсем рядом, во ржи. Они что-то кричали, но не стреляли. Однако мы с автоматчиками держали оружие наготове.

Перед рассветом мы натолкнулись на глубокую обрывистую балку и торопились, чтобы найти переезд и выскочить на шоссе Белгород — Короча.

Разыскивая переезд через балку, мы с Серюгиным нарвались на танк, но чей он был, невозможно узнать. Осветить его фарами машин было рискованно. Полковник Серюгин сильным басом спросил:

— Чей это танк? Что с ним случилось?

И буквально через секунду над нашими головами полетели пучки трассирующих пуль и снаряды. Это отвели на вопрос Серюгина из немецкого танка «пантера». Совсем близко мимо нас пронеслась свистящая и воющая смерть.

Под бешеным огнем наши автоматчики все же добрались до танка, сожгли его и не дали выскочить из него ни одному гитлеровцу.

Через несколько минут, преодолев балку, мы выехали на шоссе Белгород — Короча. Нас вывел мой адъютант гвардии капитан Федор Казмин. А еще через несколько минут мы уже отдыхали и сушились в батальонах гвардии капитанов Ивана Акимова и Якова Завадского, встретивших нас у хуторов Яблоновка и Почтовый.

МЕРЕФСКАЯ ОБОРОНА

Высоко на трехъярусном правом берегу реки Уды разместилось село Бабаи со своими винокуренными и пивными заводами.

Террасированный берег реки и заводы с. Бабаи были подготовлены немцами к обороне. Траншеи тянулись вдоль правого берега в направлении на юго-восток, упираясь флангом в лес. Их яростно обороня-

ла гитлеровская пехота. Прямо за шоссеиной дорогой Харьков—Мерефа, на северо-восточных скалах—ряды высот, проходящих через Мерефу, и южнее ее до Утковки, также был подготовлен противником рубеж обороны. Впереди, восточнее станции Мерефа, проходил широкий и глубокий противотанковый ров, воткнувшийся южным концом в речку Мжа, западнее Соколово. Он просматривался противником с наблюдательных пунктов, расположенных на Ново-Водолагинских высотах.

Южнее с. Бабаи враг занимал своими резервами Безлюдовку и Хорошевку.

На северных и южных скатах бабаинских высот до развилки дорог от Безлюдовки на Змиев и Чугуев тянулся дубовый лес, заканчиваясь у сильно заболоченной поймы реки Мжа.

В глубине—от железнодорожного моста у села Утковки, по южному берегу реки Мжа, через северную окраину совхоза «Красный Октябрь» и далее на юго-восток до Соколово—шла первая траншея первой позиции второй оборонительной полосы гитлеровцев, которая заканчивалась в глубине, на высотах южнее Новая Водолага—Борки.

Мерефа—крупный узел железных и шоссеиных дорог и мощный оборонительный пункт на путях к Краснограду и Лозовой. Более недели наши войска разгрызали этот орешек. К 26 августа немцы подтянули танки, предприняли сильные артиллерийские удары от Карачевки и Филипповки, а потом контратаки с северо-западной окраины с. Бабаи.

Противник, подтянув пехоту из Покатиловки и Мерефы, а затем еще из Безлюдовки и Хорошевки, контратакой отбросил дивизию назад и снова овладел с. Бабаи.

Ночью 27 августа полк майора Титаренко освободил Покатиловку, занял лес за нею и вышел с тыла к селу Бабаи. В это же время полк Скируты во взаимодействии с правым полком левого соседа обошел Бабаи с востока. На рассвете 28 августа полки согласованной атакой уничтожили гарнизон противника и освободили Бабаи. Остатки гитлеровцев, скрываясь в лесу, отходили на Мерефу.

К 30 августа противник с боями, неся большие поте-

ри, отвел войска и закрепился на западном берегу реки Мерефа.

От хутора Хорошевки по лесной тропе, вслед за полками, которые заняли противотанковый ров, мы вышли на западную опушку леса. На могучем дубе была оборудована вышка для наблюдения. Отсюда хорошо была видна Мерефа, расположенная на восточных склонах высот, растянувшихся с севера на юг. Нам видны были все улицы, идущие с востока на запад и с севера на юг, дворы и сады и снующие люди, прятавшиеся при обстрелах в погребка и щели.

Гитлеровцы боялись атак с тыла, с севера по дороге из Харькова, и из леса, восточнее дороги. Поэтому долго не удержались в противотанковом рву и бросили его. Этот ров разделял открытую и пологую местность между Хорошевским лесом и Мерефой.

На западной окраине стояли в ряд, как солдаты, двухэтажные дома, построенные из красного кирпича. Из их торцовых окон, поверх всей Мерефы, простреливая местность, били крупнокалиберные станковые пулеметы, а из нижних этажей этих домов немецкие пушки вели огонь прямой наводкой по боевым порядкам наших полков, занявших противотанковый ров и заводы западнее рва. Церковь, элеватор и железнодорожную станцию немцы использовали под опорные и наблюдательные пункты.

Гитлеровцы вскоре обнаружили наш НП в дубках и огнем минометов выжили нас оттуда. На противотанковый ров они навели свою авиацию, которая вскоре во время бомбежки в одной из землянок едва не похоронила половину оперативной группы штаба дивизии. Оставшихся в живых — меня, майора Мыльниковца, майора Сорокина, капитана Чеботаревского, моего адъютанта Федора Казмина спасли саперы во главе с инженером гвардии майором Борисом Тарасенко. После этого долго ходили мы глуховатыми и разговаривали, как немые — на пальцах, или писали друг другу слова на обрывках попадавшей под руку бумаги.

Восемь суток, с 28 августа по 5 сентября 1943 года, дивизия вела ожесточенные бои за город Мерефу.

Враг яростно огрызался на вокзале, в красных кирпичных домах, на насыпи железной дороги, в роще, на песчаных дюнах, на юго-западной окраине, на элева-

торе, на реке Мжа, возле Утковки и на железнодорожном мосту.

Фашисты бросали из резерва подразделения и части на Мерепу из Ракитного, со станции Водолага, от Утковки, совхоза «Красный Октябрь». Очень не хотели они сдавать Мерепу и пускать нас дальше реки Мжа, этого, казалось, непроходимого речного болота. Им надо было выиграть время для подготовки позиций в глубине Украины. И в то же время эту задержку в продвижении наших войск гитлеровцы использовали, чтобы жечь соседние села и хутора, угонять людей и скот. И наше терпение истощилось, нарастал наступательный порыв. 60-суточные бои в районе Белгорода и Харькова подготовили его. Ненависть и месть к немецко-фашистским оккупантам у гвардейцев росли с каждым часом, и воины громили врага беспощадно.

Полк гвардии майора Медведева сражался на песчаных дюнах, в основном лесу возле Утковки, на реке Мже, у захваченного железнодорожного моста.

Полк подполковника Скируты заканчивал очистку юго-восточной части города Мерепы и успешно наступал вдоль железной дороги Мерепы — Новая Водолага.

Полк гвардии майора Титаренко, выйдя на западную окраину Мерепы, доколачивал противника в красных домах.

В 8 часов 5 сентября город Мерепы был полностью освобожден, и войска дивизии вышли на восточный берег реки Мжа на участке от Утковки до совхоза «Красный Октябрь».

ВПЕРЕД, НА КРАСНОГРАД!

Разгромив остатки 850-го полка 282-й пехотной дивизии и до батальона пехоты 585-го полка 320-й пехотной дивизии на реке Мжа, части нашей дивизии освободили совхоз «Красный Октябрь», Соколовку и вышли на реку Ольховку.

Здесь, в сосновом лесу, севернее Утковки, состоялось чествование двух наших отважных воинов — вручение от имени Президиума Верховного Совета СССР орденов Красного Знамени исполняющему обязанности командира полка гвардии майору Ивану Ивановичу Медведеву и командиру батальона гвардии капитану Андрею Николаевичу Антонову. Закончив это приятное дело, мы поспешили в совхоз «Красный Октябрь», где уже расположился командный пункт 7-й гвардейской армии. Здесь мы получили от генерала Шумилова устный боевой приказ. Командующий потребовал до вечера 13 сентября сформировать из полученного пополнения усиленный батальон, во главе его поставить боевого и опытного командира и до утра 15 сентября освободить Новую Водолагу, овладеть рубежом Станичное — Каравай и безостановочно наступать на Красноград.

Разведчики лейтенанта Владимира Кузнецова, пробравшиеся в Новую Водолагу, сообщили: «Мы в домике у дедушки, у которого во время наступления на Харьков весной 1942 года останавливался командир кавалерийского корпуса генерал Сергей Соколов. Рядом — школа, превращенная в офицерский госпиталь; легкораненые готовят ее к обороне. В рядах немцев замешательство, они эвакуируют тяжелораненых в тылы 320-й пехотной дивизии. Ждем вас ночью».

По шпалам от железнодорожной будки на юго-запад, в направлении Новая Водолага в темноте шагал подполковник Скирута вместе с сильно поредевшими подразделениями своего гвардейского полка. На ходу, ведя бои, полк пополнялся новыми силами — украинской молодежью.

Левее его стремительно продвигался усиленный отряд под командованием бесстрашного оренбургского казака гвардии майора Ивана Алексеевича Акимова. Ему предстояло выйти в тыл противника между населенными пунктами Просяное и Новая Водолага, отрезать пути отхода немецко-фашистскому гарнизону и ночью, во взаимодействии с соседом слева, уничтожить гитлеровцев в здании водолагской средней школы.

Утром 15 сентября в Новой Водолаге было тихо, и только отдельные глухие выстрелы раздавались с чердака школы. Это гитлеровские офицеры, боясь ответственности, пускали себе пулю в лоб. Вечером этого же дня полки нашей дивизии освободили Просяное, Лихово, Княжное и вышли на рубежи — полк гвардии подполковника Скирута на юго-западной окраине Новой Водолаги, отряд майора Акимова — на южной окраине Лихово и полк майора Медведева севернее селения Станичное. Уставшая рота гвардии лейтенанта Нестерова, двигаясь на Станичное, тащила за собой 45-миллиметровые пушки. Грязь лезла за широкие кирзовые голенища сапог, но волжские гвардейцы упорно шли вперед, тащили на себе нужное для боя оружие и боеприпасы. Следом за ротой, ревя перегретыми моторами, двигались автомашины. Это передовой отряд, буксуя, еле поднимался на небольшой подъем грейдерной дороги.

Гитлеровский батальон, после сильного огня своей артиллерии, контратаковал роту Нестерова. Несмотря на численное превосходство гитлеровских войск, гвардейцы не дрогнули. Патроны кончались, и они били по фашистской пехоте даже бронебойными снарядами. Когда у врага произошло замешательство, лейтенант Нестеров крикнул: «За Родину!» — поднял бойцов и повел их в атаку. Короткая рукопашная схватка, и противник не выдержал удара, бежал и не остановился на северной окраине селения Станичное.

Ровно через час здесь мы благодарили храброго гвардейского командира Нестерова, его роту и допраши-

вали пленного ефрейтора 13-й роты ПТО 585-го полка 320-й пехотной дивизии. Его захватил гроза гитлеровцев помощник командира разведывательного взвода старший сержант Голчанский. Пленный рассказал, что им приказано цепляться за каждый рубеж, населенный пункт, любой ценой удерживать их, не пускать советских гвардейцев на Красноград. Но немецким солдатам, говорил он, хочется поскорее попасть за Днепр, за которым, как убеждают офицеры, создан «непреодолимый днепровский вал — там можно будет отдохнуть. Здесь же день и ночь атакуют волжские гвардейцы, а кормят немецких солдат плохо: выдают небольшое количество хлеба и один раз в сутки горячую пищу. «Еле ноги переставляем и начинаем грабить», — откровенно признался пленный.

А как они грабят — нам об этом со слезами на глазах рассказала чудом оставшаяся в живых жительница из Просяного, 77-летняя Прасковья Даниловна Гриценко. Специальные фашистские команды поджигали подряд все дома. В деревне не осталось ни одной курицы и коровы, удирающие мерзавцы угнали скот и сожгли хлеб в копнах.

«Не доезжая до Краснограда, фашисты рассортировали мужчин и женщин, детей и стариков, — рассказывала об этом кошмаре бежавшая из Краснограда Одарка Ивановна Барабаш. — Детей, стариков и старух, непригодных к работе, они расстреливали, а трудоспособных насильно вталкивали в товарные вагоны и, как скот, отправляли в Германию на изнурительные работы».

Немецко-фашистские войска, прикрываясь сильными арьергардами, рано утром 16 сентября начали отход в юго-западном направлении. Части нашей дивизии, преследуя противника по пятам, в течение 16 — 18 сентября освободили населенные пункты Станичное, Прихневка, Ковалевка, Дегтяревка, Папиевка, Еротивка, Марсовка, Чапаевка и завязали бои за Красноград. Гитлеровское командование рассчитывало удержать Красноград как узел железных дорог, связывающий Днепропетровск, Павлоград и Полтаву, — узел коммуникаций всего участка фронта. Поэтому оно бросало сюда оставшиеся резервы, сгоняло население для строительства рубежей обороны на возвышенностях, окружающих город с северо-востока и юга.

Кудаев Харун Аскарлович

Правее от нас выходила на рубеж атаки гвардейская дивизия, начальником политотдела которой был гвардии полковник Григорий Иванович Денисов. Левее — к атаке готовилась дивизия полковника Василевского.

Наша гвардейская находилась в центре боевого порядка армии и готовилась к атаке на Красноград с севера, со стыка размоченных дождем и разрушенных

гитлеровцами шоссейных и железных дорог, сходящихся у Краснограда.

На стыке за дивизией генерала Лосева и нашей как подвижный эшелон армии развернулся первый механизированный корпус генерала Саломатина.

Местность, на которой расположились боевые порядки дивизии, была покрыта курганами. Эти небольшие высотки как подковой огибали Красноград с северо-востока и юга, с них хорошо были видны каменная мельница и крыши домиков городской окраины, выглядывавшие из садов.

На одном из дальних курганов, густо заросшем кустами талы разместился мой наблюдательный пункт. Сюда же, к НП, прямо на танке подкатил командир корпуса генерал Саломатин. За ним следом на «виллисе» появился командарм генерал М. С. Шумилов, а затем, врезаясь в кусты лозняка, подошла фронтовая радиостанция для того, чтобы вовремя доложить командованию фронта о том, кто первым ворвется в Красноград.

Начальство густо облепило НП дивизии и постепенно вытеснило нас в кусты. Шли последние приготовления будущих красноградцев к артиллерийской подготовке атаки.

Облака, редкие и пухлые, весело гнал куда-то теплый осенний ветерок. Выглянуло щедрое солнышко, и через несколько минут казавшиеся черными снопы еще не убранных копен хлеба засверкали отсветами.

Мы с полковником Петровым — командующим артиллерией корпуса — лицом к лицу стояли на четвереньках возле радики, прикрытой двумя большими кустами густого тальника. Ровные блестящие лозинки, которые были бы так хороши для рубки лихим кавалеристам, или для плетения корзин, обнимали наши грязные сапоги.

Шел разговор с командиром дивизии Василевским об огневом взаимодействии и одновременной атаке на Красноград. Его полки должны двинуться с юго-востока, а части нашей гвардейской дивизии — с севера и северо-востока.

Натужно ревели колесные и гусеничные тягачи противотанкового дивизиона, которые выводил и ставил, седлая дороги на Красноград от Верхнего Лимана и Песчанки, гвардии капитан Сушицкий-Ястреб. Старший радист Володя Сальков что-то кричал и показывал в сторону

мельницы, а я никак не мог его расслышать и только по жестам догадался, в чем дело: разведчики лейтенанта Кузнецова или лейтенанта Ипатенко, сигнализирующие красными флажками с мельницы, просят огня по скоплению пехоты противника.

— А где она? Куда надо огня? — спросил я Володю.

Но радист не успел мне ответить... Почти беззвучно, чуть шипя, у моих ног, в середину куста попал снаряд. Взрывом он вывернул коренья и глыбы плотной влажной земли и так ударил меня в спину, что я сшиб полковника Петрова и тут же почувствовал горячие, словно шилом сделанные уколы. Петров схватился за лоб, и я увидел, как между пальцами его правой руки просачивается кровь. Осколок рассек ему кожу от середины лба. Но левой рукой он держал трубку и продолжал принимать приказ. У меня же было такое ощущение, как будто отнимается нога.

Командарм подошел ко мне, когда шла перевязка, а уже через пятнадцать минут я был под ножом опытных хирургов медсанбата — гвардии майора Бутенко, гвардии капитана Александры Баскаковой и хирургической сестры гвардии старшины Ворошиловой.

За стеной домика Песчанки, где меня поместили после операции, хорошо были слышны гулкие удары гаубиц, звонкие, с каким-то особым треском залпы 76-миллиметровых пушек и, наконец, гвардейское протяжное «а-а-а!». Значит, наши пошли в атаку.

— Это, товарищ гвардии генерал, повел гвардейский полк на Красноград ваш бывший первый адъютант Иван Алексеевич Акимов, — сказала военврач Саша Баскакова, как бы стараясь успокоить меня, что все-де будет хорошо.

— Да, — ответил я, — Ивана Алексеевича Акимова знаю давно, с Дальнего Востока, еще когда он служил старшиной эскадрона 84-го дважды Краснознаменного кавалерийского полка. Я в то время был начальником штаба этого полка и не раз в голове эскадрона пел кавалерийские песни вместе с Акимовым, особенно пархоменковскую. Знаешь? «Ты ждешь, Лизавета, от друга привета».

Совесьть моя за такую оценку, которую я дал храбрым командирам, выросшим из адъютантов и политработников, была чиста. И очень скоро эта оценка получи-

ла подтверждение. Гвардейцы полка майора Ивана Акимова, во взаимодействии с воинами дивизии полковника Василевского, после артиллерийской подготовки первыми прорвали вражескую оборону и в 20 часов 18 сентября 1943 года ворвались в Красноград. Следом за гвардейским полком Ивана Акимова пробилась в город полки майора Степана Титаренко и подполковника Георгия Скируты. В боевых порядках передовых подразделений были саперы гвардии майора Бориса Тарасеяко. Смело, с какой-то особой стремительностью расчищал путь артиллерии сапер старшина Богород. Он лично уничтожил более восьми фрицев и снял сто мин.

Вся ночь прошла в кровавых схватках и отражениях контратак противника. Только к 5 часам 19 сентября Красноград полностью был освобожден частями дивизии — от северной до юго-западной окраин. Над освобожденным городом развевалось Красное знамя, и наша гвардейская дивизия получила почетное наименование — «Красноградская».

К ДНЕПРУ!

Недобитый 585-й пехотный полк и подразделения 320-й пехотной дивизии гитлеровцев цеплялись за каждый выгодный рубеж: речку, хутор, село — и всеми средствами старались задержать гвардейцев, чтобы благополучно уйти за Днепр.

Противник бросался в контратаки, хотел дать нам бой на рубеже цепи курганов и озера Письмановка. Но приказ командарма генерала Шумилова требовал 20 сентября выйти на восточный берег реки Орчик. И мы выполнили его, не позволив противнику задержаться на намеченном им рубеже.

Воодушевленные похвалой командования и званием красноградцев, гвардейцы сломили сопротивление противника и, преследуя, громили его отходившие подразделения. К 20 часам 20 сентября части дивизии овладели населенными пунктами Александровка, Чернещина, Рунувщина, форсировали реку Орчик, освободили села Гусарка, Павловка, Ямполь, Грбовщина и передовыми отрядами продолжали пробиваться на юго-запад к Днепру.

Левобережное среднее Приднепровье — это золотое дно. Природа его прекрасна, а народ — душевно красивый и гостеприимный. Здесь каждая семья — потомки запорожцев. Это люди страстной любви к Родине. Здесь плодородная земля и полноводные реки, богатые урожаи полей, садов, огородов, выращиваемые трудолюбивыми людьми.

Немецко-фашистские оккупанты осквернили все эти богатства природы, нанесли огромный ущерб, истязали людей.

За все эти варварские злодеяния над нашими братьями и сестрами — украинцами — гвардейцы дальневосточники, сибиряки, волгари, донские казаки и теперь пополнившие наши ряды воины-украинцы жестоко мстили врагу и уничтожали его беспощадно.

Продолжая выполнять приказ командующего армией генерала М. С. Шумилова, наша дивизия в ночном бою разгромила немецкие части прикрытия, освободила Григорьевку, Шевченково, Новую Катериновку, Коноваловку и рано утром 21 сентября вышла на рубеж Н. Григорьевка — Малая Нехвороща.

После длительных боев и изнурительного безостановочного движения мы закрепились. Нам было разрешено подтянуть и привести части в порядок, подготовить артиллерию, к концу дня освободить населенные пункты Н. Григорьевка, Малая Нехвороща, Соколова Балка, Андреевка, Ливенское, в течение ночи на 22 сентября овладеть шоссеиной дорогой Ливенское — Канавы и освободить Нехворощу.

После короткого отдыха и сосредоточения полков на Канавинском и Нехворощинском направлениях наша артиллерия нанесла мощный удар по огневым позициям врага, а пехота атаковала Канавы и Нехворощу. Закончив ночную схватку с противником, гвардейцы принялись уничтожать вражеские отряды прикрытия, путившиеся бежать.

К утру 22 сентября полки освободили Канаву и Нехворощу, южнее их под сильным огнем гвардейцы залегли. Справа — полк Григория Скируты, слева — полк Степана Титаренко и во втором эшелоне — полк Ивана Акимова.

Мне хорошо было известно из послужного списка и личного рассказа славного героя битвы на Волге комбата капитана Ивана Гужва, что родом он с Украины, из Полтавской области, села Нехвороща, и что его мать и жена Дуся перед войной уехали из Хабаровска в Нехворощу и о судьбе их ничего не знал герой. Сам Иван Гужва погиб в Сталинградской битве северо-западнее Старой Отрады, недалеко от Волги.

И вот любимая Нехвороща капитана Ивана Гужвы освобождена воинами, которых он водил в атаки на приволжской земле.

Вспомнил я, что его саманная хатка — недалеко от

школы, у самого берега реки. Сердце и разум подсказывали — поискать семью храброго комбата и, если кто жив, — воздать им заслуженное жизнью героя.

Мы с адъютантом Федей Казминым возле маленькой бело-серой, обмытой дождями, вросшей в землю хатки. Открыв скрипучую дверь в маленький коридорчик, мы чуть не свалились в темноте, ударились о следующую дверь, оказавшись ниже первого порога.

Федея постучался, и мы услышали приглушенное старческое: «Войдите».

Вошли. Маленькая комнатка, слева — дверь, против нее туалетный столик. На нем в аккуратной рамке фотография офицера Советской Армии. Капитан Казмин делает быстрый шаг вперед, берет фотографию в руки и громко говорит:

— Товарищ генерал, вот наш старший лейтенант Иван Гужва. Ура! Нашли!

В это же время справа от кровати к нам бросается молодая, лет тридцати женщина с возгласом: «Ваня! Где наш Ваня? Откуда вы его знаете?» Это была супруга капитана Гужвы. А из другой комнаты, из-за нашей спины появилась его старенькая мать.

— Вот видишь, Дуся, на счастье мы выставили портрет Вани, который хранили от немецких палачей в под-земелье.

Они еще не знали, что их Ваня пал смертью храбрых в бою за город-герой. Мы не стали сразу сообщать о гибели комбата Гужвы. Попросту говоря, не хватило духу вот так, при первой встрече, ошеломить мать горестным известием.

Мы пригласили жену героя — Евдокию Гужва к себе, а там, в полку, в котором он служил, командовал батальоном и пал смертью героя, рассказали ей все.

Утром 23 сентября разведчики гвардии капитана Соболева и старшего лейтенанта Черевичко донесли, что противник начал отходить к Днепру в направлениях Переволочная, озеро Атаманское, Старый Орлик и к Шульговке. По пути отступления враг уничтожает населенные пункты и угоняет людей специальными отрядами СС.

К 20 часам 23 сентября противник у переправы в районе Старый Орлик сосредоточил до 500 человек пехоты, до 1000 повозок и машин. В районе переправы — западнее Шульговки — до 200 автомашин, 8 танков и до

полтора тысяч солдат и офицеров. Артиллерия противника уже переправлена на западный берег Днепра и оттуда ведет пристрелку. На восточном берегу Днепра противник оставил танковые подразделения с десантами для прикрытия переправ и переправляющихся войск и тылов.

Тяжелым оказался наш осенний путь до Днепра. Украинский чернозем в этой болотистой местности превратился в топкое жидкое месиво, в него глубоко влезали гусеницы танков и колеса автомашин, тягачи садились на днища и диферы, пушки и повозки вязли по самые оси; солдату — по колено и лошади — по живот, а противника надо было бить, не давая ему оторваться и благополучно уйти за Днепр.

И гвардейцы совершали чудеса выносливости. Расстегнув воротники и подоткнув плащ-палатки за пояс, они без усталости шагали по черноземному месиву, гнали и били врага, не давая ему передохнуть или зацепиться за выгодный рубеж.

Ни огонь артиллерии и минометов, ни танки противника не могли остановить гвардейцев. В панике гитлеровцы бросали все и бежали за Днепр, в Бородаевку.

В 17 часов 24 сентября передовые отряды наших полков добились остатков немецкого прикрытия и вышли на левый берег Днепра.

УКРАИНСКИЙ БОМБАРДИР

У берега Днепра между устьями рек Ворскла и Орель, в селе Старый Орлик, мы с начподивом Дмитрием Большаковым, оба опираясь на клюшки, зашли в низенькую, чистенько побеленную и подготовленную к зиме хатку. Навстречу нам вышла уже пожилая, но очень приятной наружности женщина. Следом за нею появился и хозяин. Тербя густые усы, он басил:

— Заходите, заходите, товарищи. Кажется, командиры. Гостиами будете.

— Здравствуйте,— приветствовали мы хозяев.

— Здравствуйте, дорогие наши освободители. Рады, очень рады вас видеть,— с доброй материнской улыбкой ответила нам хозяйка.

— На нашей украинской земле,— добавил хозяин. И

еще раз приветствовал: — Здравия желаем... а ну, скажите, как дальше-то?

И начподив начал ему помогать:

— Здравия желаем, товарищ гвардии генерал!

— Вот, кажи, вдвоем и разобрались, — успокоился добродушный старик. — Да наш брат, советский человек, обидится, если что не так. У него разум, сердце и душа человеческие, — разговорился хозяин. — А вот у этих проклятых басурманов-фашистов образ как бы человеческий, а хватка звериная. Они не понимают, что человек стоит на сто голов выше зверя. Им убить человека, все равно что галушку проглотить. Я служил в русской армии бомбардиром, и як тильки не колотили мы их ще тогда. И вот же, погани души, никак ума не наберутся.

— Ну что же ты, батько, держишь людей у порога? Приглашай в хату... Вы простите ему, товарищи военные, это же челоличе — непоседа, он же наголодался до разговору. Все время, пока были на нашей земле немцы, он молчал и ни с кем не балакал, как воды в рот набрал. И теперь, — сказала нам хозяйка, — он должен обязательно все высказать. Он расскажет даже, как по ночам уничтожал гитлеровских бандитов. А прежде-то бывало, когда придет на побывку зять, нашей старшей дочки муж, командир батареи, он ему покоя не давал. Его очень интересовали новые порядки в Червонной Армии, и особенно в артиллерии.

Тут бомбардир с лукавой улыбкой на лице подсел свою супругу:

— Ты, мать, знаешь что, — гостей баснями не кормят. Давай-ко тащи на стол, что прятала. Не забудь и половинку горилки, что приготовлена для любимого зятка. А я пока что командиру и комиссару расскажу, как мы с тобой воевали з немцами и как легче перебраться через Днипро.

На столе через пять минут действительно появилась горилка. Такая крепкая, что горела в деревянной ложке, зажженная кресалом мужественного бомбардира.

Глотнув из стопки, бомбардир крякнул и опять заговорил, мешая русскую речь с украинской:

— От-то добре. Долго бабка не давала это зелье пить. Боялась, что я тильки тяпну горилки, так зразу разболтаю, як мы з ний вмести германских чертив истребляли.

Бомбардир налил по второй чарке и посоветовал закусить салом и цибулей.

— Ну, братцы, за Червону Армию, за ее командиров и комиссаров, за нашу добру встречу и чтоб вы скорейше зигнали войско бишеного Гитлера з нашей украинской земли, як когда-то вмисти с донскими казаками Богдан трепал лыцарев.

Потом бомбардир рассказал, как он вместе со своей бабкой Ганнушей незаметно воевал в тылу врага.

— Было це так,—сказал бомбардир.— Однажды немци встали к нам на квартиру и, напившись, начали приставать к нашей дочке Одарке. Да вот и она, наша доню. Знакомсья, доню. Це наши красные командири,—представил нам бомбардир свою меньшую дочь. Теперь ей уже 19 лет.

Девушка была на редкость красивая.

— И где только мы ее не ховали, чтобы спасти от бесчестия и увоза в Германию. Почти ценой наших жизней нам удалось спасти ее. И вот она теперь с нами... Так вот, однажды к нам на квартиру встал германский офицер со своим холуем. Они потребовали баню, а потом после банной парки — яек и масла. Напились они изрядно. Стащили дочку с печки и повели в сарай, на сеновал. Мы с бабкой переглянулись, и я раньше их выскочил из хаты и забрался на сеновал. Дочку они подвели к лестнице, солдат первым залез по лестнице сеновала и стал поворачиваться на четвереньках, чихая от пыли. Тут я его стукнул гирькой, и он даже не охнул, ткнулся в сено носом. Дочка подала мне руку в темноте. И в то самое время, когда офицер лез следом по лестнице, она со всей силой ударила его ногой. Он загремел вниз, упал навзничь и затылком крепко ударился о землю. И тут же бабка обухом топора добила его. Навалили мы их на тачку, засыпали навозом — сначала одного, потом другого вывезли и бросили в пучину Днепра с камнями на шее. Это была наша первая, пусть и небольшая, но победа над врагом.

В другой раз в этой семье был уничтожен немецкий офицер. Он назвался врачом и стал осматривать дочку бомбардира, которая сказалась больной. Немец выпроводил родителей в кухню. Бомбардир и его жена опять приготовились защищать свою дочку. Офицер, умевший немного говорить по-русски, сказал:

— Ты худой, девка, но зато изыячный и красивый очень. Твои губки пухлый и нежный, ты совсем здоровый.

Затем он схватил Одарку за голову и хотел целовать. Мать бросилась в комнату и со всей силы огрела фашиста по затылку пестом от медной ступки. Фашист застонал и грохнулся на пол. Глубокой ночью старики завернули бандита в рогожу, привязали ему на шею два печных колосника и опустили на дно Днепра.

Рассказав все это, бомбардир встал и произнес:

— А теперь, командир и комиссар, за дело, айда. Около северо-восточного берега нашего Восточного острова затоплены лодки. Доставайте, и на них этой же ночью можно переправиться на ту сторону Днепра.

АРМИЯ ФОРСИРУЕТ ДНЕПР

В результате пятидесяти суток ожесточенных сражений в левобережье Днепра войсками Воронежского, Степного и левого крыла Юго-Западного фронтов были разбиты 8-я полевая, 4-я танковая армии и группа «Кампф» противника. Освобождены города Харьков, Изюм, Борвенково, Мерефа, Лозовая, Красноград, Полтава и сотни других городов и сел Украины. Прорвана глубоко эшелонированная оборона врага и успешно развивалось наступление советских фронтов на Переяслав-Хмельницком, Кременчугском и Верхне-Днепровском направлениях.

Несмотря на осеннюю распутицу и раскисшие дороги, наши войска вели наступление высоким темпом.

Войска Воронежского фронта нанесли противнику удар из района Ромны в направлении Переяслав-Хмельницкий и, пройдя тяжелыми боями более 150 километров, вышли к Днепру юго-западнее и юго-восточнее Переяслав-Хмельницкий.

Разгромив полтавскую и красноградскую группировки противника и пройдя с боями более 100 километров, войска Степного фронта при активном содействии левого крыла Воронежского и правого крыла Юго-Западного фронтов заставили оккупантов, бросая вооружение и технику, спешно отступать к кременчугским и бородавским переправам. Но переправы были разрушены,

и шесть пехотных, две танковых и одна моторизованная дивизии гитлеровцев были прижаты к Днепру в районах Кременчуг, Старый Орлик и через несколько дней уничтожены и пленены.

Корпуса левого крыла Юго-Западного фронта 22 сентября вышли к Днепру северо-западнее и севернее Днепро-дзержинска, но с ходу форсировать его не смогли и временно перешли к обороне.

7-я гвардейская армия наступала в составе Степного фронта, в его центре и левом крыле — на Красноградско-Пятихатском направлении. Своим правым флангом и центром она сворачивала оборону противника по реке Ворксла от Кобеляки до Кишеньки и Перевалочной у Днепра, по реке Орель и восточнее ее от Нехвороща — на Царичанка и Шульговка у Днепра.

В полосе наступления нашей 81-й гвардейской дивизии сводные отряды разбитых 320-й, 282-й, 39-й пехотных и 6-й танковой дивизий врага контратаковали наши части, осуществляя подвижную оборону, уносили ноги и фашистские штандарты за Днепр.

К 22—24 сентября 1943 года войска Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов вышли к Днепру и передовыми отрядами в ночь на 24-е приступили к форсированию этой мощной водной преграды и захвату плацдармов на правом берегу.

Успешное наступление четырех фронтов — к 25 сентября левобережная Украина была освобождена, за исключением территории к западу от Лосева и востоку от Запорожья. За пять-шесть последующих дней Днепр был форсирован советскими войсками от Киева до Днепро-дзержинска.

На широком фронте — от впадения реки Воркслы у пристани Перевалочной и до реки Орель к юго-востоку от Старого Орлика — наши гвардейцы подходили к Днепру. И прямо с ходу готовились форсировать реку на подручных средствах: рыбацких лодках и бочках, на плотах, сколоченных из ворот и бревен. Ничто и никто не могли остановить гвардейцев на левом берегу.

Только нашим воинам было под силу форсировать такую реку, как Днепр, без специальных переправочных средств.

Днепр — самая большая река в Европе, после Волги и Дуная. Левый берег пологий, изобилует озерами, ли-

манами, болотистый возле устья Воркслы. Правый берег только в отдельных местах пологий, а в большинстве мест крутой, изрезан оврагами и от уреза воды поднимается до ста метров. Местами Днепр разделяют острова, поросшие высокой травой, камышом, чаканом, тальником и даже деревьями.

24 сентября разведчики старшего лейтенанта Черевичко, гвардии капитана Соболева, а с ними вместе и саперы вышли на левый берег Днепра. Они извлекли со дна реки лодки, затопленные украинцами еще при подходе оккупантов, конопатили, мазали их смолой, солидолом и тут же начинали форсировать Днепр.

Первыми эту большую водную преграду преодолели саперы, а с ними — разведчики гвардии лейтенанта Верхошанского, сержанта Ефремова, гвардии младшего лейтенанта Редько.

В сумерки 24 сентября на подготовленных подручных и табельных средствах подразделения 238-го гвардейского полка и разведчики гвардии капитана Соболева форсировали часть реки Днепр и сосредоточились на острове Восточный, что в 500 метрах юго-западнее села Старый Орлик, напротив Бородаевки.

Остров Восточный, казалось, был пустынным и мертвым. Только гвардейцы изредка и осторожно тревожили траву, камыш и талы. С острова было хорошо видно, как днем 25 сентября гитлеровцы установили возле противотанкового рва пулеметы, вкапывали танки и на северо-восточной окраине Бородаевки сосредоточивали пехоту и устанавливали пушки на прямую наводку.

В ночь с 25 на 26 сентября часть Днепра форсировали 233-й и 235-й стрелковые полки. Они сосредоточились на острове Западный. Здесь свои огневые позиции оборудовали артиллеристы гвардии майора Поляковского; на прямую наводку встали истребители танков — батареи гвардии старшего лейтенанта Евгения Губина, — и готовились к броске саперы гвардии майора Бориса Тарасенко.

Противник нервничал, вел артиллерийско-пулеметный огонь наугад, простреливал зеркальную поверхность Днепра и острова.

С наступлением темноты 26 сентября войска дивизии двинулись с острова Западный и полностью форсировали Днепр. Захватили плацдармы на правом берегу.

28 сентября части дивизии, отразив все контратаки противника, сломили его сопротивление и расширили плацдарм, овладев участком шоссейной дороги и селом Анновка.

С утра следующего дня продолжался бой за расширение плацдарма. Немецко-фашистские войска оказывали упорное сопротивление, особенно на балке Погребная. Их пехота с танками и самоходно-артиллерийскими установками прочно держалась за этот рубеж, десятки раз переходила в контратаки, с отчаянием пытаясь обескровить наши части и сбросить их в Днепр.

БИТВА ЗА ПРАВОБЕРЕЖНУЮ УКРАИНУ

Давно-давно запорожские казаки под командованием Богдана Хмельницкого у Желтых Вод разгромили шляхту и изгнали ее с родной земли. А теперь здесь же наши гвардейцы вместе с гвардейцами 15-й дивизии генерала Е. И. Василенко разгромили оккупантов на Днестре у Бородаевки и гнали их на Пятихатки, к Желтым Водам, а потом и дальше, очищая украинскую землю от захватчиков.

После пятисуточного кровопролитного боя на бородаевском плацдарме гвардейцы прорвались в глубь правобережной Украины. Очевидно, фашистское командование потеряло надежду вернуть днепровский рубеж, и с 30 сентября противник, прикрываясь танко-самоходными группами и налетами авиации, с арьергардными боями начал отходить в юго-западном и южном направлениях.

Боясь удара с днепровского плацдарма на Криво-рожском и Кировоградском направлениях, особенно в стыке между ними, фашистское командование, бросив в бой резервы из района Пятихатки, пыталось нас остановить.

Разворачивалось сражение за правобережную Украину. От берега Днестра и до большого изгиба железной дороги, возле Лозоватки, восточнее Пятихатки, гвардейцам пришлось с тяжелыми боями продвигаться на подъем, преодолевать заболоченные ручьи и речки, в том числе балку Погребную и ее притоки. На этих местах были укрепления днепровского оборонительного рубежа, и противник упорно в них сопротивлялся. Наша дивизи-

зия, справа — дивизия полковника Василевского и слева — гвардейский полк дивизии генерала Скворцова перешли к обороне и с 1 по 18 октября вели напряженные бои на рубеже Погребное — Акимовка.

Фронтные резервы противника выгружались на станции Пятихатки, колоннами на автомашинах и десантами на танках, на больших скоростях мчались по дороге Лозоватка — Лиховка и сосредоточивались в лесу, по юго-западному берегу балки Погребная, у Вольных Хуторов. Гитлеровцы наращивали удар в направлении Лиховка — Бородаевка. И чем больше они напирали, тем сильнее и яростнее гвардейцы уничтожали оккупантов.

Герой Советского Союза командир орудий гвардии старшина Александр Швецов и гвардии сержант Александр Кузнецов, находясь со своими противотанковыми орудиями в боевых порядках гвардейцев, отлично действовали при отражении атак пехоты и танков противника.

Но вот через балку Погребная прорвалось более роты пехоты и взвод танков «пантера». Эта сила навалилась на гвардейский взвод старшины Соловьева и орудийные расчеты Швецова и Кузнецова и окружила их. Гвардейцы не спасовали и встретили врага смело. Взвод старшины Соловьева и орудийные расчеты заняли круговую оборону и в течение одного часа отбили три атаки, уничтожив более взвода гитлеровской пехоты, два танка, удержали свои позиции и заставили противника отойти на Буденновку.

Потеряв большое количество пехоты и танков на Бородаевском направлении, противник в ночь с 18 на 19 октября продолжал отход на юго-запад и юг. Но к исходу дня 19 октября он снова бросил в бой резервы, контратаками остановил наше преследование и стал закрепляться на рубеже Пятихатки — Водяное первое.

Только на двадцатые сутки наши войска забрались на вершину Пятихатского водораздела. Отсюда все реки текут на юг, к Черному морю.

До Желтых Вод здесь оставалось 30 километров, а до Щорска — 10—12.

20 октября полки нашей дивизии, усиленные танками 5-й гвардейской танковой армии, по приказу командарма М. С. Шумилова перешли в наступление в направлениях: полк Героя Советского Союза подполковника

Григория Скируты — на Щорск и полк Героя Советского Союза майора Степана Титаренко — во втором эшелоне, за левым флангом полка Героя Советского Союза Ивана Акимова, наступавшего на Алферовку.

Снова жаркие бои. Враг цеплялся за каждый выгодный рубеж, переходил в контратаки. Мы старались предвидеть его намерения, заранее готовясь выбивать его с позиций, на которых он мог закрепиться. Особо упорное сопротивление противник оказывал на реке Саксагань и на подступах к Щорску. Используя авиацию и артиллерию, танки и пехоту, гитлеровцы бросались на наши фланги на повороте реки Саксагань на юг.

Гитлеровцы крепко держались за этот рубеж железных и шоссейных дорог, связывающих Кировоград, Кривой Рог, Днепропетровск. Но наши гвардейцы, совместно с танкистами генерала Ротмистрова, последовательно громили по частям войска противника.

Ценой жизнью многих из наших товарищей мы разгромили и отбросили врага далеко от Днепра. Здесь погиб командующий артиллерией дивизии гвардии подполковник Михаил Павлович Евсеев и начальник штаба артиллерии гвардии майор Митькин. Прах их покоится на украинской земле в селе Желтые Воды.

В ночь с 25 на 26 октября по приказу командарма М. С. Шумилова полки дивизии сдали свои участки частям 53-й стрелковой дивизии полковника Василевского и начали марши вдоль линии фронта по маршруту Лозоватка—Желтое—Зеленое и к вечеру 28 октября сосредоточились на рубеже Спасово, Водяная, организовав разведку в сторону Верблюжки и Варваровки.

Наша дивизия и поддерживающие ее танковые части генерала Ротмистрова оказались здесь на направлении, пересекающем немецко-фашистские войсковые группировки «Юг» и «А». Вместе с другими соединениями 7-й гвардейской армии мы вбивали клин между Кировоградом и Кривым Рогом.

УКРАИНСКИЕ ГОСТИ

В канун праздника Великого Октября к нам приехали гости из села Зеленое. Делегацию гостей возглавлял председатель колхоза «Радняньский селянин» Григорий

Викторович Кислый и комсомолка Раиса Алексеева. Гвардейцы встретили гостей с особой теплотой и радушием, как представителей не только колхоза, но и всего украинского народа.

С гневом поведали гости нашим гвардейцам о зверствах, издевательствах и насилиях немецко-фашистских оккупантов над колхозниками.

Председатель колхоза Григорий Викторович Кислый рассказал гвардейцам, как гитлеровские бандиты расстреляли Марию Ляшенко и ее брата Андрея только за то, что они отказались выполнить распоряжение старосты об отправке их в Германию. Бандиты-оккупанты разграбили колхозное добро, угнали скот.

Горячо, страстно и пламенно выступала комсомолка Рая Алексеева.

— Дорогие советские гвардейцы! — говорила она. — Мы с радостью встретили вас, своих родных освободителей. По поручению колхозников мы из наших скрытых от гитлеровцев запасов привезли в подарок гвардейцам две тонны пшеничной муки, 350 яиц, 500 литров молока, сало и двух быков на мясо, а также табак и шерстяные носки. Примите наш дар, кушайте на здоровье, гвардейцы, и скорее истребляйте фашистов, гоните их с нашей родной украинской земли, а мы обещаем вам в кратчайший срок восстановить наш колхоз «Радняньский селянин».

Чистосердечные и гостеприимные люди освобожденной Верблюжки также вздохнули свободно, избавившись не только от тирании гестаповцев и полицаев-предателей, но особенно от зверств карательного кавполка, наряженного в форму донского казачества. «Это были волки в человеческой шкуре», — говорили украинцы.

Стоял пасмурный день. Подходил конец мокрой осени. Местные жители предсказывали, что ночью пойдет проливной дождь и тогда на дорогах будет непролазная грязь. К счастью, эти предположения не оправдались, и на зорьке мы радостно вздохнули. Утро было тихое, и на земле лежал глубокий снег. У копны сена и возле курятника у хаты, в которой мы остановились, множеством заячих и лисьих следов.

Гитлеровцы сразу воспользовались снегопадом и за ночь подтянули на наше направление пехоту и артиллерию. За эту снежную ночь они сосредоточили против

одной нашей дивизии части 384-й пехотной дивизии и дивизии СС «Мертвая голова».

Наши усилия прорваться в ворота между Кировоградом и Кривым Рогом долгое время успеха не имели. Стоило нашим полкам подняться и перейти в атаку на разъезд Чабановка и поселок Сотненский, как противник бросался в контратаку и отбрасывал нас назад, на прежние позиции. На этом куске земли за месяц борьбы погибли многие наши ветераны.

Не стало среди нас храброго командира противотанкового артиллерийского дивизиона гвардии майора Сушицкого Георгия Григорьевича, прозванного в дивизии Ястребом. Убил его фашистский снайпер, когда майор в одной из батарей, севернее поселка Сотнинский, отражал огнем контратаку пехоты и танков противника.

Погиб отважный и мужественный комбат, гвардии капитан Алексей Новиков, герой сражений на Волге и боев на Курской дуге под Белгородом. Молодой батя — так звали его гвардейцы — воспитал в боях сына полка Витю Григорьева и как фронтовой отец не упустил случая — отправил Витю в Суворовское училище. Своих солдат он уверенно вел через пожарище боев за Харьков и Красноград, за Днепр и Желтые Воды и привел их сюда, ведя в атаку автоматчиков своего стрелкового батальона.

Потеряла здесь дивизия отважного и опытного командира полка Героя Советского Союза гвардии подполковника Степана Ивановича Титаренко. Прямым попаданием снаряда он был убит вместе со своим адъютантом гвардии старшиной Суховым и ординарцем гвардии рядовым Незнамовым.

Еще не кончилась артиллерийская подготовка, а танки с десантами нашей пехоты поднялись из балок и уже набирали скорость, чтобы успеть вовремя поддержать пехоту, которая ждала их в траншеях. И вот она, наша гордость, царица полей — пехота корпуса генерала Терентьева — выскочила из траншей за танками и подала свой голос: «Ура! Ура-а-а-а!» Через 30—40 минут оборона противника была прорвана. Бои шли весь день и всю ночь. К утру только полки нашей дивизии разгромили до двух батальонов 384 пехотной дивизии и до батальона дивизии СС «Мертвая голова», овладели селением коммуны имени В. И. Ленина, разъездом Чабанова,

оседлали, наконец, железную дорогу Кировоград — Кривой Рог.

Гитлеровцы, подтянув резервы, пытались проводить контратаки, но не имели успеха и перешли к обороне.

НАСТУПЛЕНИЕ НА КИРОВОГРАД

Овладев выгодными в стратегическом отношении районами северо-восточнее Кировограда и юго-западнее Пятихаток, войска 2-го Украинского фронта и часть сил 4-го Украинского фронта без промедления приступили к освобождению правобережной Украины на Кировоградском и Криворожском направлениях.

Разрубая фронт немецко-фашистских групп «Юг» и «А», они продвигались на запад. Немецким войскам временно удалось удержаться на левом берегу Днепра в районе Запорожья и Днепропетровска. Гитлеровское командование все еще лелеяло надежду отбросить советские войска за Днепр и восстановить свою оборону на его правом берегу. Для этого оно держало на юге более ста дивизий, несмотря на опасную обстановку, создавшуюся для них восточнее Кировограда и юго-восточнее Кривого Рога. В составе гитлеровских войск на юге было 82 пехотных и 24 танковых и моторизованных дивизий.

Советское командование, учитывая сложившиеся условия, поручило разгром указанных выше войсковых групп противника и полное освобождение правобережной Украины войскам четырех фронтов: 1-го Украинского (бывшего Воронежского) под командованием генерала армии Ватутина, 2-го Украинского (бывшего Степного) под командованием генерала армии Конева, 3-го Украинского (бывшего Юго-Западного) под командованием генерала армии Малиновского и 4-го Украинского (бывшего Южного) под командованием генерала армии Толбухина.

Первый Украинский фронт после отражения контрударов противника на Киевском направлении 23—25 декабря перешел в наступление, разбил житомирскую группировку противника, вклинился между его 4-й и 1-й танковыми армиями и глубоко охватил 8-ю и 6-ю армии.

Второй Украинский фронт после разгрома противника южнее и западнее Пятихатки, перерезав железную дорогу Кировоград—Кривой Рог, ко 2 января на своем левом крыле готовил прорыв обороны противника на фронте западнее Чигирина, Знаменки, восточнее Новгородки, ставя ближайшую задачу — освобождение города Кировограда.

Днем 1 января мы встретились с товарищем по битвам на Волге и на Курской дуге командиром корпуса генералом С. Горячевым.

Как и все фронтовики при встрече после длительного перерыва, мы отдали дань воспоминаниям о прошлом, а затем разрешили все вопросы предстоящего наступления на Кировоград. Вечером того же дня мы встретились с командиром одной из дивизий генералом Тихомировым — наши дивизии дрались рядом на Лысой горе, или, как потом ее называли гитлеровцы, — Горе смерти. Это было в битве на Волге в октябре 1942 года, в самое грозное время для нашей Родины.

Под Белгородом 93-я гвардейская дивизия генерала Тихомирова входила в состав моей группы, которая по приказу командующего фронтом прикрывала Корочанское направление и обеспечивала развертывание корпусов генералов Гусева и Труфанова на Белгородско-Харьковском направлении с 13 по 21 июля 1943 года. С генералом Тихомировым и его штабом мы решили вопросы взаимодействия. Пожилой генерал упорно переносил грипп «на ногах». Во имя скрепления нашей боевой дружбы мы выпили по рюмке водки, закусили и поменялись шапками. Я подарил больному другу волжскую, серой смушки каракулевую ушанку, а генерал Тихомиров подарил мне свою генеральскую папаху.

Не мог я тогда предполагать, что видимся мы с ним в последний раз... Он погиб в боях за Кировоград.

Сменив на переднем крае части 409-й стрелковой дивизии, гвардейцы нашей дивизии заняли рубеж этаки в 400 метрах юго-западнее Вершино-Каменка. В эту январскую морозную ночь, как назло, дул в лицо и нес поземку ветер. Полки щербиновцев и подполковника Скируты построились в боевой порядок в первом эшелоне дивизии, а полк подполковника Акимова — во втором эшелоне, уступом справа за полком щербиновцев. Соседи — справа гвардейская дивизия гене-

рала Лосева и слева гвардейская дивизия генерала Тихомирова — также строились для решительного удара по врагу с целью освобождения Кировограда.

В эту ночь с 4 на 5 января перед фронтом нашей дивизии была проведена разведка во главе с гвардии капитаном В. Черевичко и установлено, что гитлеровцы уплотняли свои боевые порядки. Части 2-й пехотной дивизии и подразделения 371-го пехотного полка, 161-й пехотной дивизии гитлеровцев прижимались друг к другу и мерзли, как куры на насесте.

Наши солдаты не спали и напряженно ждали начала артиллерийской подготовки. Они постукивали каблуками ботинок и сапог, перебрасывались короткими фразами, и каждый бывалый солдат, конечно, думал с опасением, как бы в предрассветной мгле, начиная атаку в конце артогня, не сбиться с направлений, которые им вчера днем были показаны командирами.

И вот настал момент атаки. Гвардейцы дивизии при поддержке наших пушкарей гвардии майора Поляковского и 290-го минометного полка во взаимодействии с гвардейцами дивизий генералов Лосева и Тихомирова начали наступление, разгромили противостоящего врага, прорвали его оборону и к 19 часам овладели кировоградским шоссе, юго-восточнее Новгородки. Утром 6 января, продолжая наступление, полки дивизии устремились к реке Ингул. К исходу второго дня боя гвардейцы, несмотря на открытый фланг, оголенный оставшим на 8 километров левым соседом, освободили села Новгородка и Ингуло-Каменка, юго-восточнее Кировограда. Ранним утром 8 января радисты всех частей и подразделений узнали, что за освобождение города Кировограда всем гвардейцам объявлена благодарность Верховного Главнокомандования, а дивизию Президиум Верховного Совета СССР наградил орденом Красного Знамени.

В МОЛДАВИИ!

Теплым весенним вечером после тщательной проверки подходов к берегу полки шли через мост, наведенный фронтowymi понтонерами через Днестр от города Рыбницы до рабочего поселка Резина.

К утру 11 апреля части дивизии сосредоточились на молдавской земле.

После жестоких боев и форсированного марша части дивизии отдыхали двое суток как дорогие гости и приводили себя в порядок перед большим маршем через всю Молдавию, в Румынию, до Хырлэу.

Полки Григория Скируты и Андрея Ворона со штабом дивизии расквартировались в молдавском селе Шестачи, полк Тимофея Селищева и арtpолк — в селе Алчедары.

Марш наших частей совершался форсированно по маршруту: Котовск, Рыбница, Резина, Шестачи, Флорешти, Бельцы, Глодяны, Штефанешти, Батошаны — и от Батошан круто повернул на юг к Хырлэу. Этим же маршрутом шла дивизия генерала Лосева.

Задача этого марша была следующая: 2-й Украинский фронт в марте после Корсунь-Шевченковской операции крупными механизированными и танковыми силами прорвал линию обороны противника западнее реки Южный Буг и вынудил его к такому поспешному отступлению, после которого гитлеровцы не могли зацепиться даже за такой рубеж, как река Прут, и, в частности, не успели взорвать мост возле румынского пограничного селения Штефанешти. Командование 2-го Украинского фронта в образовавшийся прорыв спешно подтяги-

вало общевойсковые соединения, чтобы сменить ими танковые дивизии после выполнения поставленных задач. Попутно войсками на маршах уничтожались небольшие отряды противника, не успевшие отступить с главными силами.

Ударами танковых и механизированных сил 2-го Украинского фронта был глубоко обнажен фланг гитлеровских войск, державших оборону в левобережье Прута. Фашистское командование делало все возможное, чтобы ослабить силу этого удара, сохранить свои позиции на подступах к Румынии и этим удержать своего ненадежного союзника от быстрой капитуляции.

16 апреля, 15 часов. Рассеяв мелкие группы противника возле селения Кубань и подойдя к мосту через реку Прут, воины нашей дивизии увидели сохранившийся пограничный знак, на одной стороне которого было обозначено «СССР», а на другой — «Румыния». Загремело в воздухе «ура!». Здесь, на западной окраине села Кубань и на восточном берегу реки Прут, воины 81-й гвардейской Красноградской Краснознаменной дивизии закончили освобождение своей Родины от захватчиков. И на западном берегу реки Прут, от румынского села Штефанешти, наши гвардейцы начали освобождение румынского народа от фашизма.

НА РУМЫНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Молодежь, дети, старики — все население Штефанешти запрудило дорогу по обе стороны и сопровождало нас дружными криками: «Руссешти! Руссешти! Ура!». И наши гвардейцы отвечали им: «Руманешти! Ура! Ура!».

24 апреля дивизия по приказу командарма М. С. Шумилова снова вошла в состав гвардейского корпуса Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Н. А. Васильева.

Первая гвардейская придворная дивизия 5-го армейского корпуса королевских румын после артиллерийской подготовки атаковала в стык гвардейских дивизий генералов Богданова и Денисенко силами 40 танков и двух полнокровных пехотных полков и потеснила их фланговые подразделения. Мы получили от генерала Васильева задачу разгромить вклинившегося противника, подготвить дивизию для проведения контратаки в общем направлении на Тыргул-Фрумос.

Полк гвардии майора Андрея Ворона занял рубеж атаки западнее и полк Григория Скируты — восточнее озера Булхак. Во втором эшелоне дивизии, на шоссе-ной дороге юго-западнее Белчешти, расположился полк Тимофея Селищева. Артиллеристы гвардии майора Константина Поляковского и гвардии капитана Федора Черепанова побатарейно привязывались к местности и засекали цели противника.

Пушкари и минометчики капитанов Евгения Губина и Анатолия Мартынюк быстро развернули свои батареи на полянах, растаявших по фронту и в глубину курстарниковых рощ, приступили к пристрелке орудий и

минометов по целям противника. Командир дивизиона гвардии капитан Николай Бузуев предупредил комбата Губина, чтобы он не увлекался пехотой врага и готовил своих артиллеристов для отражения танковых атак противника на своем направлении, а они ожидаются именно здесь, вдоль шоссе на Тыргул-Фурмос.

— По пехоте пусть огонь ведет своими минометами капитан Мартынюк, это его обязанность,— сказал Бузуев и побежал на вторую батарею.

Королевские артиллеристы вели сильный огонь. Самоходки, маневрируя, засыпали снарядами лес, в котором сосредоточился батальон капитана Якова Завадского. Целыми дивизионами они делали налеты на нашу пехоту и батареи артиллерии, занимавшие рубежи атаки и огневые позиции.

Рано утром, после удара нашей артиллерии и минометов, стрелковые полки Ворона и Скируты, а за ними и Селищева, сопровождаемые слаженным и точным огнем артиллеристов Поляковского и Черепанова, сорвали подготовленное королевскими гвардейцами наступление и, смяв их боевые порядки, успешно продвигались вперед, обходя Думбрэвицу с востока и запада.

После выполнения ближайшей задачи по овладению Думбрэвицей батальоны полка Ворона, майора Николая Ершова, капитана Анатолия Андреева и старшего лейтенанта Павла Выпасюк вели бой на железной дороге, у села Бужха и станции Куза-Водэ.

Батальоны капитана Николая Денисова, старшего лейтенанта Дмитрия Глуховцева и капитана Кирилла Силаева — полка Скируты — отражали контратаки противника на шоссе, восточнее ст. Куза-Водэ — Джурдже. Нужно было торопить полковника Скируту, вводить в бой полк Селищева и поближе подвести резерв.

Полки рано утром обошли Думбрэвицу с запада и востока и, громя противника, ушли на юг. Не заметив, они оставили кое-что и нам для работы.

Батальон 21-го пехотного полка 1-й придворной королевской дивизии не успел отступить и продолжал отстреливаться. Кто-то из артиллерийских командиров или солдат крикнул:

— Солдаты румынской армии! Складывайте оружие — и по домам!

Но в ответ на разумное предложение был открыт

огонь. Тогда орудия истребительного и самоходного дивизионов послали три залпа прямой наводкой. Румынская пехота собралась бежать, но было поздно. Командир батальона майор Никифор Шамшуров с саперами вышел войскам Антонеску в тыл. Услыхав мощное «ура!», королевские пехотинцы тут же побросали оружие и сдались в плен.

Толкать вперед гвардейцев полковника Скируты не пришлось. Полк к этому времени уже овладел участком железной дороги южнее Думбрэвицы и вел бой за Рэдиу. А введенный в бой полк Селищева овладел шоссе и железной дорогами, забрался на гору Гуженей и во взаимодействии с полком дивизии генерала Денисенко отбивал контратаки пехоты и танков противника, пятясь назад. Очень кстати начальник отделения штаба дивизии подполковник Демьян Мельников вел за собой батальон и саперную роту, а командующий артиллерией Сайк — истребительный дивизион и зенитную роту Николая Ушакова.

Командир королевской дивизии румын усилил свой полк второго эшелона танками, рассчитывая не только остановить, но и отбросить нас за железную дорогу и гору Гуженей.

В бою командир гвардейского батальона майор Шамшуров вел своих командиров рядом с собой и всегда держался поближе к старшему начальнику, чтобы выполнить своевременно задачу и бросить в бой своих воинов, а его заместитель по строевой части старший лейтенант Свитко с командирами взводов виртуозно руководил бойцами батальона. Рядом с собой Шамшуров держал старшего адъютанта старшего лейтенанта Якова Овчинникова, и это нас в такой опасный момент боя хорошо выручало. Шамшуров успел поставить задачу и организовать взаимодействие, чтобы на левом фланге дивизии, на стыке с левым соседом организованно встретить врага.

Напор противника, как штормовые волны, то нарастал, то ослабевал, и под этим напором полк Селищева, с боем отходя, увлекал королевских солдат за собой на равнину, между гор Гуженей и Кривешти, где их ожидали станковые пулеметы, пушки на прямой наводке, мины, наскоро поставленные саперами. Артиллеристы только ждали команду подполковника Сайк. И вот, ко-

гда румыны влезли в эти «ворота» между гор, на них обрушились все подготовленные огневые средства Шамшурова, Ушакова и Сайк.

В глубине, за рекой Бахлуй, находился укрепленный район противника, растянувшийся от реки Серет до реки Прут. Большая глубина обороны румын и ее прочность требовали немалых усилий и подготовки наших войск, но командующий 7-й армией генерал М. С. Шумилов сказал:

— Время и обстановка не позволяют нам долго готовиться и топтаться на месте.

1 мая командир корпуса генерал Н. А. Васильев устно отдал приказ:

— Утром 2 мая после артиллерийско-минометной подготовки во взаимодействии с танкистами маршала Ротмистрова прорвать оборону противника на фронте станция Куза-Водэ — гора Гуженей. Ближайшая задача: овладеть Куза-Водэ, Редиу, горой Гуженей. Последующая: взять Хэрмэнясу, Хелештиени и к исходу дня, — чуть улыбнулся генерал, — забраться на гору Кривешти. Вон она в дымке, видите?

Станция Куза-Водэ торчала в центре намеченного участка прорыва обороны противника. У изгиба железной дороги на север стояли торцом к фронту два каменных дома, и из их окон били пулеметы.

На юго-восток, вдоль железной дороги, одной улицей тянулось село Редиу. Строго на юг, в глубине обороны возвышался курган. Он был сильно укреплен. Дальше и вправо в полосе правого соседа было видно озерцо Баторкеме, на его берегах копошились люди, вероятно, солдаты какого-то госпиталя.

Влево, в нашей полосе, у самой разграничительной линии с левым соседом, были видны два кургана, по карте они назывались — гора Кривешти. На запад от нее видны были крыши домов двух больших сел — Хэрмэняса и Хелештиени. Это была наша последующая задача, и надо было выполнять ее любой ценой.

В весенней дымке испарений, за рекой Бахлуй, на северных скатах гор, поросших в отдельных местах лесом, мы видели со своего НП, что позиция противника имеет долговременные укрепления, в шахматном порядке стояли доты. Они были похожи на большие круглые копны сена.

Эта оборона на всю глубину была занята 1-й гвардейской. 4-й и 6-й пехотными дивизиями 5-го армейского корпуса румын, а кроме этого, укрепленный район был заполнен специальными частями и подразделениями.

Прорвать эту оборону с выходом к Тыргул-Фрумос нацелились два командарма: гвардии генерал-полковник М. С. Шумилов и маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров.

Тишину раннего утра второго мая в гористо-лесистой местности, перехватываемой узкими полосками посевов, разбудила своей сокрушительной силой залпов сотен орудий и минометов советская артиллерия. Артподготовка длилась 45 минут и закончилась мощными залпами «катюш» и стремительной атакой танков и пехоты.

Действительно, как и обещали железнодорожные рабочие, сопротивление румынской пехоты было слабым. Как только на ее траншеях оказывались советские танки, а за ними, не останавливаясь, двигалась пехота, мало кто оставался у бойниц.

Сломив сопротивление подразделений 1-й гвардейской придворной дивизии румын, мы прорвали ее оборону.

Отходя на юг, противник цеплялся за каждый дом и горку и всеми силами стремился остановить нас подальше от укрепленного района, который тянулся с запада на восток, перехватывая междуречье Серета и Прута. Особо сильное сопротивление королевские войска оказывали на рубеже железнодорожной станции Куза-Водэ, села Редиу и на участке села Хелештиени и горы Гуженей. Тут противник ввел корпусные резервы и жестоко контратаковал наши полки, особенно в направлении горы Гуженей, где успешно наступали гвардейцы подполковника Селищева. Части дивизии вынуждены были остановиться и перейти к обороне. Полк Скируты — севернее Хэрмэняса, полк майора Ворона — севернее Хелештиени, и полк Селищева — севернее горы Кривешти.

Подполковник Селищев забрался на гору Гуженей и доложил:

— Тут я, товарищ комдив, с батальоном майора Иржавского по-морскому на мертвую петлю пришвар-

товался. Готовлю своих сынов для броска поближе к укрепленному району.

После шестидневных мучительных попыток прорвать Тыргул-Фрумосский укрепленный район армиями генерала Шумилова и маршала Ротмистрова не удалось. И тогда они здесь перешли к обороне. В случае же прорыва этого укрепрайона сразу решилась бы судьба королевской Румынии, и немецко-фашистские войска вынуждены были постепенно отступать. Армии правого крыла 2-го Украинского фронта заходили им в тыл.

Теперь отчетливо, с расстояния* 800—1000 метров, было видно, что тут совсем не копны, а настоящие, давно знакомые нам по Дальнему Востоку доты современного образца.

Укрепленный район, состоящий из системы артиллерийско-пулеметных укреплений, имеющих многослойное огневое взаимодействие, был глубоко эшелонирован в две-три линии в шахматном порядке, дот от дота на 400—500 метров.

Когда солнце заходило на юго-запад и светило нам слева, мы видели даже металлические бронированные щитки, которыми закрывались амбразуры дотов.

Скаты гор, на которых расположен укрепленный район, смотрели на север и были покрыты рощами, лесом и придорожными посадками густых тополей. Дальше, если смотреть влево, в сторону Яссы, линия гор, изгибаясь, уходила на юго-восток.

Перед укрепрайоном протекала река Бахлуй и бежали горные ручейки с заболоченными берегами. Местность была непроходимой для танков.

За укрепленным районом, на удалении километра была подготовлена оборона полевого типа. В дотах располагались гарнизоны из войск 1-й охранной дивизии, а на позициях полевой обороны — 6-я и 4-я пехотные дивизии румын вперемежку с немецкими частями.

Перед фронтом нашей дивизии укрепрайон проходил северо-западнее Хэрменешти, возле Белчешти и горы Кривешти. Глубина его достигала южных окраин Руджиноаса и Тыргул-Фрумоса на железной дороге Яссы—Пашкани, выходящей на рокаду противника с севера на юг, вдоль реки Серет.

Резервы противника — 8-й парашютный полк и остатки 1-й гвардейской придворной дивизии — располагались

севернее Тыргул-Фрумаса. Гитлеровцы, опираясь на укрепрайон, силами двух своих танковых дивизий «Мертвая голова» и «Великая Германия» попробовали смять нашу незаконченную оборону и сорвать подготовку к наступлению. Но эта попытка разбилась о противотанковую оборону нашего гвардейского корпуса.

ЯССКО — КИШИНЕВСКАЯ

Еще в битве между Доном и Волгой в нашей дивизии родилась боевая традиция: перед каждой серьезной операцией обязательно проводить полковые собрания партийно-комсомольского актива, а при достаточном запасе времени — партийные и комсомольские конференции дивизии.

Так поступили и на этот раз. После тщательной подготовки мы провели сначала собрания в частях, а затем партийную конференцию. Это была первая конференция коммунистов дивизии за пределами своей страны, на освобождаемой нами румынской земле, в селе Валя-Ракулуй. Проводили ее два дня, за неделю до Яско-Кишиневской операции.

Мы хорошо понимали, что нашей дивизии недолго оставаться резервом.

Командир 24-го гвардейского корпуса Герой Советского Союза генерал Петр Петрович Авдеенко, любивший нашу дивизию за ее боевые успехи, настойчиво добивался перевода ее в свой корпус. Это мы поняли на заседании Военного совета армии.

Командир корпуса Авдеенко в шутку сказал мне: — Иван Константинович! Не быть мне праправнуком Богдана Хмельницкого, если не добьюсь возвращения гвардейцев 81-й дивизии вместе с тобой.

И вот я сижу рядом с комкором на его НП и слушаю. Он высказывает мне свои предположения, как будет развиваться Яско-Кишиневская операция в междуречьях Серета, Прута и Днестра, на землях Советской Молдавии и королевской Румынии. обстоятельно, подроб-

но, как школьнику, водя карандашом по карте, выкладывал мне комкор, как задумано уничтожить врага. Несколько раз он посмотрел мне в глаза, наконец твердо и решительно заявил, округляя карандашом район:

— Вот здесь, генерал Морозов, соединятся войска 2-го и 3-го Украинского фронтов между реками Васлуа и Красна, в районе селений Васлуй и Хуши. Это, посмотри, в ста километрах южнее города Яссы и более ста километров юго-западнее Кишинева. Так замкнется кольцо окружения, а мы с нашими гвардейцами прорвем укрепленные позиции противника на реке Бахлуй, севернее Тыргул-Фрумос и, обойдя его западнее, будем наступать в южном направлении, седлая реку Серет и отрезая противнику пути отступления на запад, в Карпаты.

Затем комкор осведомился, как укомплектована дивизия личным составом и как он подготовлен к боям, все ли имеет дивизия для выполнения задачи.

— А задача,— закончил комкор,—будет очень и очень тяжелой. Но мы уверены, она для дивизии по плечу.

Нам предстояло сменить на переднем крае дивизию генерала Михаила Богданова, и я попросил комкора о том, чтобы еще до этой смены мы совместно провели разведку. Комкор Авдеенко, улыбаясь, ответил:

— Когда твоя дивизия вернется в состав корпуса, тогда и решим — что и как делать.

До начала операции оставалось немного времени — она должна была начаться 20 августа.

Перед тем как уехать от генерала Авдеенко, я признался ему, что очень хочу встретиться с бывшим моим командармом, замечательным человеком и воспитателем, командующим 3-м Украинским фронтом генералом армии Федором Ивановичем Толбухиным.

— Никого, Петр Петрович, я так не любил, даже родного отца, как этого умного и талантливого полководца.

— А меня, своего комкора, хоба ж ты не уважаешь? — спросил Петр Петрович.

— О присутствующих не говорят,— ответил я комкору, хотя и для него в моем сердце много было хорошего.

Позже, на второй день после начала операции, комкор П. П. Авдеенко прикатил в нашу дивизию, чтобы поделиться радостью за успех наших войск...

СНОВА ВПЕРЕДИ

После разведки боем, проведенной усиленным батальоном по приказу командира корпуса П. П. Авдеенко, наша гвардейская сменила правофланговый полк гвардейской дивизии генерала Богданова и заняла оборону на фронте Ходара — Белчешти, по реке Бахлуй, в 10 километрах севернее города Тыргул-Фрумос, и была готова прорвать укрепленную оборону противника и наступать в направлении Тыргул-Фрумос. Боевой порядок дивизии был построен в два эшелона, штурмовые группы впереди. Пришлось полки майора Ворона и майора Томина строить в первом эшелоне на узком фронте, каждый в три эшелона, а полк Селищева — во втором эшелоне, за левым флангом дивизии. Кроме укрепрайона, перед фронтом дивизии оборонялись отдельные подразделения 46-й немецко-фашистской дивизии и 1-й гвардейской придворной пехотной дивизии короля Михая.

Очень помогло знание огневой системы и глубины далеко выдвинувшейся вперед главной полосы обороны противника. Силами подготовленных специальных подразделений и гвардейского батальона капитана Николая Денисова мы решили прорвать оборону врага и овладеть курганом Пулина. С падением кургана рушилась система обороны противника и, следовательно, от этого зависел успех всей нашей дивизии.

Было решено: как только определится успех разведки боем — вводить танки и главные силы дивизии.

Все мы, почти не отрываясь от биноклей и стереотруб, смотрели на курган Пулина, растянувшийся вдоль фронта со своими двумя верблюдообразными вершинами. Румыны и немцы уже успокоились после потери своих офицеров и с раннего утра беспечно бродили по всему кургану. Но вот за нашей спиной с какой-то необычной силой взвыли «катюши» дивизиона гвардейского полка полковника Чумака. После катюш на курган обрушили свою сталь гаубичные и минометные дивизионы артиллерийской бригады.

Используя момент, наши гвардейцы стремительными бросками приближались к рубежу атаки, в 150—200 метрах от полосы разрывов, прижавшись к земле, они ждали

переноса артиллерийского огня и сигнала к атаке за дымовой завесой.

Саперы под командованием заместителя комбата капитана Боруха под огнем врага и своей артиллерии рвали удлинненными зарядами проволочные заграждения, проделывая проходы для пехоты.

Наш расчет оправдался. Разведка боем обеспечила захват укрепленного кургана Пулина. Это выполняли роты, специально подготовленные для такого дела. Через боевые порядки закрепившихся рот, на широком фронте атаковал первый гвардейский батальон капитана Денисова. За ним и на его флангах, расширяя фронт прорыва, перешли в атаку сначала фланговые батальоны, а затем полностью оба полка майоров Ворона и Томина.

Безуспешно пытался противник остановить продвижение наших гвардейцев. Немецкие и королевские части начали поспешно отходить с кургана, бросая на поле боя пушки, пулеметы, минометы, убитых и даже раненых солдат и офицеров. Они хотели укрыться за укрепленным районом и речкой Бахлуй.

* * *

Войска румынского королевства, а с ними вперемежку немцы не сумели оторваться от гвардейского преследования.

Наши воины дробили их подразделения, выходили им на фланги и в тылы, уничтожали и брали в плен. На плечах противника гвардейцы ворвались на позиции укрепленного района.

Полк гвардии подполковника Селищева, вышедший вперед из второго эшелона, захватил мосты и переправы через реку Бахлуй юго-восточнее Белчешти и перерезал шоссейную дорогу юго-восточнее Бэйчени. За двое суток боев, к утру 23 августа, дивизия во взаимодействии с соседом справа — дивизией генерала Денисенко и соседом слева — корпусом генерал-лейтенанта Горячева полностью прорвала полевую укрепленную оборону противника и овладела горой Жора, селами Деречий, Жора, городом Тыргул-Фрумос и перехватила железную дорогу западнее и восточнее города.

Саперы разминировали шоссейную дорогу, и передовые отряды полков майора Ворона и подполковника

Селищева на арттягачах, танках и даже на повозках преследовали противника, отходившего в юго-западном направлении — к реке Серет, по шоссе Тыргул-Фрумос— Роман.

В головном отряде находился командир подполковник Селищев. Стягиваясь в дефиле между гор, отряд был обстрелян. Селищев, не теряя времени, приказал комбату головной ротой и батареей перейти к обороне и закрыть ущелье, остальными ротами обойти врага лесом с юго-востока и не выпускать его на Роман. Следующему батальону, подошедшему на машинах артполка, приказал спешиться и через лес отрезать противнику отход на юго-запад.

Довольно быстро полку Селищева удалось окружить врага. Шел бой. Вдруг вперед выскочил ординарец командира батальона Рудковский и на смешанном русско-румынском языке обратился через рупор к румынским солдатам. Как по взмаху клинка лихого кавалерийского командира, прекратилась стрельба, и слова гвардейского солдата широко разнес лесной резонанс:

— Солдаты румынской армии! Вчера свергнута фашистская диктатура Антонеску! Ваша Родина прекратила войну с Россией и капитулировала. А вы что же, за фашиста Антонеску деретесь? Прекращайте стрелять, сдавайтесь в плен!

В затихшем лесу раздались сотни голосов: «Руссешти, руссешти — ура-а-а-а!»

Сложил оружие и целиком перешел на нашу сторону 3-й горно-вьючный батальон 103-й румынской дивизии.

Полки дивизии, наращивая усилия, поспешно свортывали старую и новую оборону румын в междуречье рек Серет и Молдова, на подступах к городу Роман.

В тот же день 24 августа наши гвардейцы неожиданно были контратакованы и обстреляны с промежуточной укрепленной позиции за рекой Серет; на рубеже сел Сэбехани—Тэмэшени.

— Все орудия на прямую наводку. Громи доты и продвигай гвардейцев. Сегодня же взять Роман,— нажимал на нас комкор генерал Авдеенко.

И мы тащили все орудия на прямую, били по дотам, продвигая пехоту до самого штурма, или взрывали доты саперными средствами. Наконец полки дивизии прорвали последний промежуточный укрепленный район на фронте

Бейла—Струнга и во второй половине дня овладели городом Роман.

За четыре суток непрерывных боев дивизия уничтожила около четырех тысяч солдат и офицеров противника, 48 пулеметно-артиллерийских дотов, 460 орудий, 80 разных автомашин, взяла в плен более тысячи солдат и офицеров румынской королевской и гитлеровской армий и захватила большие трофеи.

Итак, румынский союзник вышел, как говорится, из игры.

На этом направлении 25 августа мы организовали взаимодействие с 11-й гвардейской кавалерийской дивизией донских казаков генерала Сланова. Совместно с нею мы пленили 1-ю придворную королевскую, остатки 4-й, 8-й пехотной и 13-й горной дивизий, взяв большие трофеи.

На следующий день, развивая стремительное наступление и продолжая действовать вместе с донскими казаками, дивизия разгромила танковые подразделения гитлеровцев, прикрывавшие отход своих войск, и, преследуя вражескую пехоту, наши гвардейцы ворвались в Карпаты и завязали бои с войсками венгерской и немецко-фашистской армий на укрепленных позициях в районе севернее города Тыргул-Окна.

ШТУРМ ВОСТОЧНЫХ КАРПАТ

Перед нашим взором за рекой Быстрицей — там, где она проходит у юго-восточной окраины города Бакэу, тянулись с северо-запада на юго-восток Восточные Карпаты.

После всхолмленной и пересеченной балками местности, между реками Серет и Прут, где завершалось окружение Яско-Кишиневской группировки противника, Карпатские горы, покрытые лесом, имели, казалось нам, успокаивающий вид. Они напоминали Сихотэ-Алиньский хребет дальневосточных сопок, покрытых непроходимой и нетронутой человеком тайгой.

Мы обгоняли колонны гвардейской пехоты, окруженные тучами пыли. Это наши полки неслись по дорогам предгорья Карпат, сидя на повозках. Хорошо тут помогли нам трофейные лошади, захваченные нами у врага.

Смелые парни румынских трудолюбивых крестьян по-

хозяйски выполняли обязанности ездовых. Они не отставали от быстро передвигающейся казачьей конницы, вместе с которой мы громили пехоту врага и освободили города Роман и Бакзу.

В тяжелом бою за город Роман, обеспечивая ввод казачьих полков в проделанный нашей дивизией прорыв в обороне противника, мы восхищались лихой стремительностью, дерзостью кавалерийских атак донских казачков, которых вели в атаку гвардии полковники Черников и Оприщенко и старейший конник Красной Армии, заместитель командира 11-й Донской казачьей дивизии гвардии полковник Василий Иванович Терентьев.

Немецкие и венгерские генералы стягивали последние ближайшие резервы в районах Тыргул-Окна, Аджу и Бырлад, чтобы попытаться освободить окруженную группировку и наглухо закрыть нам дорогу через Карпаты, но опоздали. 20-я румынская армия сдалась в плен. Остатки румынского фронта были разгромлены на Карпатах и в Трансильвании.

Впереди 238-го гвардейского полка неслась широкой рысью тройка. Она везла разведчиков лейтенанта Федора Кабанова. Обогнав гвардейцев и уменьшив скорость «виллиса», чуть не цепляя повозку за колеса, мы подъехали к разведчикам, и, приветствовав их, я спросил командира.

— Ну, как, Кабанов, похожи Карпатские горы и лес на наши дальневосточные сопки и тайгу?

— Нет, товарищ комдив, — ответил Кабанов. — Через тайгу и сопки надо пробираться звериными тропками, а там, где их нет, охотнику надо их прорубить. А здесь мы катим по ровной дороге. Но горы здесь повыше будут. Трудно еще придется нам, товарищ генерал, и в Карпатах. Но наша гвардия все преодолет.

Поблагодарив за такой ответ гвардии лейтенанта Федора Кабанова, я подумал: «Вот он, наш бывалый гвардейский солдат, советский суворовец. Он давно решил: там, где пройдет горный олень, пройдет и советский солдат».

Из предгорий мы вступили в горы. Здесь начался наш горный поход через Восточные Карпаты.

Через проход Люзи-Кэлугэра, как через ворота, ворвались в Карпаты наши гвардейские полки. Гитлеровским генералам и воякам венгерского сухопутного адми-

рала Миклоша Хорти казалось, что карпатские крепости советской гвардии не преодолеть, что у нас не хватит ни сил, ни возможностей для прорыва их карпатских позиций, подготовленных на разных высотах. А между тем донские казаки в конном строю и пехота на машинах и повозках, непрерывно ведя разведку, прокладывая себе дорогу, упорно пробивались через горы.

Трудно и опасно было, особенно казакам в конном строю или комбинированным боевым порядком в пешем и конном строю, втискиваться в ущелье с отвесными скалами, по дну которого бурлила горная река Тызлеу. Когда мы мчались на выручку гвардейцам генерала Сланова, меня узнал гвардии старшина эскадрона, мой одностаничник — кагальницкий казак Николай Барышников. Старшина по-хозяйски вел с коноводами сотню лошадей. Он обрадовался встрече, но для дружеских излияний не было ни времени, ни места, и старшина обратился ко мне с тревогой:

— Иван Константинович! Товарищ генерал! Спешите со своими гвардейцами на выручку. Мадыяры сверху строчат из пулеметов, перестреляют дорогу нам худобу — коней.

Когда гвардейские полки казачьей конницы веером разворачивались по выходе из ущелья на широкой пади севернее Таргул-Валя-Ра, на них обрушилась авиация и огонь пулеметов обороны противника, проходившей по хребтам Карпатских гор. Здесь была граница, отделявшая Румынскую Трансильванию, подаренную Гитлером диктатору Хорти — главе буржуазной Венгрии. Здесь гвардейцы нашей дивизии развернулись в боевой порядок, распрощавшись с добрыми румынскими ездовыми, и обрушились на мадыярские горные позиции всей силой.

По горной долине загремело «ура». Среди наших гвардейцев распространился и стал руководством к действию боевой лозунг: «Бей хортинцев, как бандитов Гитлера! Выручай донских конников!»

И гвардейская пехота выручила донцов, прокладывая путь через горы. Целую неделю наши воины пробивались через Карпаты в Трансильванию. Противник бросил на встречу нам свежие силы — 9-ю горно-вьючную венгерскую и 4-ю горноегерскую немецкую дивизии. При поддержке танков, авиации и артиллерии горные части противника старались не только задержать наш поход, но и

не выпустить нас, запереть в каменном мешке. Мадыяры и немцы пробовали выйти нам на фланги, затем окружить. Но защиту флангов взяли на себя донские казаки генерала Сланова и не дали нас в обиду.

Обеспечивая наши фланги и огромные разрывы с боевыми порядками соседей, продвигавшихся также в Трансильванию, а разрывы были от 10 до 12 километров, донские кавалерийские полки стремительными налетами наводили ужас и панику в рядах противника. И все же гитлеровцы и хортинцы лезли во все дыры, образовавшиеся в наших боевых порядках, используя каждое ущелье и заросшие густыми лесами тропинки. При всех трудностях горного перехода наши гвардейцы, когда удавалось, очень смело бросались в ожесточенные рукопашные схватки.

Так с боями, отбрасывая врага, дивизия продвигалась на запад. Надо сказать, мадыярская пехота быстро и умело устраивала лесные завалы на наших путях, и нашим воинам очень часто приходилось обходить такие завалы или под огнем останавливаться. Мадыярские минометчики, срезая верхушки толстых деревьев, устанавливали на них 50-миллиметровые минометы и своим огнем выживали нас из любого укрытия, ущелья и леса. Мины, разрываясь на верхушках деревьев, как бисером осыпали нашу пехоту мелкими осколками, наносили нам потери и срывали управление войсками.

Тяжело был ранен начальник штаба полка майор Валентин Купленский и убит замполит того же полка майор Овсянников. Фашистский осколок вырвал из наших рядов бесстрашного коммуниста, пламенного политработника, храброго воина и отца четверых детей.

С вечера, загрузив боеприпасами всю тару и подвесив гранаты на поясные ремни, бойцы готовились к решающей схватке с врагом. И вот в вечерней тишине Карпатских гор разнеслось мощное «ура!». Дерзкими атаками гвардейцы прорывали оборону то 4-й горногерманской немецкой дивизии, то 9-й горно-вьючной дивизии мадыяров.

Противник был не стойким, не выдерживал натиска. С боями мы прошли много километров горно-лесистой местности севернее Тыргу-Окна, Дэрнешти, успешно вышли в долину возле Меркуря-Чук. И только здесь, точнее этого городка, временно перешли к обороне.

В долину вышли ночью. Еще до рассвета укрылись на лесистых склонах.

Немецкие летчики на «мессершмиттах» разыскивали нашу дивизию, шныряли над опушками леса и полянами вдоль долин и ущелий, над вершинами гор и дорогами. Стреляли из пушек и пулеметов, сбрасывали бомбы и пустые ящики, падавшие с воем и визгом. Они много сыпали из кассет мелких бомб или, как их называли наши воины, «лягушек», как осы налетали на густые массивы леса, стреляли и бомбили, чтобы заставить нас показаться. Но гвардейцы умирали, но не показывались на открытой местности, не выдавали противнику расположения своих частей.

Как ни старалась немецкая воздушная разведка выяснить, где же наши гвардейцы закрепились после очередной и длительной 13-километровой ночной атаки, ей не удалось нас обнаружить. Только один-единственный раз подвел нас повар Николай из хозотдела штаба дивизии, бывший московский кулинар, задымив на радостях своей кухней. Накануне ночной атаки он был награжден орденом Красного Знамени за находчивость, храбрость, за то, что во время боя повернул и повел за собой отходившую роту, командиры которой пали в бою. Остановленная рота под командованием повара контратакой отбросила врага, уничтожив при этом более взвода фашистской пехоты.

После неудач воздушной разведки немецко-венгерское командование решило провести разведку боем точнее Меркуря-Чук, использовав танки и бронемашину.

Солнце, поднявшись над Карпатскими горами, грело нас после прохладной ночи и ослепляло противника. Танки врага, покачиваясь, передвигались, как гуси, чуть не тыкая друг друга в зад. Их колонна прижималась к крутому откосу горы, поросшему густым лесом. Справа от этой ползущей колонны, внизу, бурлил горный ручей с обрывистыми берегами.

Этими условиями ограниченного движения танков воспользовались гвардейцы. Одни из них, подкравшись, бросили связки противотанковых гранат в открытые башенные люки танков, замыкавших колонну в хвосте. Другие одновременно сделали то же с машинами, шедшими в голове колонны, и быстро скрылись в лесу. Огромной силы взрывы разнесли четыре танка, преградив

пути отхода остальным. Развалины «пантер» горели, в них продолжали взрываться боеприпасы. Остальные танки и бронемашины с их экипажами стояли, не зная, что делать. На выручку бросилась горная пехота противника и попала в подготовленную гвардейцами западню.

Куда ни бросалась немецко-мадьярская пехота, минувшей ночью бежавшая от нас, а сегодня пытавшаяся контратаковать, везде косили из пулеметов и автоматов. А тем временем занявшая огневые позиции артиллерия майора Гохокидзе и капитана Черепанова громила попавшие в ловушку танки с прямой наводки, применяя бронейные и осколочно-фугасные снаряды.

То наступая, то переходя к обороне и отражая контратаки врага, части нашей дивизии с 31 августа по 3 сентября уничтожили и пленили более тысячи солдат и офицеров гитлеровской и хортистской армий, подбили и сожгли 14 танков, 5 бронемашин. А самое главное — гвардейцы, прикрытые на флангах полками казачьей конницы гвардии полковника Василия Ивановича Терентьева, заменившего к этому времени генерала Сланова, прорвали «самую надежную» карпатскую оборону фашистского диктатора Хорти и вышли в долину реки Олт.

В СЕВЕРНОЙ ТРАНСИЛЬВАНИИ

Во второй половине августа в Румынии рухнула диктатура маршала Антонеску. Румыния становилась демократической, вступила в союз с СССР и объявила войну гитлеровской Германии. Вновь созданная 1-я румынская армия, во взаимодействии с 7-й гвардейской армией генерала М. С. Шумилова, в том числе 1-я дивизия румын вместе с нашей, приступили к изгнанию гитлеровских оккупантов с территории своей Родины, Румынской Трансильвании.

Настала очередь трещать по швам немецко-венгерскому военному союзу, и под ударами Советской Армии быстро развивался процесс крушения этого союза. В предвидении таких событий незадолго перед тем, в марте 1944 года, гитлеровская Германия оккупировала Венгрию, чтобы надежнее зажать ее в тисках своего «нового порядка» и сохранить «верность» своего сателлита. Но войска Хорти выполняли военные задачи гитлеровского командования только под угрозой расправы с венгерскими солдатами.

Армии генералов Жмаченко, Кравченко, Маногарова и Шумилова 2-го Украинского фронта и армии генералов Берзарина, Шарохина, Шлемина и мехкорпуса Жданова и Каткова 3-го Украинского фронта, уничтожив и пленив Яско-Кишиневскую группировку противника, прорвали оборону в Карпатах, разгромили венгерскую пограничную армию прикрытия и приступили к освобождению северной, а потом и западной части Трансильвании.

Советские кавалеристы 11-й гвардейской донского казачества дивизии на рыси обгоняли и громким протяж-

ным «ура!» приветствовали гвардейцев нашей дивизии за мужество, доблесть и храбрость, за то, что проложили им путь через суровые Карпатские горы.

Тут, в Тыргу-Мурешской долине, мы опять встретились с полковником Василием Ивановичем Терентьевым, ставшим командиром дивизии донских казаков. С ним мы были сослуживцами по 31-й кавалерийской дивизии, в которой командовали полками под начальством прославленного героя гражданской войны комдива Шапкина, а позже под командованием комбригов Черевиченко и Усенко. Встретившись теперь в быстром движении буквально на скаку, мы дали слово и впредь выручать друг друга.

И сдержали это слово донские казаки гвардейской дивизии Терентьева. Они не теряли связи с нами, вместе мы били врага, вместе совершали героические рейды по тылам противника и в Венгрии, и в Австрии, и в Чехословакии.

Во второй половине дня 5 сентября дивизия получила боевую задачу от командира корпуса П. П. Авдеенко: «Выйти к реке Олт между Чичеу и Меркуря-Чук, южнее форсировать ее и двинуться на Прайд — на северо-запад».

Время не ждало. Надо было собрать командиров частей и их заместителей, принять решение, отдать приказ, организовать взаимодействие и управление в сложных условиях западных предгорий Восточных Карпат. Задача требовала за ночь пробиться до реки, форсировать ее и до рассвета уйти в горы и леса, чтобы противник не мог наносить удары по местам расположения наших войск своей артиллерией и авиацией.

Восточнее намеченных мест форсирования реки, на опушке леса, у сгоревшего немецкого танка, был назначен сборный пункт командиров.

Передав вызов командирам частей и их заместителям, мы засекали время и вместе с заместителем по политчасти подполковником Большаковым, подполковником Сорокиным, капитаном Чеботаревским, капитаном Ашатов Авакимовым стали ожидать прибытия вызванных. Пока собирались командиры, мы хорошо обсудили обстановку, ушли трудности, которые нас встретят.

Быстрее всех прибыли на места сбора офицеры тыла, начальник артснабжения капитан Калашник, начальник

продовольственного снабжения капитан Москаленко, дивизионный ветврач майор Соловьев, начсандив капитан Дресвянский. Их привез на трофейном «хорхе» заместитель командира дивизии по тылу майор Борисов, только что получивший назначение в группу генерала Сусайкова. Как дальневосточный ветеран майор Борисов приехал попрощаться с товарищами и друзьями. До начала наших действий в сложной и тяжелой обстановке нового похода он оставался в дивизии и образцово подготовил к походу все звенья тыла.

Шумно выходили на опушку леса герои прорыва обороны врага в горах, герои яско-карпатских побед. У боевых друзей настроение было хорошее.

...Далеко, северо-западнее места нашего сбора, чернели шапки гор и ущелья, над которыми висели в несколько ярусов седые облака. Это виднелись юго-восточные скаты высоты, обозначенной на карте отметкой «1777». Нам предстояло их преодолеть, чтобы затем атаковать противника с севера, в направлении Прайд и Совата, а позднее — овладеть городом Тыргу-Муреш.

На этом совете решено было освободиться от тылов, обеспечить пехоту достаточным количеством малоемких, но калорийных продуктов, забрать с собою все автоматическое оружие, усилив пулеметно-минометные расчеты автоматчиками. Все, что трудно перевозить в горах, объединить и везти ночами, по мере продвижения на Тыргу-Муреш от Меркуря-Чук, через Одорхей, а затем на север до Прайд. Боевой порядок частей строился в три и два эшелона.

Поход начался. Справа, по узкой полосе, наступал полк Селищева и слева — полк Ворона. Ясский полк майора Томина и батальон майора Шамшурова двигались во втором эшелоне. Противник, отступая, сильно сопротивлялся, используя реки, ущелья, отроги и лес. Наши гвардейцы пробивались в горы, как суворовцы, беря каждый их метр с боем.

11 сентября гвардейцы овладели Банку, перерезали железную и шоссейную дороги Сигишоара — Одорхей и повернули на Прайд.

Сурово принимали нас горы и ущелья этой области заселенной венграми. Над нами бродили черные дождевые тучи.

Гвардейцы шли размытыми, затерянными в лесах

тропами под нависшими скалами. К 10 часам 12 сентября забрались, наконец, на гору с отметкой «1777». С нее, повернув фронт на юг, атаковали Прайд и Совата, вышли на шоссейную и железную дороги Блаж—Тыргу-Муреш

Командарм благодарил нас за упорство, быстрый выход во фланг и в тыл противнику, который все время опасался окружения и бежал без оглядки почти до старой венгерской границы, на реку Мурешул и в горы, южнее ее, и здесь кое-как зацепился.

19 сентября наши гвардейцы, выбив врага из леса, овладели местечком Миказа и завязали бои на венгерской земле за селения Ходош и Дамьели.

Во второй половине дня гвардейская рота Ясского полка во главе с ее командиром лейтенантом Зиновием Филипповичем Прохоровым шла на штурм сопки, которую занимали немецкие и мадьярские подразделения.

Станковый пулемет мадьяр бил по флангу роты не смолкая. Гвардейцы лежали на скате сопки, как на ладони, и не могли поднять голов. Лейтенант коммунист Прохоров и группа гвардейцев подобралась к пулемету с гранатами. В это время пуля врага вонзилась в руку храбреца-лейтенанта, а пулемет снова открыл огонь. Промедление привело бы к большим потерям в роте. Раненый командир бросил в пулеметчиков врага связку гранат, но пулемет продолжал строчить. Тогда коммунист Прохоров поднялся во весь рост, бросился на пулемет и своим телом накрыл его и заставил замолчать.

Гвардии лейтенант Зиновий Филиппович Прохоров пал смертью героя, спасая жизнь воинов своей роты. Во имя Родины он отдал самое лучшее для человека — жизнь. Офицер гвардейской дивизии Прохоров за проявленные мужество и героизм был посмертно награжден высшей правительственной наградой орденом Лени-на и звездой Героя Советского Союза...

ПОХОД К БЕРЕГАМ ТИССЫ

Чтобы не оказаться отрезанным в горах севернее, западнее и южнее города Клуж, противник бросил в бой свои резервы, стремился сковать действия наших войск, не допустить их перегруппировки и смены на реке Мурешул. Он принимал все меры, какие были в его возможностях, чтобы задержать гвардейцев и дать возможность своим войскам оторваться от преследования и отойти из северо-западных районов трансильванских Альп на венгерскую границу, западнее Орадеа-Маре, и там организовать оборону. Основной рубеж обороны он готовил по реке Тисса и на ее правом берегу.

Но как враг ни хитрил, ни изворачивался, как ни бросался в контратаки, ему не удалось помешать перегруппировке советских войск. Полки нашей дивизии сдали свои участки частям 6-й стрелковой Орловской дивизии и по приказу командования начали большой горный поход почти через всю северо-западную Трансильванию и восточную часть Венгрии, преследуя арьергарды, громя их в горах. У нас уже имелся опыт для такого марша.

Используя конный и автомобильный транспорт, полки продвигались по 45—50 километров за ночь. Маршрут был указан командармом Шумиловым и проходил от города Тыргу-Муреш у реки Мурешул вдоль фронта противника. Ведя с ним бои, мы продвигались на юго-запад вдоль реки Мурешул через села Балашевар, Сеймут. После первой дневки — через населенные пункты Каплия, Сант-Мартон, Дежос, Кюллевер, Жажве.

Так же, как и река у подножия гор, дорога сильно виляла. И гвардейцы не могли идти обычным походным

маршем, так как населенные пункты на дороге еще удерживал противник. Приходилось подавлять его огневое сопротивление. Наконец на третьи сутки ночью с короткими боями мы прошли Бучарду, Шард, Златну, Озал.

В ночь на 15 октября гвардейцы батальона капитана Прокапчук, продолжая неустанно преследовать врага от Алба-Илия, повернули на северо-запад — через Брод, Юнешти, Петриень.

17 октября по радиокоманде, полученной от командарма М. С. Шумилова, полки дивизии опять повернули на северо-запад и, разгромив арьергарды противника в лесисто-гористой местности, освободили Бейуш—это примерно в 75 километрах от современной румыно-венгерской границы. И далее снова в горах лесными дорогами мы с боями продвигались на город Орадеа-Маре.

На следующую ночь, вырвавшись на шоссеюную дорогу южнее и юго-восточнее Орадеа-Маре, гвардейцы полков Тимофея Селищева и Андрея Ворона у самого этого города разгромили еще один отряд. Гвардейцы заставили фашистских вояк в панике бежать на запад, оставляя спящий город.

НА ВЕНГЕРСКОЙ РАВНИНЕ

Наконец-то наши гвардейцы, с боями преследуя разбитого противника, вырвались из горно-лесных трущоб на Венгерскую равнину. Осталась позади старая довоенная граница Румынии с Венгрией. Впереди, южнее и севернее нас, раскинулась плодородная низменность, с трех сторон опоясанная Карпатскими горами и пересекаемая с севера на юг Дунаем и с северо-востока — тысячекилометровой Тиссой, притоком Дуная.

Вся эта земля была разделена на неравные куски: мельчайшие наделы крестьян и огромные поместья князей и прочих богачей. В крестьянских хуторах — нищета, в поместьях — красивые коттеджи, шикарные палаты, добротные хозяйственные постройки с современным оборудованием, парки, прекрасные сады и виноградники.

Мы приближались к большим и богатым землям и подворьям главы помещичье-буржуазной Венгрии, палача венгерского народа — Миклоша Хорти.

В этих богатых уголках Хорти бывал каждый год, с блеском празднуя свои именины. Только в этом, 1944 году, сообщили нам батраки и слуги, он не был здесь, потому что объявил траур по своим армиям, павшим на донской земле и в других местах.

С высоких деревьев, на которых саперы оборудовали наблюдательный пункт комдива, виднелся чуть заметный в сизой дымке Будапешт. До столицы еще послушного фашистской Германии сателлита было далеко, но крах фашистской диктатуры над венгерским народом неминуемо приближался. Советская Армия в октябре 1944 года вступила на территорию Венгрии, и под мощными ударами армии-освободительницы чудовищный аппарат фашистского насилия, незыблемо державшийся в стране почти четверть века, затрещал. Используя военную поддержку Советской Армии, венгерский народ стал расправлять свои плечи, и за два месяца фашистская диктатура рухнула, народ победил. В декабре 1944 года в восточной провинции страны, в промышленном городе Дебрецене, образовалось временное национальное правительство, и палач — адмирал Хорти — бежал к своему хозяину. Венгрия перестала быть вассалом фашистской Германии, новое правительство объявило фашистской Германии войну.

Но я опережаю порядок повествования. По нему сейчас еще октябрь 1944 года. Части нашей дивизии 21 октября с ходу развернулись в боевой порядок и вступили в бой на восточной окраине города Карцаг (в 70 км юго-западнее Дебрецена), завершив свой 300-километровый марш в горно-лесистой местности.

Нелишне показать здесь последние тактические приемы и поведение арьергардных отрядов противника.

Как правило, они состояли из танковых и самоходно-артиллерийских установок с моторизованной пехотой или десантами. Отходя по румынской земле, затем по северной Трансильвании, которая была против воли народа передана Гитлером диктаторскому правительству Хорти, они старались удержаться на каждом горном перевале, дефиле, речном переезде, в населенных пунктах, иногда дрались вплоть до полного их уничтожения, потому что за спиной каждого венгра стоял немецкий фашист с автоматом.

Но как только они отошли на территорию Венгрии, их

тактика резко изменилась. Свои города и села мадьярские войска оставляли открытыми после нашего малейшего артиллерийского налета. Как только создавалась угроза обхода и окружения их нашими войсками они уходили.

Очевидно, фашистские эмиссары боялись обострять отношения с венгерским населением. А румынскому народу Гитлер и Хорти мстили за то, что он первым вступил в борьбу против фашизма, стал союзником советского народа.

В ночь на 23 октября полки дивизии передовыми отрядами продолжали сближение с противником, успешно доколачивая его отходящее тыльное охранение. Утром стремительной атакой, сломив сопротивление отрядов, прикрывавших отход войск по шоссе Карцаг-Сольнок и далее в провинцию Пешт, наши полки еще быстрее погнали противника на запад. Днем части дивизии с боями вышли на реку Тиссу, овладели населенными пунктами Кендереш, Федьвернек, Абансалок, Тисса-бе, Сапор-Фала и заняли рубеж: 238-й гвардейский полк Селищева зарылся в дамбу на восточном берегу Тиссы, западнее Кендереш, а одним батальоном на отбитом у противника пароме форсировал Тиссу и захватил плацдарм на западном берегу; 235-й полк вышел на восточный берег Тиссы в ее излучине у Н. Керью; 233-й полк майора Ворона окопался в высокой земляной дамбе севернее и южнее берегового поста.

НА ПРАГУ!

В Берлине 8 мая 1945 года начальник генерального штаба гитлеровского вермахта подписал акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Но в районах Праги и Вены еще продолжались ожесточенные бои. Гитлеровские генералы поспешно готовились совершить преступление. Они решили не сдаваться в плен Советской Армии, взорвать столицу Чехословакии город Прагу, уничтожить ее население и только после этого отступить в зону боевых действий наших союзников — Соединенных Штатов Америки и Великобритании — и там сложить оружие.

В то время, когда наши войска доколачивали врага на Берлинском направлении и в Берлине, 81-я стрелковая гвардейская дивизия стремительным ударом разгромила гарнизон немецко-фашистских войск в городе Вышкове, освободила город.

И тут же дивизия получила новую задачу от командующего 2-м Украинским фронтом маршала Р. Я. Малиновского: ударом в направлениях Нов. Место — Пардубице — Йиглава — Часлав — Колин разгромить части противника, прикрывающие Прагу с юго-востока, и к утру 9 мая овладеть юго-восточной частью чехословацкой столицы.

Мы, гвардейцы, отчетливо понимали высокую ответственность задачи, поставленной перед нами командующим фронтом, и смертельно опасную угрозу, нависшую над столицей чехословацкого народа. Поэтому все наши мысли, силы и умение были направлены на создание из нашей дивизии сильного и грозного для врага механизированного тарана.

А времени было для этого так мало! С наступлением темноты 8 мая части нашей дивизии, получив танки, автомашины, зенитную артиллерию, гвардейские минометы и до двух комплектов всех видов боеприпасов, приступили к выполнению задачи.

С севера от Берлина по врагу, сосредоточенному в районе Праги, наносили удар танковые армии маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко и генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко.

С северо-востока на Пражском направлении наступал всеми своими силами 4-й Украинский фронт генерала армии А. И. Еременко.

С юго-востока, через мосты на реке Эльбе у Пардубице и севернее Колина, спешила 81-я гвардейская механизированная дивизия, прокладывая себе путь на Прагу.

Безостановочному и стремительному движению наших гвардейцев помогали рабочие городов и крестьяне сел. Местные жители были проводниками и разведчиками, агитаторами и переводчиками, регулировщиками и непримиримыми врагами для тех из фашистского лагеря, кто оставался на маршрутах нашего движения.

Так героизмом советских солдат, умением командиров управлять войсками в сложных условиях было пройдено за одну ночь 250 километров, и утром юго-восточная часть города Праги с ее людьми была освобождена от нависшей смертельной угрозы.

Чуть свет люди пригорода, а потом кварталов самого города Праги, еще не зная о том, какая над ними только что висела трагическая опасность, празднично одетые в национальные костюмы, встречали наших гвардейцев как освободителей их родины от фашистской чумы.

Колонны танков, артиллерии, машины с механизированной пехотой народ забрасывал букетами, превращая в копны майских цветов. Старики, дети, юноши и девушки Праги бросались в объятия гвардейцам со слезами на глазах от радости и счастья.

Здания города были украшены трехцветными чехословацкими и красными советскими флагами. Народ рукоплескал и кричал по-русски: «Ура! Ура! Ура!»

Мощным бронированным тараном и боевым походом на Прагу 81-я механизированная гвардейская Дальневосточная Красноградская Краснознаменная ордена Суво-

рова дивизия закончила свой боевой путь в Великой Отечественной войне.

На земле словаков и чехов пали смертью героев многие гвардейцы нашей дивизии — солдаты, сержанты, офицеры, и среди них командир 238-го механизированного полка Герой Советского Союза гвардии подполковник Т. И. Селищев, командир саперной роты гвардии капитан Г. И. Буланов, начальник строевого отделения гвардии капитан Николай Ситников и многие наши боевые товарищи.

Советский народ и народы других стран, в освобождении которых участвовала наша дивизия, будут вечно хранить память о славных боевых делах гвардейцев. И пусть всегда звучит песня Р. Матуса на слова В. Карпенко о Красноградской дивизии.

Наша боевая
Дивизия родная
На Востоке Дальнем рождена
И в боях на Волге —
В дни и ночи долгие —
Пулей и штыком окрещена.

Припев:

Гордись, душа солдатская,
Родная Красноградская
Ордена Суворова дивизия идет!
В огне боев рожденная,
Шагай, Краснознаменная
Гвардейская дивизия, вперед!

Дальние дороги,
Походы и тревоги,
Огненная Курская дуга!
В битвах не дрожали,
«Тигров» поджигали,
У Днепра громили мы врага.

Припев.

Бились мы с отвагой
И в бою под Прагой
Свой победоносный кончили поход.
Пронесли сквозь пламя
Боевое знамя,
Что вручил дивизии народ!
Боевой солдатской
Волжской, Красноградской
Славы не уроним никогда!
С партией любимой
Мы непобедимы —
Мы на страже мирного труда!

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
---------------------	---

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ

Новое назначение	5
Ни одной потерянной минуты	8
Как требуется на войне	14
По приказу Родины	19

ЗА НАМИ СТАЛИНГРАД

В армии генерала Толбухина	24
«Умираю, но не сдаюсь!»	27
Подвиг Александра Алеханцева	30
Разведчики	35
Полки стоят насмерть	36
Награды командарма	40
Хитрость и отвага красюковцев	45
Долина смерти	46
Рейд отряда капитана Фирсова	49
В армии генерала Шумилова	55
Герой—снайпер Самар	61

ЧАС РАСПЛАТЫ НАСТАЛ

Перед наступлением	67
Сокрушительный удар	69
В тылу врага	74
Пять храбрых сердец	77
Кольцо сужается	80
Вот это богатыри!	81
О нем ходили легенды	86

Наступление продолжается	88
Разгром	93
Вечная слава героям Сталинграда!	99

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Под Белгородом	100
Гвардейская стойкость	101
Первый салют	119
Герои взвода Харуна Кудаева	120
Здравствуй, Украина!	122

БЕЛГОРОДСКО-ХАРЬКОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Освобождаем Украину	125
Прорыв на Харьков	129
Подвиг взвода	134
Маневр	135
Харьков в опасности	140
Гвардейская встреча	142
Мерефская оборона	147

ВПЕРЕД, НА КРАСНОГРАДИ К ДНЕПРУ!

Украинский бомбардир	160
Армия форсирует Днепр	163

БИТВА ЗА ПРАВОБЕРЕЖНУЮ УКРАИНУ

Украинские гости	170
Наступление на Кировоград	172

В МОЛДАВИИ НА РУМЫНСКОЙ ЗЕМЛЕ ЯССКО-КИШИНЕВСКАЯ

Снова впереди	186
Штурм Восточных Карпат	189

В СЕВЕРНОЙ ТРАНСИЛЬВАНИИ ПОХОД К БЕРЕГАМ ТИССЫ

На Венгерской равнине	200
---------------------------------	-----

НА ПРАГУ